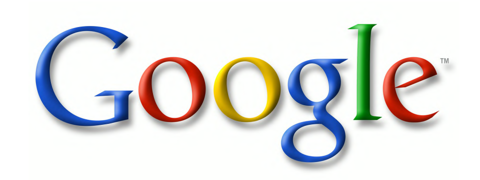

НАУКА СТИХОТВОРСТВА,

сочиненная

Императорской Россійской Академіи Членомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ

Иваномъ Рижскимъ,

и оною Академіею изданная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
Въ Типографіи В. Плавильщикова.
1811 года.

Златая лира, даръ богатый Аполлона
И темновласыхъ Музъ! отъ сладости твоей,
Отъ силы твоего плѣняющаго тона
Трепещутъ радостно сердца у всѣхъ людей.
Твой слыша гласъ Зевесъ со громомъ всемогущимъ
Огнь вѣчный гаситъ грозныхъ стрѣлъ.
И звуками твоими возхищенный
Кидаетъ пылкій Марсъ ужасное копье.

Пиндаръ.

НАУКА СТИХОТВОРСТВА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

§. 1.

Россіяне съ самыхъ древнихъ временъ охотники до стихотворства. Извѣстная всѣмъ пѣснь о походѣ Игоря (поэма) доказываетъ, что оно процвѣтало у насъ еще до порабощенія нашего отечества Татарами; а различнаго рода стихотворенія, вышедшія по освобожденіи Россіи во время возраждающагося въ ней просвѣщенія, особливо при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, показываютъ, что наши соотечественники упражнялися въ немъ и въ сіи времена. Но никогда не было у насъ столько стихотворцевъ, особливо занимавшихся мѣлочными сочиненіями (des poësies fugitives), какъ въ минувшемъ столѣтіи.

О упражненіи Россіянъ въ стихотворствѣ.

Однако не можно сказать, чтобы изъ сего многочисленнаго ихъ сонма много было (что и вездѣ бываетъ) такихъ Лириковъ, какъ Ломоносовъ, такихъ трагиковъ, какъ Сумароковъ, такихъ комиковъ, какъ Визинъ, такихъ баснотворцевъ (fabulistes), какъ Дмитріевъ и проч. Однимъ

Не всѣ въономъ имѣютъ успѣхъ.

словомъ такихъ, которые заслужили всеобщее одобреніе. *) Иные изъ нихъ осуждены на вѣчное забвеніе, или служатъ образцами неудачнаго стихотворенія отъ того, что принялися за сіе дѣло, не имѣя нужныхъ стихотворцу дарованій; иные же хотя и получили отъ природы нѣкоторыя къ сему способности, которыя блистаютъ по мѣстамъ въ ихъ произведеніяхъ, при всемъ томъ малое обращаютъ на себя вниманіе отъ того, что не имѣя истиннаго понятія о Стихотворствѣ, почитаютъ оное дѣломъ весьма обыкновеннымъ, и потому для всякаго, по ихъ мнѣнію, удобнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что довольно для сего сильно воображать, чувствовать, и слѣдовать полету находящейся въ такомъ состояніи души; а другіе еще меншимъ ограничиваютъ оное, то есть однимъ искуствомъ стихосложенія. Отъ сего происходитъ, что первые, предаваясь порывамъ своего возхищенія, и ничѣмъ другимъ не руководствуясь, часто выходятъ за предѣлы здраваго смысла и вкуса; другіе же, заботясь единственно о наблюденіи размѣра слова, нерѣдко пишутъ такъ, что ихъ мѣрно падающая и звучащая риѳмами

И отъ чего?

---

*) Смотри стихотвореніе И. И. Дмитріева подъ названіемъ: *Чужой толкъ.*

рѣчь не содержитъ въ себѣ ничего существенно стихотворческаго.

§. 2.

Сіи обоего рода недостатки нашихъ стихотворцевъ весьма много, по моему мнѣнію, зависятъ отъ недостатка на нашемъ языкѣ такой науки стихотворства (Піитика), которая бы дала полное и основательное понятіе о сущности стихотворства. Всѣ, какія мы имѣемъ на Россійскомъ языкѣ, правила сего искуства или занимаются изтолкованіемъ стопосложенія, или весьма кратко и недостаточно предлагаютъ о разныхъ родахъ стихотвореній, или содержа нѣсколько общихъ о стихотворствѣ понятій, сообщаютъ ихъ не въ связномъ порядкѣ, но случайно и разбросанно.

Нѣтъ у насъ хорошей Піитики.

§. 3.

Сіе убѣждаетъ меня прежде, нежели покажу разные роды стихотвореній, предложить нѣкоторыя общія понятія о семъ искуствѣ; и на семъ основаніи науку стихотворства раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первая будетъ содержать общія о немъ разсужденія, а другая частныя правила разныхъ родовъ стихотвореній. Для тѣхъ, которымъ природа отказала въ стихотворческихъ дарованіяхъ, довольно бу-

Наука Стихотворства раздѣляется на двѣ части.

детъ пройти первую часть, чтобъ увѣриться, что весь трудъ ихъ въ семъ дѣлѣ будетъ напрасенъ; а тѣ, которые родилися для стихотворенія, можетъ быть найдутъ въ сей наукѣ нѣкоторое руководство.

§. 4.

Откуда почерпнуты предлагаемыя правила?

При семъ за нужное почитаю изъяснить, что я предпріемлю сіе отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать себя знающимъ то, что другимъ неизвѣстно. Лучшіе наши стихотворцы хотя не писали о семъ, но своими произведеніями доказываютъ, что всѣ сіи замѣчанія, которыя намѣренъ я предложить, имъ весьма извѣстны изъ иностранныхъ о семъ предметѣ писателей. Изъ сихъ такъ же и я почерпалъ свои замѣчанія, присовокупляя къ нимъ нѣсколько собственныхъ моихъ соображеній, къ коимъ служили мнѣ поводомъ тѣже иностранныя о стихотворствѣ сочиненія и чтеніе лучшихъ какъ природныхъ, такъ и чужеязычныхъ стихотворцевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ

ОБЩІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ ПОНЯТІЯ.

§. 5.

Три отдѣленія составятъ сію часть. Въ первомъ будутъ объяснены существенныя и отличительныя качества стихотворства вообще; во второмъ пособія, нужныя для успѣха въ немъ; а въ третьемъ цѣль и разныя мнѣнія о произвождeніи онаго.

Раздѣленіе первой части на три отдѣленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О СУЩЕСТВЕННЫХЪ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ СТИХОТВОРСТВА.

---

§. 6.

О различіи стихотворства отъ краснорѣчія и свободныхъ художествъ.

Искуство стихотворенія всего болѣе имѣетъ сходства съ краснорѣчіемъ и свободными художествами. И такъ, чтобы снискать истинное о существѣ его понятіе, (чѣмъ обыкновенно почитается всякое важное, и при томъ новое дѣло); то необходимо нужно замѣтить тѣ его качества, которыми оно отъ того и другихъ отличается, и слѣдственно кои собственно и единственно ему принадлежатъ. Его различіе отъ художествъ, заключающееся единственно въ тѣхъ способахъ, какими они изображаютъ изящную природу, *) гораздо явственнѣе, нежели различіе отъ краснорѣчія, такъ, что многіе изъ самыхъ искуснѣйшихъ писателей о

*) Что живописецъ изображаетъ красками, каменосѣчецъ и ваятель образованіемъ грубаго вещества, танцовщикъ тѣлодвиженіями, музыкантъ тонами; то стихотворецъ мѣрнымъ словомъ.

семъ дѣлѣ затрудняются назначить рѣшительный предѣлъ между тѣмъ и другимъ. Столь много есть общаго имъ обоимъ! То и другое сильно дѣйствуютъ надъ нами; то и другое одинъ имѣютъ источникъ сей силы, то есть изящную природу; то и другое суть произведенія восторга; наконецъ то и другое однимъ дѣйствуютъ орудіемъ, то есть словомъ. Но разсмотримъ, нѣтъ ли въ сихъ общихъ краснорѣчія и стихотворства качествахъ какихъ оттѣней, изъ коихъ однѣ принадлежатъ собственно первому, другія другому.

§. 7.

Витійство и стихотворство дѣйствуютъ различными дарованіями.

Дѣйствіе, которое имѣютъ надъ нами витійство и стихотворство, различно тѣмъ, что каждое изъ нихъ проницаетъ въ нашу душу своимъ особливымъ, такъ сказать, путемъ. Витія, чтобы привести ее въ необыкновенное состояніе, дѣйствуя силами разума, старается овладѣть разумомъ другихъ; стихотворецъ, употребляя собственное воображеніе, первымъ предметомъ своего искуства имѣетъ воображеніе или сердце другихъ: и потому первый почти вездѣ или историкъ или философъ, другой почти вездѣ мечтатель *). Отъ перваго всякой ожидаетъ истин-

*) Я не знаю стихотворенія, которое бы не содержало басней или вымысловъ, говоритъ Плутархъ.

ны и новыхъ познаній; отъ другаго пріятныхъ вымысловъ и новыхъ всегда причинъ къ восторгамъ: первый говоритъ о томъ, что действительно; другой о томъ, что правдоподобно: первый везде наблюдаетъ, чтобы не произнести чего либо противнаго общимъ законамъ природы, не имея способовъ сего закрыть, поелику употребляемыя имъ украшенія слова таковы, что оно при всемъ томъ остается естественнымъ; но другой, говоря о вещахъ несбыточныхъ и несообразныхъ со строгою истинною, своимъ искуствомъ даетъ всему тому видъ справедливости. Нерѣдко правда витія, чтобы сильнѣе подѣйствовать надъ разумомъ, прибѣгаетъ къ средствамъ свойственнымъ стихотворцу; нерѣдко онъ, какъ бы забывая объ убѣжденіи своихъ слушателей, занимается тѣмъ, чтобы привести въ восторгъ ихъ воображеніе, или растрогать чувствительность ихъ сердца. Но и въ семъ случаѣ онъ никакъ не смѣетъ выдти за предѣлы истинны; онъ изображаетъ однѣ только дѣйствительныя изящества; и возбуждаемыя имъ восхищенія и волненія души суть впечатлѣнія почти того же рода, какія дѣлаютъ въ насъ самые предметы.

Какъ витія употребляетъ воображеніе?

§. 8.

При всемъ томъ цѣль

Равнымъ образомъ стихотворство послѣднею своею цѣлію всегда имѣетъ тоже,

что и риторство. Оно было бы совершенно дѣтскою забавою, естьли бы не сообщало намъ истинны и не внушало добродѣтели; но оно достигаетъ сего совсѣмъ инымъ образомъ. Зная, что сердце человѣка, находящагося въ приятномъ упоеніи, удобопреклонно ко всему, прежде всего приводитъ его въ возторгъ или въ состояніе страсти, и въ то самое время удобно разполагаетъ его разумомъ. Для сего-то не сомнѣвается оно прибѣгать къ вымысламъ. Правда, что внушаемыя симъ способомъ возхищенія и чувствованія суть только призраки оныхъ, продолжающіеся въ насъ дотолѣ, доколѣ занимаютъ насъ самые вымыслы, но призраки нужные стихотворцу: ибо въ минуты изступленія, въ которое они приводятъ душу, дѣлается онъ повелителемъ ея мыслей и воли. Кратко сказать, торжествовать надъ разумомъ и желаніями подобныхъ себѣ есть общая цѣль какъ витіи, такъ и стихотворца; но одинъ идетъ къ ней прямо нерѣдко неприятнымъ, а другой стороннимъ, всегда обольстительнымъ путемъ.

витіи и стихотворца одна.

§. 9.

Различнымъ такъ же образомъ витія и стихотворецъ пользуются изящною природою. Одинъ довольствуется тѣмъ

Какъ витія и стихотворецъ пользует-

ся изящ- состояніемъ, въ какомъ ее дѣйстви-
мою приро- тельно находитъ; другой почитая сіе не-
дою? достаточнымъ, представляетъ ее себѣ совершеннѣйшею: и потому одинъ только наблюдаетъ и вѣрно изображаетъ; другой въ мысляхъ своихъ украшаетъ и даже, такъ сказать, передѣлываетъ ее на свой вкусъ; витія употребляетъ свои дарованія на то, чтобы разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ свой предметъ, и узнать его истинное состояніе, существенныя качества, дѣйствія, части, отношенія и проч. дабы не приписать ему, чего онъ не имѣетъ, или не отнять у него, что онъ имѣетъ, а еще болѣе, чтобъ не измѣнить его въ другой; и такимъ образомъ обнаруживаетъ его внутренность, по крайней мѣрѣ даетъ о немъ справедливое понятіе: но напротивъ сего стихотворецъ обозрѣваетъ въ своемъ предметѣ всего болѣе то, что въ немъ есть изящное, и по большой части недоволенъ будучи тѣмъ, что находитъ въ немъ, силою своего мечтанія воображаетъ его въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ бы видѣть его, то есть гораздо изящнѣе и болѣе поражающимъ чувства; для сего мысленно составляетъ его изъ частей и качествъ избраннѣйшихъ, заимствуя каждое изъ нихъ у какого нибудь другаго подобнаго ему существа, и приписываетъ ему дѣй-

ствія и отношенія чудеснѣйшія, но правдоподобныя, то увеличиваетъ, то уменшаетъ его, или придавая ему, или отъемля у него нѣчто, и часто остоновляетъ свое и другихъ воображеніе на нѣкоторыхъ маловажныхъ, но такихъ обстоятельствахъ, которыя болѣе другихъ сообщаютъ изящества его предмету; а иногда для сего же самаго, оставляя оный, занимается чѣмъ нибудь стороннимъ. Однимъ словомъ, занимающій его предметъ служитъ ему токмо побужденіемъ разлиться своимъ воображеніемъ по всей вещественной и нравственной природѣ, по всѣмъ историческимъ и баснотворнымъ преданіямъ, дабы изъ всего того собрать, что гдѣ есть лучшее и плѣнительнѣе, а изъ собранныхъ такимъ образомъ сокровищъ выбравъ, что болѣе соотвѣтствуетъ его цѣли, и сообразивъ, помѣщаетъ въ своемъ предметѣ. По сей причинѣ витія говоря о вещахъ дѣйствительныхъ и притомъ то, что всякой можетъ узнать въ нихъ собственнымъ наблюденіемъ или размышленіемъ, кажется членомъ обыкновеннаго человѣческаго общества, и предполагаетъ своихъ читателей такими же: но стихотворецъ, предлагая о томъ, что токмо существуетъ въ воображеніи, предлагая такъ, что одна только находящаяся въ востор-

гѣ мысль можетъ сему вѣрить, не только самъ кажется обитателемъ другаго какого либо міра, но и читателей своихъ представляетъ такими же.

§. 10.

Оба рода краснорѣчія требуютъ восторга.

Человѣкъ, котораго воображеніе спокойно и сердце равнодушно, можетъ говорить внятно, правильно, благоразумно, но никогда плѣнительно, сильно, рѣзко. Такая рѣчь есть изліяніе наполняющей душу страсти или обладающаго оною восторга. А посему не одинъ стихотворецъ, но и витія тогда токмо бываютъ истинно краснорѣчивы, каждый въ своемъ родѣ, когда бываютъ вдохновенны какими нибудь живыми чувствованіями *). Одно сильное отвращеніе къ рабству дѣлало Димосѳена толь опаснымъ Филиппу; одна живо представляемая опасность отечества родила тотъ громъ, которымъ Цицеронъ привелъ внѣ себя Катилину, впрочемъ рѣшившагося на все. Правда, что съ того времени, какъ искуство привело

*) И простой народъ употребляетъ рѣзкіе тропы, когда воображеніе или сердце бываютъ возпламененны. Отъ сего во всѣхъ языкахъ есть сіи метафоры: глаза сверкаютъ, кровь хладѣетъ, надменъ гордостію, сердце отъ радости трепещетъ, и проч.

въ правила важнѣйшихъ способностей нашихъ естественныя дѣйствія, часто сіи бываютъ такъ удалены отъ истиннаго своего источника, что даже противополагаются тому, что прямо произтекаетъ изъ онаго. Такъ образованная нынѣшняя пляска не состояніе души, но тонкія соображенія искуства выражающая, составляетъ нѣчто противоположное пляскѣ дикихъ, въ которой всякое движеніе есть изображеніе особливаго сердечнаго чувствованія. Сколько противоположеній имѣетъ въ себѣ нынѣшняя музыка, сравненная съ изліяніемъ душевныхъ волненій дикаго на простой свирѣли! Подобнымъ образомъ и витійство нынѣ есть языкъ болѣе искуства, нежели истинной страсти или восторга. Но естьли оно при всемъ томъ не будетъ казаться по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ мѣстахъ произведеніемъ живыхъ чувствованій, всегда останется обыкновеннымъ, а не краснорѣчивымъ словомъ.

§. 11.

Впрочемъ страсть и восторгъ, (которой можно назвать страстію воображенія), кои одушевляютъ прозаиста, бываютъ другаго рода и инаго качества, нежели свойственныя стихотворцу. Сего различія причиною вопервыхъ суть самые пред-

Чѣмъ различенъ восторгъ стихотворца отъ восторга витіи?

меты сихъ чувствованій. — То, чѣмъ восхищается, или отъ чего воспламеняется страстію витія, дѣйствительно находится въ природѣ, и входитъ въ его душу чрезъ чувства или чрезъ разумъ; напротивъ того предметъ страсти и восторга стихотворца по большой части есть собственнное его, то есть его мечтанія твореніе. Слѣдовательно чувствованія перваго суть дѣйствительныя (reélles), втораго мечтательныя (illusoires). Однако не должно изъ сего заключать, что ощущенія витіи отъ того живѣе и стремительнѣе. На самомъ дѣлѣ совсѣмъ противное тому бываетъ, или по тому, что дѣйствія воображенія сильнѣе поражаютъ нашу душу, нежели дѣйствія другихъ способностей, или по тому, что мечтательное изящество, созидаемое стихоторцемъ, несравненно выше дѣйствительнаго. Прозаистъ во время самой страсти или восторга способенъ еще размышлять, и употребляя сіи средства къ достиженію своей цѣли, со всемъ однако надлежащимъ вниманіемъ входитъ во все; разсматриваетъ относящіяся къ его предмету мысли; избираетъ изъ нихъ сообразнѣйшія съ намѣреніемъ, и размѣщаетъ ихъ такъ, чтобъ онѣ отъ сего еще болѣе получили силы; но вездѣ остерегается, чтобы не сказать чего ни-

будь противнаго истиннѣ, зная, что онъ долженъ быть токмо истолкователемъ природы: для сего онъ оставляетъ свой предметъ въ томъ мѣстѣ, въ томъ времени, въ томъ состоянiи, какъ оный находится въ природѣ. Но страсть и восторгъ стихотворца столько наполняютъ его душу, что онъ часто нимало, кажется, не мыслитъ ни о какихъ слушателяхъ, и говоритъ единственно для того, чтобъ излить обременяющiй его избытокъ чувствованiя, которое одно, кажется, замѣняетъ собою всѣ дѣйствiя прочихъ дарованiй, находящихся въ то время въ крайнемъ замѣшательствѣ. Отъ сего произходитъ, что стихотворецъ, весь предавшись впечатлѣнiямъ своего изящества, забываетъ о дѣйствительномъ онаго состоянiи, и заботится не о томъ, чтобы представить свой предметъ точно, но о томъ, чтобы живо выразить его съ той стороны, съ которой оный болѣе дѣйствуетъ на его вообраЖенiе или сердце. Въ семъ намѣренiи онъ, такъ сказать, воплощаетъ, даже лицетворитъ его, хотя тотъ не имѣетъ ничего въ себѣ вещественнаго; и представляетъ его какъ бы находящимся предъ своими чувствами, хотя оный находится въ другомъ совсѣмъ мѣстѣ и въ кругу другаго времени, такъ, что въ семъ

случаѣ о стихотворцѣ можно сказать то, что сказалъ Виргилій о влюбленной Дидонѣ: illum absentem auditque videtque, то есть, ей кажется, что она и слышитъ, и видитъ только его, хотя его совсѣмъ тутъ нѣтъ.

§. 12.

О различныхъ родахъ восторга, свойственныхъ различнымъ родамъ стихотвореній.

Здѣсь, скажутъ мнѣ, восторгъ стихотворца весьма увеличенъ; поелику онъ часто занимается такими предметами, которые не столько важны, чтобъ могли привести въ такой восторгъ. Чтобъ отвѣтствовать на сіе, предварительно нужно знать, что различнаго рода предметы, занимающіе стихотворца, производятъ въ немъ восторги разные, правда, не степенію, а особливымъ токмо родомъ внутреннихъ ощущеній, такъ, что одинъ есть живое чувствованіе чего нибудь нѣжнаго, другой смѣшнаго, третій ужаснаго, четвертый величественнаго, и проч. Отъ сего произходитъ, что нѣкоторые изъ нихъ, состоя изъ ощущеній тихихъ, но не менѣе нежели другія, наполняющія собою душу, кажутся нижшей степени предъ тѣми, коихъ составляютъ весьма порывистыя чувствованія. Между тѣмъ однако всякой, какой бы ни былъ, восторгъ всегда будетъ источникомъ посредственнаго стихотворческаго произве-

денія, естьли онъ не достигъ еще самой высокой, свойственной его роду, степени.

§. 13.

Чѣмъ руководствуется стихотворецъ въ выборѣ словъ и выраженій?

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ витія и стихотворецъ изображаютъ свои мысли и чувствованія посредствомъ слова. У того и другаго оно служитъ убранствомъ ихъ рѣчи, въ которомъ видно состояніе ихъ души. Отъ сего рѣчь стихотворца кажется, ежели не особливымъ языкомъ, по крайней мѣрѣ особливымъ какъ бы нарѣчіемъ того языка, которымъ говоритъ прозаистъ. Находящееся въ восторгѣ воображеніе стихотворца, приписывая всему умственному чувственныя качества, и всему чувственному, какой угодно, видъ, составъ, природу, превращаетъ обыкновенныя, свойственныя прозѣ понятія въ такія, которыя болѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе, а иногда раждаетъ совершенно новыя, сродныя одному восторгу. Къ сему присоединяется чрезмѣрное стараніе стихотворца всякую мысль, всякое чувствованіе такими изобразить выраженіями, которыя бы дѣлали ихъ какъ бы подлежащими чувствамъ. Вотъ, почему онъ въ выборѣ словъ бываетъ разборчивъ, въ изобрѣтеніи оныхъ какъ бы самосластенъ, въ употребленіи украшеній отваженъ. Въ разсужде-

нiи выбора словъ онъ по большой части удаляется такихъ, которыя, такъ сказать, собственно принадлежатъ витiи, то есть, коими изображаются понятiя отвлеченныя; напротивъ того старается вездѣ изъясниться такими рѣченiями, которыя, сообщая мыслямъ ими изображаемымъ чувственныя качества, даютъ рѣчи стихотворца такую живость, которая для прозы была бы чрезмѣрна.

§. 14.

Чѣмъ руководствуется стихотворецъ въ составленiи новыхъ словъ?

Тѣмъ же самымъ намѣренiемъ руководствуется стихотворецъ въ случаѣ изобрѣтенiя новыхъ словъ, то есть, онъ старается вездѣ сдѣлать свои понятiя, сколько возможно, болѣе дѣйствующими на воображенiе: и для того иногда созидаетъ такiя реченiя, которыя удовлетворяя его намѣренiю, въ обыкновенной рѣчи отличалися бы отъ всѣхъ другихъ своею чрезмѣрною выразительностiю. *)

Какiя украшенiя свойственны стихотворству?

Употребляемыя имъ украшенiя почти ту же имѣютъ цѣль. Возхищенное воображенiе стихотворца видитъ такiя между вещами сходства, противоположенiя и другаго рода отношенiя, которыхъ находящiйся

*) Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать? разженился. Г. Дмитрiевъ.
Упиваясь одопѣнiемъ. Г. Карамзинъ.

въ обыкновенномъ состояніи человѣкъ не усматриваетъ. Отъ сего метафоры, катахрезисы, иперболы и всѣ почти тропы у стихотворца представляютъ нѣчто новое, въ обыкновенной рѣчи не встрѣчающееся, и нерѣдко болѣе, нежели отважное. Фигуры, дающія жизнь, разсудокъ и слово существамъ неодушевленнымъ, даже мысленнымъ, въ рѣчи стихотворца болѣе, нежели въ словѣ прозаиста, кажутся правдоподобными *) отъ того, что сіи превращенія (metamorphoses) и лицетворенія (personifications) во время его возторга кажутся самому болѣе дѣйствительными, нежели вымышленными.

§. 15.

Какъ стихотворецъ наблюдаетъ грамматическія правила въ своей рѣчи?

Наконецъ какъ въ такомъ состояніи духа представленія вещей, ихъ свойствъ, дѣйствій и проч. бываютъ въ нашемъ умѣ въ нѣкоторомъ соотвѣтствующемъ оному безпорядкѣ; то стихотворецъ часто измѣняетъ реченія по правиламъ грамматики, и соединяетъ въ своей рѣчи мысли

---

*) Напримѣръ:

И черный Понтъ надувъ хребетъ,
Валитъ, реветъ во слухъ Селиму,
Обьяту думой, нерѣшиму:
Возпрянь! уже Перуна нѣтъ!

Г. Дмитріевъ на смерть К. Потемкина.

*

такимЪ образомЪ, что вЪ семЪ самомЪ явственно видно бываетЪ возмущенное состоянiе его души. *) ОнЪ прошедшее или будущее представляетЪ настоящимЪ, лице третiе превращаетЪ во второе, удаленное отЪ него вЪ находящееся предЪ нимЪ, и для того вмѣсто мѣстоименiй, нарѣчiй и предлоговЪ, означающихЪ что нибудь отсутствующее, употребляетЪ противныя имЪ. ВЪ разсужденiи связи мыслей, иногда онЪ оставляетЪ ихЪ безЪ всякихЪ союзовЪ, иногда же употребляетЪ союзы не тѣ, какiе бываютЪ вЪ такихЪ случаяхЪ вЪ обыкновенной рѣчи.

§. 16.

Что наблюдаетЪ стихотворецЪ вЪ рѣчи своей относительно кЪ слуху?

Сей внушаемый стихотворцу восторгомЪ или страстiю его языкЪ дѣйствуетЪ непосредственно на воображенiе или на сердце. Но человѣческое слово имѣетЪ вЪ составѣ своемЪ нѣчто, чѣмЪ оно производитЪ вЪ нашемЪ слухѣ прiятныя впечатлѣнiя, и тѣмЪ самымЪ услаждаетЪ нашу душу. СтихотворецЪ, котораго главная цѣль, главный успѣхЪ состоитЪ вЪ томЪ,

---

*) ВотЪ примѣрЪ хотя и вЪ прозѣ, но явственно показывающiй рѣчь произнесенную во время смятенiя души: „Per, ego, te, fili, quaecunque jura liberos parentibus iungunt, et cet. Liv.

чтобы нравиться, рачительно пользуясь тѣмъ, что токмо можетъ сдѣлать рѣчь его приятною, не оставляетъ безъ внимания и онаго обстоятельства нашего слова. Въ семъ намѣреніи онъ вездѣ наблюдаетъ, дабы рѣчь его состояла изъ такихъ звуковъ и звукоизмѣненій, которые бы имѣли нѣкое услаждающее слухъ согласованіе (harmonia), естьли токмо позволяетъ сіе другой необходимѣйшій родъ его искуства, то есть, мѣра слова. Сверхъ сего онъ тѣ качества рѣчи, которыми она весьма чувствительно дѣйствуетъ на слухъ, съ особливымъ искуствомъ употребляетъ къ выразительнѣйшему изображенію своего предмета. Сіе искуство его состоитъ иногда въ томъ, что бываютъ повторяемы такіе звуки и звукоизмѣненія, которые явственно сходствуютъ съ естественными качествами изображаемой вещи; иногда же для живѣйшаго представленія оныхъ даетъ посредствомъ искуства своему слову то быстрое, то медленное теченіе *). Про-

*) Г. Мейнерсъ, Профессоръ словесности въ Геттингенѣ, изъясняется о семъ слѣдующимъ образомъ: языки тѣмъ стихотворнѣе, чѣмъ изобильнѣе выраженіями, подражающими природѣ, (verbis onomatopoëticis); чѣмъ больше имѣютъ многоразличія въ нѣжныхъ и грубыхъ, краткихъ и долгихъ,

страннѣе о семъ въ введеніи въ кругъ словесности §. 23. 25. Въ опытѣ риторики §. 13. Въ первой части сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею, стр. 245. о звукоподражаніи.

§. 17.

Стихотворецъ изчисляетъ и размѣряетъ всѣ звуки въ своей рѣчи.

Стихотворецъ простираетъ свое искуство еще далѣе. Онъ даетъ своему слову такое сладкозвучіе, которое дѣлаетъ оное подобнымъ музыкѣ, изчисляя и измѣряя всѣ входящіе въ его рѣчь звуки. Онъ какъ бы присвоилъ себѣ то нашего слова качество, которое мы называемъ ладомъ (rythme) или слогопаденіемъ (cadance), такъ, что въ его рѣчи бываютъ подобраны слогъ къ слогу такимъ образомъ, что время употребляемое на произношеніе одного изъ нихъ содержится по большой части нѣсколько разъ во времени употребляемомъ на произношеніе другаго и обратно. Слѣдственно всякой слогъ въ отношеніи къ другому ближайшему находится въ Геометрической пропорціи. Но опытъ

легкихъ и трудныхъ къ выговору словахъ; чѣмъ ощутительнѣе въ нихъ гармонія и мелодія, и чѣмъ достаточнѣе въ нихъ запасъ стихотворныхъ выраженій. (Главное начертаніе Теоріи изящныхъ наукъ Мейнерса, перев. на Росс. языкъ, част II. §. 5.

свидѣтелемъ тому, что сія пропорція, когда весьма проста и внятна, какою она обыкновенно бываетъ въ семъ случаѣ, чрезмѣрно нравится намъ. Отъ сего самые дикіе находятъ удовольствіе въ пѣніи и пляскѣ, имѣющихъ свое основаніе на подобномъ отношеніи звуковъ составляющихъ первое, и движеній, изъ коихъ состоитъ другая. Впрочемъ сродная человѣческому слову геометрическая пропорція гораздо простѣе, и слѣдственно гораздо понятнѣе, нежели находящаяся въ пляскѣ и музыкѣ, въ коихъ кромѣ времени многія другія свойства ихъ имѣютъ еще взаимную свою пропорцію. Но какъ пропорція въ разсужденіи времени составляетъ во всѣхъ родахъ лада самое главное и самое явственное ихъ качество; то весьма вѣроятно, что она съ начала будучи замѣчена въ одномъ токмо которомъ нибудь ладѣ, была поводомъ къ открытію оной въ другомъ; что по семъ открытіи единственно для умноженія удовольствія, доставляемаго симъ весьма ощутительнымъ и общимъ всѣхъ ладовъ качествомъ, древніе соединяли всѣ ихъ вмѣстѣ, и что наконецъ другія кромѣ времени свойства пляски, особливо музыки геометрическимъ своимъ соотношеніемъ придавали болѣе живости ладу слова, и возвышали приносимое имъ удовольствіе.

§. 18.

На чѣмъ основывается искуство измѣрять и изчислять звуки въ рѣчи?

Поелику музыка и пляска нынѣ составляютъ совсѣмъ отдѣленныя отъ стихотворства (къ немалой потерѣ онаго) искуства; то займемся единственно ладомъ слова. Его источникомъ есть то, что мы, произнося рѣченіе, состоящее изъ нѣсколькихъ слоговъ, выговариваемъ иной слогъ съ такимъ какъ бы равнодушіемъ, что ничто не задерживаетъ насъ при его произношеніи, инойже напротивъ сего какъ бы съ нѣкоторымъ чувствіемъ, которое изображаемъ или возвышеніемъ, или пониженіемъ, или сперва возвышеніемъ, а потомъ пониженіемъ голоса. Какъ сіи измѣненія голоса естественно задерживаютъ насъ надъ произношеніемъ того слога, которой мы такимъ образомъ выражаемъ; то отъ сего произходитъ, что на произношеніе такого слога употребляемъ гораздо болѣе, а для другихъ гораздо менѣе времени, но такъ, что сіе разномѣрное количество времени всегда находится въ весьма простомъ и явственномъ одно къ другому содержаніи а именно, время употребляемое на произношеніе слога безъ измѣненія надъ нимъ голоса всегда содержится, какъ половина къ единицѣ.

Вѣроятно, измѣненія голоса, бывающія во время про-

Можетъ быть, что сіи измѣненія голоса, при произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ употребляемыя, какъ сами по себѣ, такъ

и посредствомъ смѣшенія съ слогами, которые бываютъ произносимы равномѣрнымъ голосомъ, имѣли когда нибудь участіе въ стихотворческомъ слогопаденіи. Греческое prosodia, и Латинское accentus (ad cantum) даютъ поводъ думать, что изъясненное качество произношенія стихотворческой рѣчи соединяемо нѣкогда было съ подобнымъ качествомъ музыки. Какъ бы то ни было, но нынѣшнее стихосложеніе довольствуется однимъ тѣмъ свойствомъ лада, которое состоитъ въ показанной пропорціи времени употребляемаго на произношеніе. изношенія, участвовали прежде въ стихотвореніи.

§. 19.

Показаннымъ измѣреніемъ слова стихотворецъ пользуется такимъ образомъ, что обыкновенно раздѣляетъ свою рѣчь на нѣсколько равныхъ или неравныхъ частей, называемыхъ стихами, составляя по большой части каждый стихъ изъ предписаннаго правилами числа отдѣленій именуемыхъ стопами, а каждую стопу изъ назначеннаго числа и извѣстной между собою пропорціи слоговъ. Стопа состоитъ иногда изъ двухъ долгихъ, иногда изъ двухъ короткихъ, иногда же изъ одного долгаго и одного короткаго слоговъ, такъ, что естьли положить, что время употребляемое на произношеніе долгаго слога равно единицѣ; то изъ показанныхъ стопъ первая будетъ равна двумъ Какъ составляются стихи?

единицамъ, вторая одной единицѣ раздѣленной на двѣ равныя части, а третія одной единицѣ и половинѣ другой. Есть также стихотворческая стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ, то есть двухъ короткихъ и одного долгаго; есть даже, которыя заключаютъ въ себѣ четыре слога, и кои суть не что иное, какъ соединенныя въ одну двѣ стопы двусложныя. Впрочемъ всѣмъ извѣстно, что въ Россійскомъ стихосложеніи болѣе всего употребляется ямбъ, нерѣдко хорей, и вмѣсто какъ того, такъ и другаго Пиррихій, но рѣже гораздо дактиль и анапестъ *). Величественные Греческіе и Латинскіе шестистопные стихи, состоящіе изъ дактилей и спондеевъ, служатъ доказательствомъ, что разносложныя стопы, употребляемыя въ одномъ стихѣ, несравненно болѣе даютъ оному сходства съ музыкою. Впрочемъ хотя изъ разносложныхъ стопъ будетъ состоять стихъ; но онъ никогда не имѣетъ въ себѣ полныхъ стопъ болѣе шести и менѣе одной **).

*) Имена прочихъ стопъ, неупотребительныхъ въ нашемъ стихосложеніи, кому угодно, можно найти въ Піитикѣ А. Байбакова.

**) Способъ нынѣшняго нашего стихосложенія обстоятельно описанъ въ первомъ томѣ сочиненій и переводовъ Г. Тредіяковскаго, напечатанныхъ въ С. Петербургѣ 1752 года. стр. 95 — 143.

§. 20.

О риѳмѣ.

Наконецъ къ приятности, произходящей отъ подбора стопъ, составляющихъ стихъ, стихотворцы среднихъ и новыхъ временъ разсудили еще прибавить единозвучное окончаніе двухъ или нѣсколькихъ стиховъ, называемое у насъ Риѳмою. Не льзя сказать, чтобъ сей родъ украшенія стиховъ не придавалъ имъ нѣсколько сладкозвучія; но самые превосходные стихотворцы иногда жалуются на то, что часто принуждены бываютъ жертвовать достоинствомъ мысли сей наружной красотѣ стиха. Греки, имѣвшіе толь нѣжный и разборчивый слухъ, и подражатели ихъ Римляне умѣли дѣлать свои стихи весьма мусикійскими и безъ сего украшенія. Но чтобъ не быть страннымъ, надобно слѣдовать общему обыкновенію. Какъ шестистопные и пятистопные стихи весьма длинны; то искуство стихосложенія отвращая сіе неудобство, изобрѣло еще способъ сообщить имъ особливый родъ приятности посредствомъ раздѣленія ихъ на двѣ равныя части, называемыя полустишіями *).

*) Сіе пресѣченіе (caesura) еще болѣе, кажется, дало бы стихамъ сходства съ музыкою; естьли бы могло быть употреблено не только въ срединѣ, но и въ другихъ мѣ-

§ 21.

О стихахъ, въ коихъ звуки не измѣняются, но изчисляются только.

Остается теперь сказать нѣчто о томъ недостаточномъ способѣ стихосложенія, въ которомъ стихъ составляется не изъ показанныхъ стопъ, но изъ опредѣленнаго числа слоговъ. Не взирая, что сего рода стихи малымъ чѣмъ разнятся отъ прозы въ разсужденіи мусикіи, извѣстнѣйшіе народы какъ напримѣръ Агличане и Французы и по нынѣ ихъ употребляютъ. Знать его заставляетъ насъ то, что чрезъ 70 или болѣе лѣтъ частію въ 17-мъ, частію въ 18-мъ вѣкахъ такъ писали наши лучшіе тогдажніе стихотворцы. Какое у насъ существовало стихосложеніе до конца 15-го вѣка, о томъ ничего не можно сказать достовѣрнаго. Но въ сіе время при великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ бывшій въ Москвѣ ученый Грекъ, по имени Максимъ, который первый сочинилъ граммашику Славенскаго языка, старался ввести въ нашъ языкъ подобное Греческому и Латинскому стихосложеніе безъ риѳмъ; но какъ по его правиламъ о словоударенiи, въ которыхъ

Краткое повѣствованіе о стихосложеніи Россійскомъ.

стахъ стиха, какъ-то бываетъ въ стихосложеніи Аглинскомъ, въ коемъ шестистопный стихъ можетъ имѣть пресѣченіе послѣ четвертаго, пятаго, шестаго и седмаго слоговъ.

онъ сообразкался съ Латинскими, многіе слоги должно было произносить противъ ударенія; то по сей причинѣ вводимое имъ стихосложеніе не было принято. Потомъ Петръ Могила, Митрополитъ Кіевскій, основатель Кіевской Академіи, замѣнилъ оное другимъ, взятымъ съ Польскаго, и состоящимъ, какъ уже сказано, въ опредѣленномъ числѣ слоговъ, составляющихъ стихъ, безъ всякаго наблюденія геометрической между ими пропорціи. Сего рода стихи у насъ были почти всегда состоящіе изъ 13 слоговъ, имѣющіе пресѣченіе послѣ седьмаго слога и риѳму женскую *). Сіе, начавшееся въ Малой, а потомъ введенное и въ Великую Россію стихосложеніе было въ употребленіи у насъ до 1735-го года, въ которомъ Г. Тредіаковскій признавъ, что древнее Греческое и Латинское стихосложеніе сродно нашему языку, и показавъ свойственныя оному правила слогоударенія, первый предпріялъ ввести въ наши стихи слѣдующія стопы: ямбъ, хорей, дактиль и анапестъ. Вскорѣ потомъ, а именно въ 1739-мъ году Г. Ломоносовъ въ письмѣ о правилахъ Россійскаго сти-

*) Вотъ небольшой образецъ сихъ стиховъ:

То богатства ищите, то деньги мѣшаютъ,
То грусно быть одному, то люди скучаютъ.

хотворства тоже самое подтвердилъ; но какъ ни онъ самъ, ни современникъ его Г. Сумароковъ не употребляли въ своихъ стихотвореніяхъ ни дактилей, ни анапестовъ; то отъ сего, кажется, произошло, что наши стихотворцы почти совсѣмъ оставили двѣ оныя послѣднія стопы *).

§. 22.

Разныя мнѣнія объ опредѣленіи стихотворства.

Послѣ сихъ разсужденій о существенныхъ качествахъ стихотворства, отличающихъ его отъ краснорѣчія, въ чемъ должно полагать сущность онаго? Разсмотрѣніе сего вопроса тѣмъ важнѣе, что искуснѣйшіе писатели различныя имѣютъ о томъ мнѣнія. Да и самыя показанныя качества стихотворства толь естественно ему принадлежатъ, что съ перваго взгляду каждое изъ нихъ достаточно, кажется, для составленія сущности онаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто изключитъ изъ числа самыхъ существенныхъ его свойствъ то, что воображеніе стихотворца есть источникъ его произведеній, а воображеніе читате-

Иные полагаютъ сущность стихотворства въ томъ, что оно дѣй-

*) Г. Тредіаковскій способъ стихосложенія, вводимаго Максимомъ Грекомъ, называетъ древнимъ, введеннаго Могилою среднимъ, а своего новымъ стихосложеніемъ. Ежемѣсячн: сочиненій 1755-го года мѣсяцъ Іюнь.

лей есть предметъ, которымъ оно, кажется, единственно занимается? Безъ пылкаго и живаго воображенія, представляющаго все отдаленное какъ бы находящимся предъ нами, даже какъ бы дѣйствующимъ на насъ, все возможное дѣйствительнымъ, будемъ только историками или философами, удовлетворимъ любопытству или разсудку нашихъ читателей; но ихъ сила мечтанія останется безъ занятія, безъ дѣятельности, и такъ сказать, спящею. Однако полагая въ семъ одномъ сущность стихотворенія, должны будемъ еще многое изъяснить. Тогда насъ вопросятъ: чѣмъ и какъ стихотворецъ какъ самъ поражается, такъ и другихъ воображеніе поражаетъ? А сей вопросъ нечувствительно ведетъ насъ къ источнику изящной природы, и къ тому способу, какъ стихотворецъ пользуется ею въ своихъ произведеніяхъ.

ствуетъ воображеніемъ и на воображеніе другихъ.

§. 23.

Подобнымъ образомъ, должно, кажется, судить и о мнѣніи тѣхъ, которые сущность стихотворенія полагаютъ въ одушевляющемъ стихотворца восторгѣ или страсти*). Не можно сказать, чтобы

По мнѣнію другихъ сущность стихотворства состоитъ въ восторгѣ.

*) Блеръ говоритъ, что стихотвореніе есть языкъ страсти, или возхищеннаго воображенія.

сіи чувствованія, которыя въ немъ бываютъ, какъ уже сказано, нѣсколько особливы, нежели въ прозаикѣ, не имѣли великаго участія въ произведеніяхъ его искуства: но полагать въ нихъ сущность стихотворенія есть тоже, что принимать причину вмѣсто дѣйствія. Ибо самое пылкое отъ природы воображеніе, пока не придетъ въ восторгъ, самое чувствительное сердце, пока не воспламенится страстію, не произведутъ ничего истинно стихотворческаго, такъ что восторгъ и страсть токмо суть то состояніе, въ какомъ должны находиться воображеніе и сердце стихотворца.

По чему сіе мнѣніе неудовлетворительно такъ же?

§. 24.

Нѣкоторые опять полагаютъ ее въ измѣреніи слога

Между тѣмъ всѣ показанныя качества отличаютъ стихотворство отъ краснорѣчія, но не отличаютъ его отъ свободныхъ художествъ, которымъ онѣ такъже принадлежатъ. Ибо что сдѣлаетъ превозходнаго изобрѣтатель художникъ безъ пылкаго воображенія? И всякое, вдохновенное восторгомъ или страстію, его произведеніе не есть ли подражаніе изящной природѣ? Гдѣ же остается искать сего различія? Я уже прежде показалъ, что оно всего болѣе состоитъ въ томъ способѣ, которымъ каждый изъ нихъ изображаетъ ее. Онъ различаетъ не только

между собою художества различныхъ родовъ, но и всѣ вообще отъ стихотворства. Тѣ употребляютъ средства, такъ сказать, безсловныя и дѣйствующія на воображеніе или сердце чрезъ зрѣніе или слухъ*); напротивъ сего стихотворецъ изображаетъ свои предметы приятнѣйшею измѣренною рѣчью, которая толь отличительное и толь собственное составляетъ качество сего искуства, что иные въ семъ одномъ полагали сущность онаго. Другіе же, раздѣляя сіе искуство на стихотворство мыслей (poësim rerum), и стихотворство слова (poësim sermonis), изъясняются при томъ такимъ образомъ; что какъ бы все то, что составляетъ стихотворца, состояло единственно въ первомъ; второе же, то есть стихотворство слова, есть нѣчто почти ничто не значущее. Они утверждаютъ свое мнѣніе тѣмъ, что все происходящее отъ стихосложенія сладкозвучіе отъ малѣйшей перемѣны порядка и размѣщенія словъ въ рѣчи тотчасъ изчезаетъ; но какъ бы худо, говорятъ они, ни былъ переведенъ даже прозою Гомеръ или Виргилій, однако всегда найдемъ и въ такомъ переводѣ яв-

А нѣкоторые единственно въ томъ, что называется стихотворствомъ мыслей.

*) Кромѣ зрѣнія и слуха другія чувства не сотворены для изящныхъ искуствъ.

Баттіе.

ственные слѣды истиннаго стихотворства *). Должно сказать, что показанное раздѣленіе имѣетъ все надлежащее основаніе, и что стихотворство мыслей составляетъ важнѣйшую и существеннѣйшую часть сего искуства; такъ, что полагая сущность его въ одномъ стихосложеніи, мы будемъ принимать одну токмо внѣшность за цѣлое существо. Но съ другой стороны почитая стихосложеніе почти за ничто, мы отъемлемъ у стихотворца одно изъ лучшихъ его средствъ дать рѣчи своей мусикійское сладкозвучіе. Греки и Римляне, которые въ своихъ стихотвореніяхъ всегда наблюдали сіе внѣшнее убранство, совсѣмъ иначе о семъ думали. По моему мнѣнію стихосложеніе есть тоже, что въ живописи краски, а стихотворство мыслей то, что рисовка. Въ опроверженіе сего могутъ сказать намъ, что есть творенія изполненныя стихотворства мыслей, но писанныя прозою, какъ и напротивъ сего не имѣющія стихотворства мыслей, но писанныя измѣреннымъ словомъ. Но кому неизвѣстно, что сіи обоего рода сочиненія, появившіяся уже въ позднѣйшія времена, суть произведенія, удалившіяся отъ общихъ правилъ и общаго вкуса?

Ни тѣхъ ни другихъ мнѣнія не основательны.

---

*) Invenies etiam disjecti membra poëtae. Horat.

§. 25.

Справедливѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ сущность стихотворства въ подражаніи изящной природѣ.

И такъ понятіе о сущности стихотворства будетъ гораздо достаточнѣе и опредѣлительнѣе, когда признаемъ за оную искуство живо изображать измѣренною рѣчью вымышленную самимъ стихотворцемъ по образцу дѣйствительнаго изящества изящнѣйшую въ его мнѣніи природу. Сіе опредѣленіе будетъ тоже, какое даютъ стихотворству Платонъ и Аристотель, которые сущность его полагаютъ въ вымыслахъ. Ибо всякой вымыслъ есть нечто иное, какъ созданное силою мечтанія правдоподобное изящество, превосходнѣйшее дѣйствительнаго, или, (чтобы нынѣшнимъ выраженіемъ сказать), всякой вымыслъ есть подражаніе изящной природѣ. Сверхъ того всѣ такіе вымыслы ничему другому не можно приписать, кромѣ возхищеннаго воображенія стихотворца, старающагося привести въ возторгъ воображеніе другихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О СРЕДСТВАХЪ КЪ УСПѢХУ ВЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

§. 26.

О пособіяхъ стихотворства вообще.

Не излишне ли будетъ разсматривать, какія дарованія и пособія нужны стихотворцамъ, когда древніе почти всѣ говорили, что стихотворцы бываютъ вдохновенны, отъ чего называли ихъ иногда божественными (divinus) *), иногда вѣщими **) или прорицателями (vates); и когда всѣ твердятъ, что витіею можно сдѣлаться, а стихотворцемъ должно родиться? Справедливо, что такое разысканіе не можетъ дать потребныхъ способностей тому, кто не получилъ ихъ отъ природы; но можетъ намъ служить основаніемъ въ сужденіяхъ нашихъ объ

*) Ingenium cui sit, cui mens divinior atque os magna sonaturum. Horat.

**) Такъ неизвѣстный сочинитель пѣсни о походѣ Игоря, безъ сомнѣнія не зная ни Горація, ни Овидія, который именуетъ себя прорицателемъ (vates), называетъ вѣщимъ Бояна, древнѣйшаго нашего стихотвора.

истинномъ стихотворствѣ; и вмѣстѣ показать, способны ли мы къ оному, или нѣтъ *). А при томъ несправедливо было бы наше мнѣніе, естьли бы все, что дѣлаетъ стихотворцемъ, заключали единственно въ однихъ природныхъ дарованіяхъ. Много есть превосходныхъ пособій, которыхъ приобрѣтеніе зависитъ отъ него самаго. Впрочемъ то, что называемъ вообще даромъ стихотворства (génie poëtique), заключается въ воображеніи, соображеніи и чувствительности души, которыя всѣ должны быть отличны, превосходны. Въ другихъ наукахъ съ посредственными способностями можно упражняться, даже съ нѣкоторымъ успѣ-

Какія дарованія составляютъ то, что называется даромъ стихотворства?

*) Ежели выраженіе способно возпламеняться, ежели сердце тотчасъ принимаетъ впечатлѣнія, ежели то и другое быстро сообщаютъ себѣ взаимно свои чувствованія, ежели слухъ толь нѣженъ, что чувствуетъ приятности измѣренной и согласнозвучной рѣчи, ежели красоты стихотворства поражаютъ весьма сильно, ежели душа, пришедшая въ восторгъ отъ великихъ онаго образцевъ, ощущаетъ благородное соревнованіе, которое возноситъ ее выше самой себя, ежели чувствуемъ, что какъ скоро представимъ себѣ первоначальное только и содержащее сущность понятіе; то оно какъ бы само собою въ насъ разраждается, само себѣ даетъ красоты, жизнь, плодовитость: ежели отъ полноты души, отъ восторга чувствуемъ необходимость, нетерпѣніе произвести что нибудь, ежели

хомъ; но стихотворцу такой степени дарованія недостаточны; потому что читатель, представляя его, какъ бы предназначеннымъ, и по сему преимущественно обогащеннымъ для сего отъ природы, а притомъ позволивъ ему всѣ возможные способы къ возвышенію своихъ произведеній, почитаетъ себя въ правѣ требовать, чтобъ онѣ были самыя совершенныя.

§. 27.

Для чего стихотворцу нужно превосходное воображеніе?

Чтобы удовлетворить сему требованію, стихотворецъ долженъ изображать предметы всегда въ самой высокой степени свойственнаго имъ изящества. На

легко постигаемъ отношеніе отвлеченныхъ понятій къ чувственнымъ предметамъ, подъ коими они могутъ сокрыть истинный свой видъ, или лучше сказать, ежели оныя понятія раждаются въ умѣ уже въ одеждѣ таковыхъ изображеній, ежели вещи представляются намъ сами собою съ привлекательнѣйшей и самой выгодной для живописца стороны, ежели особливо при представленіи предмета раждающаго страсть множество живыхъ чувствованій одно за другимъ родится, и одно какъ бы преслѣдуетъ другое въ душѣ: тогда можемъ быть увѣрены, что мы родилися стихотворцами.

Huic Musae indulgent, hunc poscit Apollo. Vida. Мармонтель въ Енциклопедіи подъ словомъ стихотворецъ.

сей конецъ ему нужно такое воображеніе, которое бы, такъ сказать, протекало по всему составу предмета; которое бы могло замѣтить все, что въ немъ находится отличнаго, не опуская даже иногда самыхъ малозначущихъ въ другомъ случаѣ обстоятельствъ; которое бы способно было остановиться на тѣхъ его качествахъ, кои болѣе всего служатъ къ живѣйшему онаго изображенію; которое бы по семъ разложеніи предмета могло разлиться вокругъ его во всѣ направленія, и не опустить ничего, что къ оному имѣетъ отношеніе, на примѣръ, сходства, противоположенія, историческія или баснословныя преданія и проч. Отъ сего стихотворецъ не только будетъ богатъ свойственными сему искуству изображеніями, (содержащимися иногда въ пространныхъ описаніяхъ, а иногда въ одномъ краткомъ выраженіи), но еще въ своихъ изобрѣтеніяхъ будетъ новъ, и слѣдственно тѣмъ болѣе привлекателенъ. Впрочемъ усмотрѣть и собрать все, что есть изящнаго въ предметѣ стихотворенія, еще весьма недостаточно. Надобно все сіе подобно, какъ въ живописи дѣлается съ цвѣтами, подобрать одно къ другому; надобно все сіе соединить такъ, чтобы вышло изъ того цѣлое правдоподобное, то есть сколько возможно похожее на то,

Остроумное сображеніе?

что дѣйствительно есть въ природѣ. Ибо тотъ только стихотворческій вымыслъ превосходенъ, котораго правдоподобіемъ читатель съ перваго раза такъ бываетъ очарованъ, что принимаетъ его болѣе за истинное нѣчто, нежели за мечтаніе; и хотя скоро потомъ узнаетъ, что онъ обманутъ, однако весьма охотно прощаетъ сіе стихотворцу за то, что онъ обманулъ его приятно и искусно, даже желаетъ, чтобъ сія мечта была истинна. Для сего-то нужно стихотворцу проницательное соображеніе, сопровождаемое зрѣлымъ и опытнымъ разсудкомъ. Наконецъ что можетъ произвести въ равнодушномъ и хладномъ сердцѣ стихотворца нравственное изящество? Оно, такъ сказать, скользитъ по немъ, и не оставляетъ почти никакихъ по себѣ слѣдовъ. Какая же изъ такого сердца изліется рѣчь? Безъ сомнѣнія соотвѣтствующая его чувствованіямъ, сухая, хладная. Итакъ надобно стихотворцу, представляя нравственное изящество, сильно быть тронуту возвышеніемъ души въ предприятіи, стеченіемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ и внутреннимъ усиліемъ при произведеніи, величіемъ намѣренія, съ какимъ начато дѣяніе и проч. Тогда слово его будетъ огненнымъ потокомъ, вливающимъ тонкій пламень въ сердца другихъ людей.

Чувствительность души.

§. 28.

Съ сими дарованіями стихотворецъ долженъ соединить хорошее знаніе источниковъ стихотворческаго богатства. Они суть: познаніе вещественной природы и человѣка, произведенія лучшихъ, особливо древнихъ стихотворцевъ, и даже художниковъ. Вещественная природа безпредѣльна пространствомъ и многоразличіемъ: она часто изтощаетъ свое богатство и искуство на украшеніе одного какого нибудь существа; часто являетъ свои силы и помѣщаетъ свои прелести въ собраніи, многихъ одно къ другому подобранныхъ, одно съ другимъ сопряженныхъ существъ, составляющихъ какое нибудь великое цѣлое; иногда самыя изящныя качества смѣшиваетъ съ обыкновенными и даже часто съ отвратительными или ужасающими, какими оныя нерѣдко бываютъ сокрыты и какъ бы заглушены 1). Наконецъ иногда она изъ такого дикаго смѣшенія производитъ нѣчто пріятное, по крайней мѣрѣ, изумляющее: по сему безъ обширнаго и

О пособіяхъ стихотворства, которыя бываютъ пріобрѣтаемы.

---

1) Прекрасное зрѣлище извивающейся по мрачному небу молніи сопряжено со страхомъ грозящей опасности, и въ большей части людей сей страхъ подавляетъ все удовольствіе, какое быстрый и излучистый блескъ сего небеснаго огня доставляетъ хладнокровному наблюдателю естества.

основательнаго познанія смѣщеній, связей, законовъ вещественной природы, какимъ образомъ стихотворецъ почувствуетъ, гдѣ есть истинное изящество, какого оно рода, степени, и проч? Какимъ образомъ онъ отдѣлитъ, очиститъ его отъ всего сторонняго, съ чемъ оно сопряжено въ естествѣ, и какой имѣть будетъ образецъ, по которому въ собственныхъ вымыслахъ правдоподобнымъ образомъ соединитъ въ одно цѣлое собранныя имъ отовсюду частныя красоты? *)

§. 29.

О познаніи человѣка.

Познаніе человѣка есть познаніе его нравовъ. Оно не менѣе необходимо, сколько и трудно. Сего рода наши дѣянія по большой части бываютъ какъ бы двуличны; то есть часто кажутся намъ совсѣмъ другими, нежели каковы въ самомъ дѣлѣ.

---

*) Первый законъ есть слѣдовать природѣ. Утверждайте свои сужденія на ея основаніяхъ, которыя всегда однѣ. Природа, которая никогда не погрѣшаетъ, которая всегда сіяетъ однимъ божественнымъ огнемъ, которая есть чистый, неизмѣняющійся, всеобщій свѣтъ, должна всему дать жизнь, силу, красоту. Она есть въ одно время и источникъ, и цѣль, и правило искуствъ. Изъ ея сокровищницъ искуства должны удовлетворять своимъ справедливымъ потребностямъ. Попе въ опытѣ о критикѣ, часть I.

То, что составляетъ ихъ внѣшность, всѣмъ явственно, и произтекая изъ открытыхъ всѣмъ побужденій, рѣдко содержитъ въ себѣ что нибудь льстящее нашему воображенію; напротивъ сего что составляетъ, такъ сказать, ихъ внутренность, большею частію бываетъ сокровенно, и корень свой имѣя въ самыхъ тайныхъ помыслахъ и ощущеніяхъ человѣка, тѣмъ болѣе открываетъ насъ самихъ, и слѣдственно сильнымъ образомъ ласкаетъ или раздражаетъ наше самолюбіе. По сему безъ глубокаго знанія сокровенныхъ качествъ и разположеній человѣческаго сердца какимъ образомъ стихотворецъ покажетъ намъ внутренность нравственнаго дѣянія, и гдѣ, кромѣ сего источника, почерпнетъ онъ твердое основаніе вымышляемыхъ имъ самимъ дѣяній сего рода? Иначе онѣ, противурѣча дѣйствительнымъ ощущеніямъ сердца, не будутъ имѣть вида истинны. Какія же къ снисканію такого познанія средства? Занимающіяся симъ суть науки и собственная опытность, приобрѣтаемая долговременнымъ и внимательнымъ наблюденіемъ. Науки покажутъ общія умозрительныя сего рода истинны *), а наблюденіе, у-

Средства къ приобрѣтенію сихъ познаній.

*) Стихотворецъ не обязанъ быть естествоиспытателемъ, а еще менѣе требуется

твёрждаясь на нихъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ судить въ частныхъ случаяхъ.

§. 30.

О познаніи превосходныхъ древнихъ стихотворцевъ

Къ симъ пособіямъ стихотворецъ долженъ присовокупить еще знаніе превосходныхъ древнихъ стихотворцевъ. Въ нихъ найдетъ онъ тысячи образцевъ быстраго, но всегда управляемаго разсудкомъ воображенія, возторговъ непритворныхъ и непринужденныхъ, глубокаго знанія природы, и отъ того произходящей величественной нѣкоторой простоты и правдоподобія ихъ вымысловъ *). По тѣмъ же

и художниковъ.

отъ него изслѣдованій свойственныхъ физику, или изчисленій занимающихъ звѣздовѣдца: равнымъ образомъ его познанія суть иныя, нежели познанія философа: сей поучается природѣ, чтобъ познать ее; тотъ чтобы ей подражать; сей хочетъ изъяснять; тотъ единственно изобразить ее. Однако должно признаться, что глубокомысленныя изысканія философа, ежели не принадлежитъ стихотворцу, по крайней мѣрѣ весьма полезны ему. Физика въ отношеніи къ стихотворенію есть тоже, что Анатомія въ разсужденіи живописи. Она не должна быть весьма явственно видима въ стихотвореніи, но будучи одѣяна вымысломъ, сообщаетъ оному прелести правдоподобія. Зри Мармонтеля въ Енциклопедіи подъ словомъ стихотворецъ.

*) Попе (въ опытѣ о критикѣ часть I) говоритъ: что когда Виргилій разсмотрѣлъ со вниманіемъ Гомера, то нашелъ, что природа и Гомеръ были одно.

самымъ причинамъ новые художники весьма высоко ставятъ произведенія знаменитыхъ въ древности художниковъ, а стихотворецъ всегда найдетъ въ нихъ, чемъ можетъ возпользоваться; найдетъ слѣды пламеннаго воображенія, найдетъ выраженія восторга, примѣръ искуства, вымысловъ и украшеній, и проч: *). Правда, что художества въ сравненіи съ стихотворствомъ недостаточны тѣмъ, что онѣ всѣ, исключая музыку и пляску, не могутъ въ одномъ произведеніи представить цѣпь слѣдующихъ одно за другимъ обстоятельствъ, но избираютъ изъ всего токмо то, что должно произходить въ самое краткое продолженіе времени. Однако избираютъ всегда самую изящную часть цѣлаго, въ которой, такъ сказать, сливаются въ одно мѣсто всѣ силы воображенія, восторга, страсти искуства и проч. Какой изобильный источникъ для стихотворства! Сверхъ сего живо изображенная художникомъ сія избранная имъ часть нечувствительно вводитъ въ нашу мысль и прочія относящіяся къ тому же цѣлому части. Итакъ новое еще для стихотворца богатство!

*) Какія на примѣръ, прекрасныя стихотворческія мысли могутъ родиться при видѣ памятника воздвигнутаго въ С. Петербургѣ Государю Императору ПЕТРУ I.

§. 31.

О вкусѣ

ВЪ числѣ нужныхЪ стихотворцу пособій справедливо полагается еще нѣжный и правильный вкусЪ. ОнЪ руководствуетЪ вЪ различеніи истиннаго изящества отЪ мнимаго, общаго отЪ частнаго, вЪ опредѣленіи рода и мѣры его, и вмѣстѣ рода и мѣры внушаемаго имЪ восторга. Но предЪидущія наши разсужденія о дарованіяхЪ и познаніяхЪ стихотворца заключаютЪ уже вЪ себѣ то, что должно бы при семЪ сказать о вкусѣ. Ибо изящное всегда произведетЪ свое дѣйствіе, то есть правильный восторгЪ вЪ стихотворцѣ, соединяющемЪ вЪ себѣ оныя дарованія сЪ показанными познаніями.

и знаніи языка.

Гораздо нужнѣе здѣсь упомянуть о такомЪ пособіи стихотворства, о которомЪ немногіе говорятЪ, и кое впрочемЪ есть одно изЪ необходимыхЪ. Я разумѣю искуство владѣть языкомЪ, на коемЪ пишетЪ стихотворецЪ; искуство изобразить на немЪ всякую оттѣнь мысли и чувствованія такЪ, чтобы самое выраженіе служило писателю нѣкоторымЪ средствомЪ кЪ достиженію предполагаемой имЪ цѣли и ко внушенію читателямЪ преднамѣреваемыхЪ ощущеній. Для сего стихотворецЪ при основательныхЪ понятіяхЪ вообще о богатствѣ и бѣдности, о силѣ и слабости, о пріятности и грубости человѣческаго

слова, обязанъ хорошо знать преимущественныя качества и обстоятельства употребляемаго имъ языка; знать первоначальный его источникъ, его степени отъ самаго избраннаго до самаго простаго, его нарѣчія отъ просвѣщеннаго до простонароднаго, отъ общепринятаго до самыхъ областныхъ, а всего болѣе, что токмо языкъ имѣетъ, или можетъ имѣть приятнаго или слуху въ составѣ своихъ реченій, или воображенію въ отношеніи знаменованія ихъ къ вещамъ ими выражаемымъ. Нѣтъ, скажутъ мнѣ, такого стихотворческаго сочиненія, которое бы требовало всѣхъ отличій языка, на коемъ оно писано: оно было бы чудовищною смѣсію (monstrum horrendum). Правда, что каждому роду стихотворства сродна особливая степень языка; но чтобы знать ее основательно, должно быть свѣдущимъ въ другихъ. Прочитавъ одну или двѣ оды Ломоносова, мы удивляемся искуству, съ какимъ онъ пользовался величіемъ, богатствомъ, силою своего языка, и тѣмъ его преимуществомъ, что онъ произходитъ отъ одного изъ прекрасныхъ языковъ, то есть Славенскаго. Но въ письмѣ его о пользѣ стекла найдемъ, какъ бы другой уже Россійскій языкъ, который такъ же изобиленъ, часто приятенъ, но гораздо ниже лирическаго его слова. На-

конецЪ немногія написанныя имЪ басни показываютЪ, что онЪ какЪ бы не зналЪ никакой другой степени языка, кромѢ простой: столько онЪ свѢдущЪ былЪ вЪ ней. Тожѐ самое можно справедливо сказать о безподобныхЪ сЪ сей стороны твореніяхЪ Хемницера и Дмитріева; но кто повѢритЪ, чтобЪ они плѢняя насЪ самымЪ простымЪ нарѢчіемЪ нашего языка, не знали хорошо другихЪ его отраслей?

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О ЦѢЛИ И ПРОИЗХОЖДЕНІИ СТИХОТВОРСТВА.

§. 32.

Цѣль всѣхъ изобрѣтеній и открытій должне состоять въ пользѣ.

Всѣ глубокомысленныя розысканія и остроумныя открытія были бы дѣйствительно токмо пищею нашей суетности, естьли бы не служили ни къ какому полезному въ нашей жизни употребленію. Естьли мы уважаемъ такія изобрѣтенія ума, которыя при всемъ ихъ высокомъ достоинствѣ еще никакой не приносятъ намъ пользы; то по большой части въ надеждѣ, что время и наше тщаніе впредь покажутъ намъ оную. На семъ основаніи должно судить и о стихотворствѣ.

Цѣль стихотворства состоитъ въ равственной отъ него пользѣ.

Есть много благовоспитанныхъ людей, которые, почитая достойными человѣка упражненіями токмо тѣ, кои питаютъ нашъ разумъ и доставляютъ намъ существенныя выгоды, почти за ничто считаютъ стихотворство; потому что оно, по ихъ мнѣнію, только обольщаетъ наше вообраֹженіе своими мечтаніями, и играетъ нашимъ сердцемъ, возпламеняя въ немъ призраки страстей. Сіе мнѣніе было бы справедливо, естьли бы дѣйствіе сти-

хотворства надъ нами ограничивалося единственно пріятнымъ занятіемъ нашего воображенія или сердца. Но сіи очарованія суть не иное что, какъ токмо употребляемыя стихотворствомъ средства доставить намъ истинную и притомъ весьма важную пользу; средства извлеченныя изъ глубокаго познанія нравственной части человѣка, и по сему приносящія честь человѣческому уму. Ибо что можетъ быть важнѣе и благодѣтельнѣе, какъ впечатлѣвать въ душѣ живыя чувствія добродѣтели и отвращенія къ пороку? Съ другой стороны коль трудно успѣть въ семъ предріятіи, когда открытымъ образомъ стараемся о томъ. Тогда самолюбіе, личныя выгоды, тайныя склонности, долговременныя пристрастія и множество другихъ господствующихъ въ насъ чувствованій возстаютъ противу того, кто явно вооружается противу ихъ. Сіе обстоятельство заставило ревностныхъ попечителей о нравственномъ благѣ искать такихъ способовъ, которые, производя въ нашей душѣ намѣреваемое дѣйствіе, не раздражало бы явно сопротивляющихся онымъ внутреннихъ человѣческихъ разположеній. Сіи способы наконецъ найдены въ общемъ рода человѣческаго свойствѣ услаждаться всемъ, что обольщаетъ наше воображеніе, или размяг-

чаетъ наше сердце, и отъ сего быть гораздо преклоннѣе къ предложеніямъ другихъ, которыя въ иное время съ ожесточеніемъ отвергаемъ. Сіе счастливое замѣченное разположеніе нашей души есть источникъ и правило истиннаго стихотворства. Что оно употребляетъ всѣ сродныя ему средства плѣнить воображеніе и разтрогать чувствительность другихъ, сіе единственно для того, дабы съ сею приятною пищею дать непримѣтно вкусить сладость нравственнаго добра и горесть зла.

§. 33.

На сей конецъ оно иногда пылкимъ словомъ выражаетъ живыя, наполняющія сердце стихотворства, чувствія любви, удивленія и проч: къ добродѣтели; иногда представляетъ намъ въ примѣръ великихъ ироевъ не такихъ, какъ мы иногда видимъ, но какіе должны быть; иногда изображаетъ предъ нами то невинность борющуюся съ крайними обстоятельствами, то порокъ во всей обширности свойственныхъ ему изступленій; иногда какъ бы нарочно преселяется въ жилища простыхъ, невинныхъ людей, и живыми красками изображаетъ тихіе и добрые ихъ нравы, естественныя, удаленныя суетности склонности и кроткія неотдѣли*

Такова цѣль одъ,

Поемъ,

Трагедій,

Комедій,

Эклогъ

мыя отъ человѣческаго естества страсти, или лучше сказать, изображаетъ насъ такими, какими намъ быть должно; иногда наконецъ, чтобы не оскорбить удобораздражаемаго самолюбія нашего, описывая наши пороки, вмѣсто насъ выводитъ на зрѣлище безсловесныхъ животныхъ и даже неодушевленныя существа.

Басней.

Стихотворство не должно угождать пороку.

Слѣдовательно стихотворецъ весьма далеко отступилъ бы отъ своей цѣли, естьли бы позволилъ себѣ всякими способами плѣнять наше воображеніе, и всякаго рода страсти производить въ нашемъ сердцѣ: напротивъ сего онъ долженъ возбуждать въ насъ токмо то, что оживотворяетъ нашу склонность къ добродѣтели, или отвращеніе къ пороку. *)

---

*) Весьма подробно и основательно разсуждаетъ о семъ (въ Енциклопедіи подъ словомъ Стихотвореніе, poëte) кавалеръ Жокуръ. Вотъ его разсужденіе. „Цѣль стихотворства есть нравиться, и нравиться возпламеняя страсти. Но чтобы доставлять намъ совершенное и твердое удовольствіе, оно должно возжигать въ насъ такія токмо страсти, которыхъ сильныя ощущенія намъ полезны, а не такія, кои противны разсудку. Ужасъ внушаемый порокомъ, котораго слѣдствіями суть стыдъ, страхъ, разкаяніе, не говоря о другихъ наказаніяхъ; соболѣзнованіе о несчастіяхъ, котораго польза почти столь-

§. 34.

Сверхъ сего къ чести стихотворства еще надобно замѣтить, что оно посредствомъ своего искуства отвращаетъ отъ насъ то, что страсти имѣютъ неприятнаго, и сохраняетъ между тѣмъ для насъ то, что онѣ имѣютъ полезнаго намъ.

Стихотворство избавляетъ нѣжный вкусъ отъ того, чѣмъ онѣ мо-

жоже обширна, какъ и человѣческій родъ; удивленіе великимъ дѣяніямъ, которое оставляетъ въ нашемъ сердцѣ всегдашнее поощреніе къ добродѣтели; ироическая и слѣдственно правильная любовь; вотъ, по признанію цѣлаго свѣта, тѣ страсти, коими должно заниматься стихотворство, не съ тѣмъ произведенное, чтобы питать развращеніе своевольныхъ сердецъ, но чтобъ быть услажденіемъ доброжелательныхъ душъ. Добродѣтель, находящаяся иногда не на своей степени, всегда представляетъ намъ жалкое зрѣлище. Во глубинѣ самыхъ развратныхъ сердецъ есть нѣкій гласъ, который всегда вопіетъ въ пользу оной.

Когда стихотворство оказываетъ услугу пороку, то оно дѣлаетъ себѣ безславіе. Своевольные стихотворцы сами себя унижаютъ. Несправедливо было бы, по крайней мѣрѣ показывало бы недостатокъ вкуса, естьли бы мы стали порицать красоты ихъ слова: но отнюдь не должно одобрять сочинителей, дабы чрезъ то не дать болѣе силы пороку. Сего недовольно: могло ли когда нибудь придти на мысль великимъ стихотворцамъ, чтобъ ихъ творенія, плодъ толь долговременной неусыпности и толикихъ трудовъ, служили единственно къ забавѣ легкомыслія суетныхъ

жетъ быть оскорбленъ.

И вотъ какимъ образомъ. Страсти будучи въ разсужденіи нашей нравственности то, что нарушеніе равновѣсія въ разсужденіи жидкихъ тѣлъ, бываютъ источникомъ необыкновенныхъ нашихъ усилій въ подвигѣ добродѣтелей или пороковъ: но часто присутствіе предмета, возбуждающаго въ насъ истинную страсть, весьма дорого стоитъ нашей чувствительности. Стихотворство, освобождая насъ отъ сей часто жестокой непріятности, внушаетъ намъ почти такія же къ добродѣ-

---

умовъ, или къ побужденію безчувственности какого нибудь празднолюбца. Естьли бы сіе было ихъ цѣлію, кто бы ихъ называлъ великими мужами?

Не должно однако изъ сего заключать, что стихотворство никогда не должно быть употреблено къ невинной забавѣ. Музы суть веселаго нрава и всегда любятъ пріятности. Но сіи небольшія стихотворенія почитаютъ болѣе плодомъ отдохновенія, нежели трудовъ. Онѣ обязаны оказывать людямъ другія услуги, людямъ, которыхъ жизнь не должна быть безпрерывною забавою; а примѣръ природы, которую онѣ имѣютъ образцемъ, наставляетъ ихъ не дѣлать ничего важнаго, не предположивъ внушаемой благоразуміемъ цѣли, споспѣшествовать усовершенію тѣхъ, для коихъ онѣ трудятся. И такъ онѣ подражая природѣ въ ея основаніяхъ, ея вкусѣ, ея движеніяхъ, должны такъ же подражать ей и въ томъ, что она всегда имѣетъ свои виды и свои намѣренія.

тели побужденія, какія производитъ истинная страсть. Оно представляетъ намъ вмѣсто дѣйствительнаго предмета токмо подражательный его образъ, и слѣдственно вмѣсто истинной страсти родитъ подобіе оной, продолжающееся въ нихъ дотолѣ, доколѣ образъ предмета находится предъ нами, но послѣдуемое, какъ уже сказано, такимъ же душевнымъ разположеніемъ, въ какое приводитъ насъ истинная страсть.

§. 35.

Мнѣнія тѣхъ, кои не признаютъ нравственной отъ стихотворства пользы, несправедливы.

Противу сего могутъ быть предложены два возраженія. Вопервыхъ, что со скоропреходящею силою страстей, внушаемыхъ стихотворствомъ, должны въ одно время изглаждаться и тѣ въ разсужденіи добродѣтели и порока чувствія, которыя оно старается произвести въ нашемъ сердцѣ; во вторыхъ, что въ самомъ дѣлѣ есть люди, кои любя то, что стихотворство имѣетъ пріятнаго, нимало не дѣлаютъ вниманія къ тѣмъ наставленіямъ, которыя сокрываются подъ прелестями стихотворенія. Первое изъ сихъ возраженій разрѣшится удобно, когда представимъ себѣ, что самые малосвѣдущіе читатели или зрители стихотвореній явственно отличаютъ въ своихъ мысляхъ вымыслъ, обворожающій воображе-

ніе или сердце ихъ отъ тѣхъ истиннъ, кои соединены съ ними, и во внутренности своей души постигаютъ (хотя нерѣдко весьма смутно) цѣль того и другихъ: а отъ сего произходитъ такъ же, что всѣ просвѣщенные народы театръ почитаютъ училищемъ общенароднаго добронравія. Что касается до втораго возраженія, то всякой признаетъ, что оное нѣкоторыхъ слабоумныхъ людей невниманіе къ тѣмъ наставленіямъ, которыя преподаетъ стихотворство, произтекаетъ единственно изъ собственнаго ихъ легкомыслія, или какого нибудь предубѣжденія, и по сему есть порокъ ихъ самихъ, а не стихотворческаго искуства.

§. 36.

Произхожденіе стихотворства.

Я опустилъ бы еще нѣчто принадлежащее къ общимъ о стихотворствѣ замѣчаніямъ и способствующее къ начертанію яснѣйшаго о немъ понятія, естьли бы ничего не сказалъ о началѣ или произхожденіи онаго, тѣмъ болѣе, что изъясненіемъ сего занимались почти всѣ лучшіе изъ новѣйшихъ писателей о семъ искуствѣ. А что я говорю о томъ уже послѣ, вмѣсто того, что всѣ другіе предлагали въ началѣ своихъ разсужденій о стихотворствѣ, причиною сего то, что въ семъ случаѣ истинны, сообщаемыя мною,

будутъ, по моему мнѣнію, гораздо внятнѣе. И такъ въ разсужденіи произхожденія стихотворческаго искуства достойно вниманія то, что почти всѣ единогласно утверждаютъ, что оно родилося прежде прозаическаго витійства, такъ, что первоначальнаго произхожденія его должно искать не у благоустроенныхъ и просвѣщенныхъ народовъ, которые только усовершили оное, но въ обществахъ самыхъ дикихъ *). Вотъ доказательства сего: что

---

*) Слѣдующія семь примѣчаній взяты мною изъ уроковъ о словесности Блера, изданныхъ на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ 1797. Томъ 3-й. стран. 141—152.

1) Весьма несправедливо думать, что стихотворство и музыка суть искуства, принадлежащія народамъ только просвѣщеннымъ. Источникъ ихъ содержится въ природѣ человѣка, въ какой бы странѣ, и въ какое бы время онъ ни былъ; но сіи искуства, подобно всѣмъ другимъ имѣющимъ свое основаніе на природѣ, были воздѣлываемы и при стеченіи благопріятствующихъ обстоятельствъ доведены до совершенства въ однихъ странахъ болѣе, нежели въ другихъ. Итакъ, чтобъ открыть начало стихотворства, надобно искать онаго въ лѣсахъ и дикихъ мѣстахъ; надобно пренестися къ тѣмъ временамъ, когда люди были звѣроловами и пастырями, представить себѣ самую отдаленную древность

открытыя Европейцами жители Америки, особливо Сѣверной, и нынѣ вновь открываемые дикіе островитяне во всѣхъ необыкновенныхъ и такихъ, кои сильно поражаютъ ихъ, случаяхъ изъявляютъ свои чувствованія пѣснями, музыкою и пляскою, согласованными между собою 2). Что источникомъ того есть врожденное всѣмъ безъ изъятія народамъ свойство чувствовать впечатлѣніе отъ всего, что

и то состояніе, въ коемъ ихъ нравы имѣли еще первобытную грубость.

2) Человѣкъ родится музыкантомъ и стихотворцемъ. Восхищеніе, которое было источникомъ стихотворческаго слога, прибрало свойственные себѣ звуки, то есть способные къ выраженію движеній радости, печали, удивленія, любви, гнѣва и проч. Дѣйствіе звуковъ надъ нами зависитъ частію отъ самой ихъ природы, частію же отъ ихъ подбора и соединенія, что производитъ пріятныя ощущенія въ самихъ дикихъ народахъ. И по сему музыка и стихотворство имѣютъ одно начало; ихъ должны были родить одни обстоятельства. Ихъ соединили вмѣстѣ посредствомъ пѣсней; и пока сіе продолжалось, ихъ взаимное втеченіе становилось время отъ времени болѣе. Первые стихотворцы пѣли свои собственные стихи; и сіе было источникомъ стопосложенія, то есть, размѣщенія словъ болѣе, нежели въ прозѣ, искуственнаго и приноровленнаго къ пѣнію или напѣву. Весьма вѣроятно, что слогопаденіе въ своемъ началѣ было не столь

наполняетъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ или чрезмѣрнымъ огорченіемъ ихъ душу 3). Что въ каждомъ народѣ есть лю-

---

приятно; однако оно производило чувствія удовольствія; потомъ начали оному учиться, изъ сего мало по малу родилося искуство стихосложенія.

3) Съ самаго начала человѣческаго общежитія были случаи, которые заставляли людей собираться въ одно мѣсто, напримѣръ для празднованія чего нибудь, для жертвоприношеній, для общенародныхъ дѣлъ, и проч. Извѣстно, что въ сихъ собраніяхъ главныя увеселенія состояли въ музыкѣ, пляскѣ и пѣсняхъ. Всего болѣе мы видѣли въ Америкѣ сіе надъ ея жителями, находящимися въ первобытномъ дикомъ состояніи. Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ, что у народовъ сей обширной земли, особливо обитающихъ на Сѣверѣ, съ которыми мы (Аглинчане) имѣли болѣе дѣлъ, музыка и пѣсни, употребляемыя ими въ собраніяхъ, доведены до нѣкотораго даже изступленія; что тѣ, кои въ сихъ случаяхъ оказываютъ болѣе рвенія, дѣлаются народоправителями; что они употребляютъ пѣніе при празднествахъ ихъ богослуженія, при оплакиваніи общественныхъ или случившихся съ ними несчастій, при потеряніи какого нибудь своего свойственника, при изъявленіи радости о побѣдѣ, при прославленіи подвиговъ своихъ соотечественниковъ или своего ироя, при взаимномъ убѣжденіи къ безтрепетному сраженію и перенесенію съ непоколебимымъ мужествомъ (когда попадутся въ плѣнъ) мученій и даже самой смерти. Итакъ мы находимъ здѣсь

ди, которые обращаютъ въ свою пользу сіе общенародное разположеніе, и при помощи живѣйшаго воображенія и превосходнѣйшей чувствительности изображаютъ оныя общія или свои собственныя чувствованія предъ соотечественниками рѣзкимъ словомъ, дабы чрезъ то обратить на себя ихъ вниманіе, и заслужить отъ нихъ предпочтеніе 4). Что сіи изліянія возторговъ суть первоначальныя стихотворенія; что по сей причинѣ исторія первобытнаго, то есть самаго неустроеннаго состоянія большой части народовъ заключается въ ихъ пѣсняхъ, содержащихъ въ себѣ или славословіе боговъ, или похвалу ироевъ, или дѣла предковъ, или описаніе какого либо народнаго

первоначальныя стихотворенія въ оныхъ грубыхъ изліяніяхъ, внушаемыхъ возторгомъ или страстію людямъ невѣжественнымъ, когда ихъ воображеніе бываетъ разгорячено какимъ нибудь необыкновеннымъ приключеніемъ, или соединеніемъ ихъ въ общенародномъ собраніи.

4) Скиѳы и Готѳы часто избирали своихъ правителей и Царей изъ стихотворцевъ и Бардовъ. Ихъ первые историки, каковъ Саксо-Грамматикъ, говорятъ, что они начальныя свѣдѣнія почерпнули изъ Руническихъ пѣсней. Извѣстно такъ же, коль высоко почитаемы были у Цельтовъ Барды, и коль великую они имѣли силу надъ

благополучія или несчастія, или правленіе властителей, и проч. 5). Что наконецъ въ первыя времена Греціи жрецы, философы и законодатели, для овладѣнія душею другихъ, имѣли обыкновеннымъ орудіемъ стихотворство, соединяя иногда

народомъ въ Галліи, Британіи и Ирландіи. Они были стихотворцы и вмѣстѣ музыканты, какими и вездѣ бывали первые стихотворцы. Они всегда находились при особѣ народоправителя или Государя, прославляли великія его дѣянія, отправляемы были во всѣ посольства и сношенія съ другими народами, и почитаемы были, какъ бы священными.

5) Судя по тому, что мною (говоритъ Блеръ) сказано, первыя произведенія словесности, дошедшія до потомства писменно или изустно, необходимо должны быть стихотворенія. Однѣ онѣ могли привлечь вниманіе людей, едва изшедшихъ изъ звѣроподобнаго состоянія. Надъ дикими, занимающимися всегда звѣроловствомъ или войною, не имѣютъ силы умствованія. Одна страсть къ музыкѣ или пѣснямъ могла побудить нѣкоторыхъ изъ нихъ стараться заставить себя слушать ихъ. Правители, или законодатели такого рода не могли употребить другихъ средствъ, когда хотѣли ихъ воспламенить или вразумить. Еще другое обстоятельство подтверждаетъ сіе, то есть, что однѣ сего рода произведенія могли дойти до потомства. Прежде изобрѣтенія искусства писать, однѣ пѣсни были памятуемы долго. По причинѣ слогопаденія слухъ помогалъ въ

оное съ голосомъ лиры б). Что сіе продолжалося дотолѣ, какъ Греки стали различать мечты, увеселяющія воображеніе, отъ познаній питающихъ разумъ; что иногда историки, философы, правовѣдцы и риторы, оставивъ свойственный стихотворству образъ мыслей и рѣчи, начали писать каждый о своихъ дѣлахъ прозою, дабы писать со всею точностію, такъ что послѣ сего стихотворство сдѣлалось особеннымъ искуствомъ, и стало быть употребляемо къ возхищенію воображенія или сердца другихъ.

§. 37.

Вѣроятнѣе, что проза родилась прежде.

Всѣ показанныя обстоятельства неоспоримо справедливы; но онѣ доказываютъ, по моему мнѣнію, не то, что стихотворство родилося прежде витійства, но то, что ежели оныя первобытныхъ

семъ дѣлѣ памяти. Отцы научали дѣтей симъ пѣснямъ, пѣли ихъ съ ними, и такимъ образомъ впечатлѣвали оныя въ ихъ памяти.

б) Исторія предаетъ объ Аполлонѣ, Орфеѣ и Амфіонѣ, что они первые умягчили нравы людей, а Миносъ и Ѳалесъ по свидѣтельству Страбона кн. 10: пѣли вмѣстѣ съ лирою сочиненные ими законы.

временъ каждаго народа полустихотворческія изложенія сильныхъ чувствованій или полезныхъ нравственныхъ и гражданскихъ истиннъ заслуживаютъ названіе произведеній словесности; то онѣ содержатъ въ себѣ начало равно прозаическаго, какъ и стихотворческаго витійства 7). И по сему справедливѣе, кажется мнѣ, будетъ, ежели истиннаго ихъ обоихъ происхожденія будемъ искать уже въ тѣхъ временахъ, когда начали различать между собою сіи два рода краснорѣчія. А принявъ сіе предположеніе, трудно повѣрить, чтобы тѣ, которые хотѣли повелѣвать другими посредствомъ слова, начали сіе тѣмъ родомъ витійства, который гораздо возвышеннѣе, и несравненно болѣе требуетъ дарованій какъ отъ сочинителя, такъ и отъ читателя, а притомъ и во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ для истолкованія какихъ либо высокихъ истиннъ, неудобенъ. Сіе ка-

---

7) Въ первыя времена всѣ разные роды стихотвореній не были различаемы одинъ отъ другаго, какъ нынѣ: они всѣ были не что иное, какъ смѣшеніе не только различныхъ стихотвореній, но даже всѣхъ безъ исключенія родовъ словесности. Исторія, краснорѣчіе и стихотворство съ начала были одно и тоже. Вотъ, какъ говоритъ Блеръ, который впрочемъ утверждаетъ, что стихотворство родилось прежде витійства.

жется было бы вопреки обыкновенному ходу всѣхъ нашихъ дѣлъ. Вотъ мнѣнія о началѣ стихотворства вообще. Что касается до произхожденія разныхъ его родовъ, о семъ предложено будетъ въ слѣдующей части.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

§. 38.

Общее понятіе о раздѣленіи стихотвореній на разные роды.

Разнообразныя отрасли стихотворства родилися также точно, какъ части всякой другой науки, то есть отнюдь не въ томъ порядкѣ, въ какомъ нынѣ ихъ намъ предлагаютъ, но какъ первобытные стихотворцы, слѣдуя внушеніямъ своихъ склонностей и руководству своихъ дарованій случайно ихъ находили. Одинъ изъ нихъ, какъ бы нечаянно, напалъ на такой, другой на другой, и такъ далѣе новый родъ стихотворенія такъ, что сіи, такъ сказать, безъ намѣренія изобрѣтатели разныхъ онаго родовъ нимало не мыслили о томъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать одно за другимъ ихъ изобрѣтенія *), какъ и всѣ тѣ, кои приобрѣли пер-

*) Древніе, говоритъ Сульцеръ (въ Енциклопедіи подъ словомъ стихотвореніе, роёмк) не принимали на себя много труда въ разсужденіи сего (то есть раздѣленія стихотворства). Какъ скоро дарованія ихъ стихотворцевъ производили что нибудь новое,

вый свѣденія, составившія послѣ какую нибудь науку. Однимъ словомъ раздѣленіе стихотвореній на разные роды есть произведеніе позднѣйшихъ умовъ, основанное на томъ, что каждому, кто тѣмъ занимался, казалось сообразнѣе съ качествами дѣлимаго предмета.

§. 39.

Стихотворенія раздѣляются по мнѣнію однихъ на два.

Отъ сего происходитъ, что стихотворенія раздѣляются различно. Нѣкоторые писатели правилъ стихотворства, принявъ за основаніе то, что предметомъ стихотвореній бываетъ что нибудь иногда предлагаемое воображенію, иногда же представляемое нашему взору, *) раздѣляютъ всѣ стихотворенія на два главныхъ рода, то есть на Эпическія и Драматическія; относя къ первымъ всѣ тѣ произведенія сего искуства, въ которыхъ стихотворецъ бываетъ явнымъ и непосредственнымъ наставникомъ нашимъ, такъ

то они тотъчасъ давали сему произведенію названіе по своему благоразсужденію, не заботясь о томъ, соотвѣтствуютъ ли оному существенныя качества того рода стихотворенія. Многія изъ такихъ новизнъ названы были сообразно болѣе наружному ихъ виду, нежели ихъ содержанію.

*) Aut agitur res in Scenis, aut acta refertur.

что предлагаемое имъ мы слышимъ, а не видимъ; а ко второму тѣ, въ которыхъ мы слышимъ не стихотворца, но тѣхъ самыхъ, о коихъ идетъ рѣчь. Другое извѣстнѣйшее раздѣленіе стихотвореній предполагаетъ четыре рода оныхъ; а именно: 1) Эпическія, заключающія въ себѣ всѣ стихотворческія описанія и повѣствованія; 2) Лирическія, имѣющія главною цѣлію изображеніе страстныхъ въ душѣ чувствованій; 3) Дидактическія, въ коихъ стихотворецъ сообщаетъ намъ какія нибудь свѣденія, или преподаетъ какія либо наставленія; и 4) Драматическія, изображающія какое нибудь дѣйствіе такъ, что оно произходитъ предъ нами, то есть, что мы слышимъ и видимъ сами дѣйствующихъ въ ономъ лицъ, не имѣя нужды ни въ какомъ повѣствованіи стихотворца. *)

а по мнѣнію другихъ на четыре рода.

§. 40.

Слѣдовать первому изъ двухъ показанныхъ раздѣленій я нахожу то неудобство, что въ семъ случаѣ отдѣленіе первое, предлагающее объ Эпическихъ стихо-

Мы раздѣлимъ всѣ стихотворенія на пять родовъ, и по сему вторую часть настолько же отдѣленій.

*) Иные предлагаютъ о разныхъ стихотвореніяхъ такъ, что начавъ самыми мѣлкими изъ нихъ, постепенно доходятъ до самыхъ большихъ.

твореніяхЪ, будетЪ не только несоразмѣрно велико вЪ сравненіи со вторымЪ, но при томЪ необходимо потребуетЪ еще нѣсколько подраздѣленій, которыя не всегда облегчаютЪ вниманіе. И такЪ послѣдуемЪ второму, то есть сперва разсмотримЪ стихотворенія Эпическія, потомЪ Лирическія, послѣ Дидактическія, а наконецЪ Драматическія. При семЪ два обстоятельства достойны особливаго замѣчанія. Во первыхЪ, что показанные четыре рода стихотвореній не столько разнородны между собою, чтобы вЪ одномЪ изЪ нихЪ не могЪ имѣть мѣста другой третій и проч. и обратно; напротивЪ сего каждый изЪ нихЪ почти обыкновенно бываетЪ употребляемЪ для украшенія другаго. А посему ни обЪ одномЪ не можно рѣшительно сказать, что его прежде другихЪ узнать необходимо нужно. Другое достойное замѣчанія обстоятельство относится особенно до стихотвореній ЭпическихЪ. Оно состоитЪ вЪ томЪ, что какЪ Эпическая поема, которая по сему раздѣленію должна принадлежать кЪ стихотвореніямЪ тогоже имени, требуетЪ столько изЪясненій, что, судя по ихЪ множеству и важности, должна нечувствительно произойти изЪ того довольно значущая часть науки стихотворства; то на семЪ основаніи я изЪ правилЪ о Эпической поемѣ

составлю особливое отдѣленіе, такъ, что сія вторая часть будетъ содержать въ себѣ пять отдѣленій; въ первомъ изъ нихъ предложено будетъ о стихотвореніяхъ Эпическихъ, во второмъ о Поемѣ Эпической, въ третіемъ о стихотвореніяхъ лирическихъ, въ четвертомъ о стихотвореніяхъ Дидактическихъ, а въ пятомъ о Драматическихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ.

§. 41.

Эпическія стихотворенія суть или описанія или повѣствованія.

Эпическія стихотворенія, судя по ихъ содержанію, можно привести въ два главныхъ рода; къ одному отнесемъ тѣ изъ нихъ, въ коихъ сочинитель подобно художнику изображаетъ какое нибудь дѣйствительное или вымышленное существо, и которыя по сему можно назвать вообще описаніями; къ другому же роду тѣ, въ коихъ стихотворецъ подобно историку повѣствуетъ о какомъ нибудь дѣйствительномъ или вымышленномъ произшествіи, которое или безъ всякаго предварительнаго намѣренія со стороны разумнаго существа случилось, какъ напримѣръ землетрясеніе или есть исполненіе какого нибудь предпріятія принадлежащаго разумному, или предполагаемому разумнымъ существу. Сего послѣдняго рода Эпическія стихотворенія можно назвать вообще повѣствованіями. Впрочемъ какъ описанія и повѣствованія въ разсужденіи употребляемаго въ нихъ стихотворческаго искуства много имѣютъ общаго; то я предложу здѣсь вообще о тѣхъ и другихъ.

§. 42.

Итакъ описанія и повѣствованія стихотворческія не токмо истинныя, но и вымышленныя въ разсужденіи главныхъ правилъ изобрѣтенія и разположенія сходствуютъ съ риторическими; будучи въ прочемъ во многихъ другихъ отношеніяхъ отъ нихъ различны. *) Риторъ и стихо-

Различіе стихотворческихъ описаній и повѣствованій отъ риторичес-

*) Всякое повѣствованіе, говоритъ Баттіо, имѣетъ три существенныя достоинства: краткость, ясность и правдоподобіе. Краткость бываетъ соблюдена, когда удаляемся такихъ подробностей, которыя не служатъ къ цѣли повѣствованія и далеки отъ содержанія онаго; когда повѣствованіе оканчиваемъ тѣмъ, чѣмъ оно дѣйствительно должно кончиться; когда не помѣщаемъ въ немъ ничего посторонняго, когда оставляемъ подразумѣвать другимъ то, что удобно можно выразумѣть, и когда убѣгаемъ повтореній; однимъ словомъ краткость состоитъ не въ томъ, чтобы сказать немного словъ, но чтобы сказать токмо то, что нужно. Ясность повѣствованія зависитъ отъ того, когда все, что въ ономъ содержится, помѣщено въ своемъ мѣстѣ и въ надлежащемъ времени, и когда слова и выраженія будутъ употреблены пристойныя, точныя, естественныя, недвузнаменательныя. Правдоподобіе же зависитъ отъ того, когда то, о чемъ повѣствуемъ, имѣетъ всѣ качества истинны, то есть, когда время случай, мѣсто, дѣйствующія лица и проч. соотвѣтствуютъ главному содержанію повѣствованія, и такъ же одно другому взаимно, и когда наконецъ судя по свойствамъ, какія приписуются вымы-

творецъ имѣютъ въ нихъ цѣлію посредствомъ изчисленія избраннѣйшихъ обстоятельствъ какого нибудь предмета дать ясное объ ономъ понятіе и сообщить сообразное сему ощущеніе. Но сія ясность гораздо болѣе и сіе возбуждаемое чувствованіе гораздо живѣе у стихотворца, нежели у витіи. Ясность свойственная описанію стихотворческому должна быть такова, до какой бы иногда не достигъ читатель, естьли бы онъ съ возможнымъ замѣчаніемъ самъ разсматривалъ описанный предметъ, а сила внушаемаго ощущенія иногда превозходитъ ту степень чувствованія, въ какой оное производятъ въ насъ самые предметы. *)

мышленному существу, тотчасъ узнаемъ въ немъ то истинное, которое посредствомъ онаго стихотворецъ хотѣлъ изобразить.

*) Таковы слѣдующіе стихи въ стихотвореніи Г. Р. Державина извѣстномъ всѣмъ подъ названіемъ, *Водопадъ*.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Подобная живость воображенія, свойственная стихотворческимъ описаніямъ, находится

§. 43.

Первое изъ сихъ совершенствъ стихотворческаго описанія зависитъ отъ творческой силы воображенія, а другое отъ превозходной и непритворной чувствительности души. Истинно стихотворческое воображеніе всегда находитъ въ своемъ предметѣ такія свойства, которыя по причинѣ своей новости, отличности и, что всего болѣе свойственно стихотворческому творенію, величайшаго сходства съ дѣйствіями вещей на наши чувства возбуждаютъ самое томное вниманіе, и разгорячаютъ дремлющее воображеніе. Вотъ образецъ сего искуства:

Источникъ живыхъ и сильныхъ описаній и повѣствованій.

въ слѣдующихъ стихахъ, взятыхъ изъ такъ названной лирической поэмы, *спасенная Россія.*

Съ высотъ Саянскихъ мѣдныхъ горъ,
Стоящихъ стражею Байкалу,
Бѣгутъ вѣтвистыя струи.
И Лена славная изъ рѣкъ,
Еще младенецъ безъизвѣстный,
Отважный возприемлетъ бѣгъ.
Возрасши въ силу совершенну,
Вбѣгаетъ въ бездну устрашенну,
Далече гонитъ вѣчны льды.

Приводя здѣсь сіи стихи въ примѣръ, я не вхожу нимало въ сужденіе какъ о цѣломъ стихотвореніи, изъ коего они взяты, такъ и о прочемъ до онаго принадлежащемъ.

Драгимъ уборомъ покровенны
Летятъ быстрѣе стрѣлъ кони;
Бразды ихъ пѣной омовенны;
Сверкаютъ изъ ноздрей огни;
Крутятся, топаютъ бурливы;
По вѣтру долги вѣютъ гривы,
Копыта мещутъ вихремъ персть:
На нихъ подвижники избранны
Текутъ въ стези пескомъ устланны;
Стремятся чести храмъ отверзть.

Петровъ на карус.

Или:

Гдѣ обелискъ твой? мы незнаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или *Остякъ по немъ бѣжитъ*
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Г. Дмитріевъ Ермаку.

§. 44.

Причины описаній и повѣствованій слабыхъ.

Напротивъ сего стихотворецъ съ посредственнымъ воображеніемъ почти обыкновенно составляетъ свое описаніе изъ обстоятельствъ общихъ, то есть весьма многимъ подобнымъ существамъ приличныхъ, не усматривая въ своемъ предметѣ почти ничего новаго, ничего ему одному собственно принадлежащаго, какъ бы тѣ, которые писали прежде его о томъ, такъ изчерпали все, что ему ничего уже не оставили. А отъ сего произходитъ, что

онъ часто старается замѣнить сей недостатокъ звучными, но ничего отличнаго не значущими словами и выраженіями *). Такое описаніе, сообщая о предметѣ слабое, не отличающее и, такъ сказать, не выставляющее онаго впередъ другихъ понятіе, производитъ и ощущеніе сему соразмѣрное. Поелику воображеніе и чувствительность души сообщаютъ одно другому свои впечатлѣнія не иначе, какъ въ той степени, въ какой чувствуетъ его сообщающее дарованіе души.

§. 45.

Объ описаніяхъ и повѣствованіяхъ вымышленныхъ.

Откуда же, спросятъ, стихотворецъ можетъ заимствовать разительную ясность и силу въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ вымышленныхъ? Какъ предметомъ ихъ обыкновенно бываетъ родъ (genus), то сочинитель изображаетъ его посредствомъ присвоенія ему свойствъ, дѣйствій и проч. принадлежащихъ видамъ или умонераздѣльнымъ (individuis) онаго.

---

*) Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: зари багряны персты,
И райской кринъ, и фебъ, и небеса отверзты.
Такъ громко, высоко! А нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

Г. Дмитріевъ.

Въ семъ случаѣ онъ имѣетъ особенную необходимость въ дарѣ стихотворства, дабы не могло ускользнуть отъ него ничего такого, что въ частныхъ понятіяхъ способно содѣлать возможночувственнымъ понятіе отвлеченное. Такое присвоеніе роду качествъ, принадлежащихъ видамъ или умонераздѣльнымъ, дѣлаетъ описаніе болѣе вѣроятнымъ, то есть дѣйствующимъ на чувства или воображеніе: поелику при представленіи каждаго приписуемаго роду свойства представляется намъ тотъ видъ, у коего оно занято, а отъ сего вымыслъ кажется истинною.

Особенныя правила изобрѣтенія для стихотворческихъ описаній и повѣствованій.

§. 46.

Сверхъ сего общаго правила о стихотворческомъ изобрѣтеніи, есть еще нѣкоторыя, не менѣе способствующія къ живости и ясности описанія. Я упомяну о главныхъ изъ нихъ.

1. Помѣщать существа разумныя.

1) Стихотворецъ въ описаніяхъ неодушевленныхъ вещей, подобно живописцу видовъ или ландшафтовъ, всегда, такъ сказать, оживотворяетъ ихъ вмѣщеніемъ въ нихъ какого либо разумнаго существа, имѣющаго къ нимъ близкое отношеніе. Такъ напримѣръ, на рѣкѣ плывущія суда съ людьми; на горахъ пастуховъ; на поляхъ землепашцевъ, трудящихся

и проч. Таковы приведенныя выше два описанія.

2) Стихотворецъ въ описаніяхъ, как и вездѣ, въ употребленіи прилагательныхъ бываетъ весьма разборчивъ; онъ избираетъ такія только, которыя столь много придаютъ значенію существительныхъ, что безъ оныхъ сіи не произвели бы иногда и половины своего дѣйствія. Напримѣръ: 2. Искусно избирать прилагательныя.

Тамъ кони *бурными* ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ *густой*;
Тамъ смерть межъ Готѳскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И *алчну* челюсть отверзаетъ,
И *хладны* руки простираетъ,
Ихъ *гордый* исторгая духъ.

Г. Ломон. во 1-й одѣ.

Или:

Въ колетѣ *вохряномъ* и въ *длинныхъ* сапогахъ,
За круглымъ столикомъ *дрожащимъ* *съ чайной чашкой.*

Г. Дмитріевъ въ повѣсти, Причудница.

3) Чтобъ описуемый предметъ сдѣлать болѣе чувственнымъ, стихотворецъ даетъ ему такія свойства, которыя представляютъ его намъ умонераздѣльнымъ, 3. Сдѣлать описуемый предметъ чувственнымъ.

(не смотря на то, что онымъ иногда бываетъ родъ,) определяя, напримѣръ, его мѣсто, и проч. Такъ говоритъ Г. Державинъ въ одѣ Фелицѣ.

Тамъ славной окорокъ *Вестфальской*,
Тамъ звенья рыбы *Астраханской*,
Шампанскимъ вафли запиваю.

4. Украшать ихъ такъ называемыми выразительными мыслями.

4) Часто стихотворческія описанія и повѣствованія пріобрѣтаютъ особенное нѣкоторое совершенство отъ того риторскаго украшенія, которое Французы называютъ images, а мы назвали выразительными мыслями. Оно дѣйствительно состоитъ изъ такихъ изображеній какого либо предмета, которыя показывая намъ весьма немногія онаго свойства, и слѣдственно будучи весьма кратки, при всемъ томъ столь живо начертываютъ его въ нашемъ воображеніи, что какъ бы онъ въ то время сильно дѣйствовалъ на наши чувства. Такая, такъ сказать, рѣзкость сихъ изображеній происходитъ отъ того, что стихотворецъ составляетъ ихъ изъ такихъ свойствъ, особливо дѣйствій и страданій описуемаго предмета, коими онъ самъ приведенъ былъ въ возхищеніе, не упустивъ замѣтить ихъ въ то самое время, и выразивъ ихъ тѣми словами, которыя тогда же вмѣстѣ съ мыслями и

ощущеніями его родилися, изображенія сего рода будучи болѣе спискомъ истинной природы, нежели произеденіемъ искуства, отъ сего самаго особливую имѣютъ силу и выразительность. Приведемъ нѣсколько примѣровъ сихъ изображеній:

Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острый рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ.
Отъ рева лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

Г. Ломоносовъ въ 1-й одѣ.

Или

Въ безпамятствѣ, куда ихъ страхъ влечетъ, несутся,
И стрѣлы въ ихъ хребтахъ вонзенныя трясутся.

Или

Свистъ ядръ, оружій трескъ, ревъ махинъ, звукъ броней,
Сражающихся крикъ и ржаніе коней,
Визгъ, топотъ, шумъ и вопль до облакъ раздается.

Г. Петровъ въ поэмѣ на побѣды Россійскаго воинства.

§. 47.

Что касается до расположенія стихотворческихъ описаній и повѣствованій, то онѣ бываютъ располагаемы, какъ уже сказано, по тѣмъ же правиламъ, по какимъ

О расположеніи стихотворческихъ описаній и

повѣство- ваній.

и риторическія. Изключаются однако тѣ изъ нихъ, коихъ содержаніемъ бываетъ какое нибудь дѣйствіе, и кои непремѣнно должны состоять изъ трехъ частей, то есть предприятія, самаго дѣйствія и окончанія. Однако и въ семъ случаѣ должно быть не иное, какъ естественное, соотвѣтствующее времени разположеніе: ибо противоестественно было бы говорить прежде о дѣйствіи, а тѣмъ болѣе объ окончаніи онаго, не сказавъ ничего о предприятіи, или сказавъ объ ономъ послѣ.

§. 48.

О выраженіяхъ и украшеніяхъ стихотворческихъ описаній и повѣствованій.

Въ разсужденіи выраженій и украшеній, какія пристойны стихотворческимъ описаніямъ и повѣствованіямъ, надобно замѣтить, что сіе зависитъ отъ ихъ содержанія. Есть такія изъ нихъ, которыя требуютъ низкаго, иныя средственнаго, а нѣкоторыя даже и высокаго слога. Но какого бы рода ни былъ онъ, стихотворецъ всегда долженъ изъясняться избраннѣйшими, принадлежащими къ оному, выраженіями, то есть сообразно тому, какъ показано въ §. 29.

§. 49.

О употребленіи описаній и повѣствованій.

Употребленіе описаній и повѣствованій въ стихотвореніяхъ есть трояко. Большею частію онѣ бываютъ помѣщаемы

въ пространныхъ сочиненіяхъ для украшенія оныхъ, но нерѣдко составляютъ, особливо повѣствованія, цѣлое стихотворческое сочиненіе, называемое однако другимъ какимъ либо именемъ. Таково превосходное твореніе Овидія, извѣстное подъ именемъ Превращеній; таковы на Россійскомъ языкѣ поема Г. Петрова на побѣды Россійскаго войска, Г. Дмитріева слѣдующія стихотворенія: Модная жена, Воздушныя башни, Картина, Причудница. О стихотвореніяхъ сего рода пространнѣе будетъ предложено ниже.

§. 50.

Какія стихотворенія принадлежатъ къ описаніямъ?

Надписи.

Къ стихотвореніямъ, которыя въ существѣ своемъ суть не иное, что какъ описанія, принадлежатъ надписи, разныя роды эпиграммъ и загадки. Надпись есть краткое чего либо замѣчательнаго описаніе, состоящее изъ явственнаго изображенія такихъ описуемаго предмета принадлежностей, коими онъ болѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Слѣдовательно предметомъ надписи можетъ быть все, что только заслуживаетъ особливое вниманіе, напримѣръ, достопримѣчательное зданіе, памятникъ, необыкновенный человѣкъ, примѣрное дѣяніе, и проч. Надписью сіе сочиненіе называется по тому, что оно дѣйствительно бываетъ написано иногда на своемъ предметѣ, иногда же

на изображеніи представляющемъ оный; или по крайней мѣрѣ дѣлается въ такомъ видѣ, какой бы оно имѣло, естьлибъ было въ самомъ дѣлѣ написано на своемъ предметѣ.

§. 51.

Источники изобрѣтенія для надписей:

Источники изобрѣтенія для надписи служатъ самыя принадлежности изображаемаго предмета. Надобно только сочинителю употребить свое остроуміе, чтобы замѣтить, чѣмъ онъ болѣе отличается отъ другихъ ему подобныхъ, или чѣмъ производитъ надъ нашимъ воображеніемъ или сердцемъ разительное дѣйствіе.

1. Свойства предмета.

Такія принадлежности предмета надписи суть иногда собственно такъ называемыя свойства онаго, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ двухъ надписяхъ:

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
На то изтощена была ея вся сила,
Дабы ниодного таланта не отнять.
Великъ былъ Твой Отецъ, была прекрасна Мать;
Герой тебя родилъ, носила Героиня;
Какой быть долженъ плодъ? не иной, какъ Богиня.
Но сколько смертныхъ Ты превыше почтена,
Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна;
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедротою сіяешь.

Г. Ломоносовъ Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ по случаю маскерада.

С цвѣтущей младости до сребреныхъ власовъ
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ,
Таланту каждому покровъ,
Почтенъ, доступенъ и любезенъ.

Г. Дмитріевъ И. И. Шувалову.

Иногда дѣйствія предмета надписи составляютъ содержаніе оной, напримѣръ: 2. Дѣйствія предмета.

Суворова здѣсь ликъ искуство начертало,
Да вѣдаютъ его грядущи времена:
Едина Царства имъ не стало,
А тремъ корона отдана.

Г. Дмитріевъ.

Сойди къ намъ, Златоустъ, оставивъ небеса:
Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
Петрова Дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
И именемъ твоимъ все море наполняетъ.
Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
Греми противъ ея завистливыхъ враговъ.
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами,
Но пламенными впредь звучи въ водахъ словами.

Г. *Ломоносовъ на спускъ корабля именуемаго: Іоаннъ Златоустъ.*

Иногда причина дѣйствующая, иногдаже конечная даютъ сочинителю надписи мысли, напримѣръ: 3. Причины предмета.

Парисъ и Марсъ, — о томъ ни слова,
И Апеллесъ когда хотѣлъ,

Меня видали безъ покрова:
Но какъ увидѣлъ Пракситель?

Изъ Антологіи къ Венериной статуѣ, переводъ Г. Дмитріева.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово,
Законы, тронъ, все пасть готово.
Не бойтесь! онъ на дождь сердитъ.

Г. Дмитріевъ.

4. Обстоятельства предмета.

Бываютъ такъ же надписи, составленныя изъ обстоятельствъ изображаемаго предмета, какъ слѣдующая:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ сверкающій въ долинѣ,
Надъ речкой соловей, три Граціи въ картинѣ:
Вотъ все его добро .... и счастливъ! онъ поэтъ.

5. Разныя вдругъ принадлежности предмета.

Иногда наконецъ сочинитель надписи, замѣтивъ не одно, но нѣсколько разнородныхъ отличительныхъ принадлежностей изображаемаго предмета, помѣщаетъ ихъ всѣ въ оной. Такъ составлены слѣдующія двѣ надписи:

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берега на быстрину бѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ.
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.

Но мы бы вЪ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
КогдабЪ Великаго Петра мы не имѣли.

Г. Ломоносовъ на спускъ Корабля именуемаго: С. Александръ Невскій.

КолоссЪ Родосскій, свой смири надменный видЪ,
И НильскихЪ зданія высокихЪ пирамидЪ,
Престаньте болѣе щитаться чудесами:
Вы смертныхЪ бренными сотворены руками.
Не рукотворная здѣсь Россская гора,
ВнявЪ гласу Божію изЪ устЪ ЕКАТЕРИНЫ,
Во градЪ ПетровЪ прешла чрезЪ Невскія пучины,
И пала подЪ стопы Великаго ПЕТРА.

Г. Рубанъ на камень, составляющій подножіе памятника ПЕТРУ I-му воздвигнутаго въ Санктпетербургѣ.

§. 52.

О замысловатой мысли вЪ надписи.

Со изображеніемЪ описуемаго предмета почти всегда соединена бываетЪ такая мысль, вЪ которой мы находимЪ вмѣстѣ и остроуміе сочинителя, и то отличное о предметѣ надписи понятіе, или кЪ оному чувствованіе, какое онЪ хочетЪ произвести вЪ насЪ симЪ небольшимЪ твореніемЪ. Мысль сія, которая иногда бываетЪ заключеніемЪ онаго, иногда же слита сЪ его содержаніемЪ, и по большой части, какЪ бы вЪ половину только выражена, должна имѣть такую связь сЪ изображеніемЪ предмета, что сочинитель какЪ бы не могЪ не соединить ее

съ онымъ, то есть чтобы казалося, что надпись дѣлана не для того, дабы сказать сію мысль, но сія мысль произведена въ сочинителѣ единственно содержаніемъ надписи. Сверхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, въ коихъ сіе явственно видно, вотъ еще образецъ:

Infelix Dido, nulli bene nupta marito:
Hoc pereunte fugis, hoc fugiente peris.

То есть: несчастная Дидона, ни съ однимъ мужемъ неимѣвшая удачнаго брака! Одного смерть принудила тебя бѣжать, другаго побѣгъ заставилъ тебя умереть.

§. 53.

До стоинства слога надписей.

Ясность, краткость, правдоподобіе, и особенно естественность слога составляютъ достоинства сего малаго сочиненія. Какъ оно дѣлается съ тѣмъ предположеніемъ, что всякой, кто будетъ его читать, будетъ читать мимоходомъ; то по сему оно должно быть кратко и ясно. При всемъ томъ краткость надписи неразрывно бываетъ соединена съ сильнымъ слогомъ такъ, что многія въ ней реченія такого рода, что каждое изъ нихъ объемлетъ нѣсколько важныхъ понятій. Отъ сего происходитъ, что бываютъ надписи въ двухъ или трехъ словахъ состоящія,

но заключающія въ себѣ обширный смыслъ, каковы суть слѣдующія:

ПЕТРУ I. ЕКАТЕРИНА II.

Или: Laeso militi et invicto.

То есть: раненому, но непобѣжденному воину.

Что касается до правдоподобія, то сочинитель до невѣроятности увеличившій или унизившій свой предметъ лишается у читателя довѣрія, и слѣдственно того дѣйствія, какое онъ хотѣлъ произвести въ немъ своею надписью. Наконецъ естественности слога сіе сочиненіе требуетъ по тому, что оно должно казаться не произведеніемъ размышленія и труда, но изліяніемъ рожденныхъ предметовъ онаго въ сочинителѣ впечатлѣній. Впрочемъ въ такомъ маломъ сочиненіи, какова надпись, никакая вообще погрѣшность непростительна.

§. 54.

Къ надписямъ принадлежитъ Эпитафія, то есть надгробіе, показывающая самымъ именемъ своимъ опредѣленное ея употребленіе и нѣкоторыя собственно ей свойственныя правила. Сочинитель надгробія долженъ въ немногихъ весьма словахъ дать ясное понятіе объ усопшемъ Эпитафія.

изобразивъ, что есть отличнаго въ его или нравственности, или дѣлахъ. Когда онъ намѣренъ показать свой предметъ съ похвальной стороны, то сверхъ остроумія долженъ показать благородную чувствительность и нѣжность души, а въ случаѣ великихъ дѣлъ усопшаго возвышенное чувствованіе: напротивъ сего въ надгробіи, изображающемъ свой предметъ со стороны пороковъ или недостатковъ, стихотворецъ соединяетъ остроту съ колкостію, въ которой однако не должны имѣть участія ни злость, ни пристрастіе.

Таковы слѣдующія надгробія:

Когда и дружество струило слезъ потоки,
На мраморѣ сіи начертывая строки,
Чтожъ должны чувствовать, увы, отецъ и мать?
О небо! и дѣтей ужасно намъ желать.

Г. Дмитріевъ.

Суворовъ здѣсь лежитъ. Кто онъ? иные скажутъ.
Но Висла и Рымникъ то всякому докажутъ.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградъ
Родитель спитъ здѣсь фоліантовъ,
Умершій послѣ чадъ.

Къ Эпитафіямъ принадлежатъ еще такъ называемыя Кенотафіи. Все ихъ

различіе отъ Эпитафій состоитъ въ томъ, что онѣ были изображаемы древними на гробницахъ пустыхъ, то есть не содержавшихъ въ себѣ тѣла покойнаго, коего по роду смерти имѣть не можно было.

§. 55.

Чтобы яснѣе выразумѣть, что есть эпиграмма, то полезно напередъ замѣтить два обстоятельства, первое, что надпись была поводомъ къ изобрѣтенію оной; второе, что находящаяся въ надписи замысловатая мысль не составляетъ, какъ я уже сказалъ, цѣли ея, то есть не изображеніе, содержащееся въ надписи, дѣлается для замысловатой мысли, но сія для изображенія. Напротивъ сего когда разсудили дѣлать надписи такъ, что ея цѣлію сдѣлали не то, чтобы изобразить предметъ, но чтобы сказать о немъ что нибудь остроумное или замѣчательное такъ, что описаніе онаго единственно стали дѣлать для того, чтобы сказать такую остроту: то надпись измѣнилась въ особливый родъ стихотворческаго сочиненія, который названъ эпиграммою. По сей причинѣ большая часть о семъ писателей говорятъ, что эпиграмма есть не что иное, какъ тонкая и замысловатая мысль, удачно выраженная немногими словами, разумѣя, что читатель бы-

О Эпиграммѣ вообще.

Отличіе Эпиграммы отъ надписи.

ваетъ приготовленъ къ сей мысли предварительнымъ изображеніемъ того предмета, о которомъ она будетъ сказана. Другое обстоятельство, которымъ эпиграмма отличается отъ надписи, есть то, что сія последняя пишется или действительно съ темъ, чтобъ ей быть написанной на ея предметѣ или на изображеніи онаго, по крайней мѣрѣ имѣетъ такую наружность: но предметомъ эпиграммы весьма часто бываетъ то, на чемъ написать ее не можно, какъ напримѣръ семейственныя добродѣтели или пороки и проч.

§. 56.

Эпиграмма имѣетъ двѣ части, и какія достоинства первой изъ нихъ?

Изъ предъидущаго явствуетъ: 1. что, эпиграмма, какъ ни кратка, имѣетъ двѣ части, предложеніе и замыслъ, и что первая изъ нихъ есть изображеніе предмета эпиграммы, а вторая содержитъ ту мысль, о коей выше говорено; 2) что хотя эпиграмма въ семъ, а равно и въ другихъ главныхъ своихъ качествахъ весьма сходствуетъ съ надписью, но въ оной первая ея часть должна быть, такъ сказать, подчинена второй, то есть должна содержать въ себѣ единственно то, что нужно для оной, и быть написана такъ, какъ требуетъ сія; 3) что на семъ отношеніи предложенія къ замыслу имѣютъ свое основа-

ніе почти всѣ частныя правила эпиграммы. Мысли въ ней для предложенія хотя изобрѣтаютъ изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ и для изображенія предмета надписи, но въ эпиграммѣ онѣ должны быть таковы, чтобы приготовляли насъ къ замыслу; должно быть ихъ столько, сколько требуется для того, чтобы замыслъ былъ вразумителенъ. Въ семъ состоитъ краткость, свойственная предложенію эпиграммы: ибо помѣщенныя въ немъ такія обстоятельства, безъ коихъ замыслъ можетъ быть внятенъ, лишаютъ всю эпиграмму ея цѣны; тогда предложеніе, содержащее въ себѣ нѣкоторыя излишнія мысли, наноситъ излишній трудъ читателю, а чрезъ то отнимаетъ нѣсколько пріятности, которую долженъ принести ему замыслъ. Наконецъ ясность, какой требуетъ изображеніе предмета эпиграммы, должна быть въ такой степени, чтобъ не могла обратить на себя вниманія читателя болѣе, нежели самый замыслъ.

§. 57.

Достоинства второй части эпиграмы, то есть замысла.

А по сему онъ тѣмъ болѣе долженъ имѣть достоинствъ. Многіе въ числѣ правилъ эпиграммы показываютъ тѣ источники, изъ коихъ ея сочинители почерпаютъ мысли для замысла; но я оставляю сіе по тому, что я имѣлъ уже случай го-

ворить пространно объ отличныхъ мысляхъ, которыя въ существѣ своемъ суть шаковы, какихъ требуетъ замыслъ эпиграммы. И такъ обращаюся къ главнымъ достоинствамъ сей ея части. Онѣ суть непринужденность, непритворность и сильная краткость. Непринужденность состоитъ во первыхъ въ такой связи замысла съ предложеніемъ, чтобы казалося, что сказавъ первое, не можно было не сказать втораго, при всемъ томъ, чтобы сія связь не прежде намъ открылась, какъ по прочтеніи уже всей эпиграммы такъ, чтобы читатель, читая предложеніе, былъ еще въ неизвѣстности, чѣмъ кончится эпиграмма. Непринужденность замысла эпиграммы состоитъ еще въ томъ, что изобрѣтеніе мысли, составляющей оный, не стоило, кажется, никакого труда сочинителю, но она встрѣтилася съ нимъ сама, и притомъ при первомъ его взглядѣ на предметъ. Непритворность замысла состоитъ въ томъ, когда содержащаяся въ немъ мысль кажется произведеніемъ не остроумія сочинителя, но самаго предмета, то есть такъ естественно будетъ ему принадлежать, что со всякимъ, кажется, она должна встрѣтиться, кто представитъ себѣ предметъ эпиграммы съ той стороны, съ какой изобразилъ его въ предложеніи со-

чинитель. Наконецъ краткость замысла заключается въ томъ, чтобъ онъ дѣйствительно былъ выраженъ немногими словами и при томъ, чтобы всегда оставлялъ что нибудь выразумѣть читателю самому. Впрочемъ и вся эпиграмма бываетъ сочиненіе краткое, состоящее изъ немногихъ и притомъ равныхъ или неравныхъ стиховъ, почти обыкновенно предлагается въ видѣ эпическомъ, а иногда для большей живости даютъ ей видъ разговора.

Хотя сіе сочиненіе какъ и всякое другое, требуетъ особливаго дарованія, и есть изъ иностранныхъ словолюбцевъ такіе, которые занималися единственно онымъ, и при томъ со славою; но рѣдкой изъ стихотворцевъ, особливо тѣхъ, кои пишутъ, такъ называемыя мѣлкія стихотворенія, (poesie fugitive), не сдѣлалъ въ жизни своей одной, или нѣсколько эпиграммъ. Отъ сего ихъ великое множество. Я приведу для образца слѣдующія.

Ѳирситъ всегда въ лѣсахъ за дичью на охотѣ,
И чуть успѣетъ ѣсть, и то въ пыли и въ потѣ.
Кто скажетъ, чтобъ онъ былъ въ семъ дѣлѣ не удалъ?
Онъ самъ ужъ отъ того свирѣпымъ звѣремъ сталъ.

* * *

Я раззорился отъ воровъ: —
Жалѣю о твоемъ я горѣ. —
Украли пукъ моихъ стиховъ: —
Жалѣю я о ворѣ. —

* * *

Кого вамъ надобно? — Я домъ ищу Разврата.
Котораго сударь? — ихъ въ городѣ два брата.
Богатаго. — Какъ тотъ, такъ и другой богатъ.
Не очень складнаго. — Не молодецъ и братъ.
Онъ крутъ обычаемъ. — И тотъ... избави Боже!
Жена красавица. — И у другова тоже.
Короче тотъ рогатъ, котораго ищу.
Какой же случай? — Я молчу.

§. 58.

О мадригалѣ.

Къ Эпиграммѣ обыкновенно относятъ Мадригалъ, Сонетъ, Рондо и Тріолетъ по причинѣ весьма явственнаго ихъ съ оною сходства въ томъ, что каждое изъ сихъ небольшихъ стихотвореній содержитъ въ себѣ острую, удачно и кратко выраженную мысль. Имя мадригала было неизвѣстно древнимъ, но въ ихъ Эпиграммахъ находятся образцы сего сочиненія. Его начали употреблять, и употребляли гораздо болѣе, нежели нынѣ, не въ давнія времена. Отъ эпиграммы онъ различается болѣе всего свойствомъ своего замысла. Первая имѣя предметомъ вещи или важныя, или забавныя, или достойныя хулы, въ замыслѣ своемъ бываетъ иногда нѣсколько возвышенна, иногда пріятна, ино-

гда ѣдка, и вообще показываетъ живое воображеніе сочинителя: напротивъ сего мадригалъ, занимаяся единственно нѣжными предметами, составляетъ свой замыслъ изъ такого же, и хотя страстнаго, но тихаго чувствованія. И по сему замыслъ эпиграммы производитъ рѣзкое, и по большей части въ воображеніи читателя, а замыслъ мадригала пріятное и при томъ въ чувствительности впечатлѣніе. Въ самомъ выраженіи замысла эпиграммы видны живость и усовершенствованное искуствомъ дарованіе; въ выраженіяхъ же замысла мадригала примѣтны тихій восторгъ, естественная простота и добродушіе. Сверхъ сего по замѣчанію Г. Ешенбурга въ мадригалѣ не всегда бываютъ нужны обѣ существенныя части эпиграммы. Наконецъ мадригалъ почти обыкновенно, а эпиграмма токмо иногда, пишутся неравными стихами съ непрерывною или смѣшенною риѳмою. Притомъ въ немъ бываетъ не менѣе четырехъ и не болѣе пятнадцати стиховъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

По чести отъ тебя не можно глазъ отвесть;
Но что къ тебѣ влечетъ? ... Загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу... а пріятна!
Ты лучшебъ быть могла, но лучше такъ, какъ есть.

Г. Дмитр.

Въ селѣ у насъ пастушка есть одна,
Которой прелестямъ все должно покориться.
Цитера красотой моглабъ такой хвалиться.
Пріятнымъ голосомъ она
Приводитъ въ ревность соловья.
Не знаю только я,
Что сердце нѣжно ли притомъ она имѣетъ.
Счастливъ, кто пламень въ ней любви возжечь успѣетъ.
Но кто сей страстію не хочетъ вѣкъ страдать,
Не долженъ тотъ ее ни слушать, ни видать.

Переводъ съ французскаго.

Ты пишешь только, чтобъ о чемъ нибудь писать,
Щитая то утѣхою своею;
А я, любя васъ всей душею,
Пишу, чтобъ вамъ о томъ сказать *)

Сей мадригалъ весьма многіе французскіе Піиты приводятъ въ примѣръ. Онъ сочиненъ ихъ стихотворцемъ Прадономъ въ отвѣтъ одному изъ его знакомцевъ, который писалъ къ нему письмо, наполненное остроуміемъ.

§. 59.

О Сонетѣ. Сонетъ есть небольшое стихотвореніе, имѣющее многія свойства мадригала и многія собственно ему принадлежащія.

---

*) Vous n'écrivez que pour écrire;
C'est pour vous un amusement:
Moi, qui vous aime tendrement,
Je n'écris que pour vous le dire.

Онъ часто занимаяся такимъ предметомъ, который выше, нежели предметъ мадригала, содержитъ въ себѣ нѣсколько относящихся къ оному мыслей, изъ коихъ послѣдняя, составляющая замыслъ, состоитъ также изъ тихаго и нѣжнаго, но болѣе возвышеннаго и болѣе поражающаго чувствованія, и при томъ бываетъ выражена сильно и кратко. Но главное и отличительное сего стихотворенія качество состоитъ въ томъ, что въ немъ все должно быть верховно, изящно и превосходно. Мысли должны быть зрѣло обдуманы; слово имѣть всю, приличную ему красоту и приятность; стихи всю надлежащую плавность и сладкозвучіе; риѳмы свое богатство въ совершенной степени, такъ, что самое малое отступленіе отъ предмета, слабая мысль, негладкій стихъ, неточное и безъ вниманія избранное выраженіе, повтореніе одного слова, коротко сказать, всякая противу слога погрѣшность отнюдь непростительна въ семъ сочиненіи. Сверхъ сей со стороны, такъ сказать, внутренняго состава трудности, сонетъ затруднителенъ также и въ разсужденіи наружнаго своего вида. Онъ состоитъ изъ 14 стиховъ, которые въ томъ случаѣ, когда его содержаніе нѣсколько важно и высоко, бываютъ шестистопные. Первые восемь стиховъ раздѣ-

ляются на двѣ строфы, изъ коихъ каждая содержитъ четыре стиха и двѣ только имѣютъ риѳмы, одну мужескую и одну женскую, и притомъ такъ, чтобъ риѳмы имѣли такой же порядокъ во второй строфѣ, какой имѣли въ первой. Послѣдніе шесть стиховъ должны быть раздѣлены также на двѣ строфы, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ стиховъ. Въ первой строфѣ два первые стиха имѣютъ одну риѳму, а третій кончится на одну риѳму со вторымъ стихомъ второй строфы. Каждая четырехстишная строфа должна содержать въ себѣ полную и оконченную мысль. Толь затрудняющее сочинителей качество сонета есть причиною, что почти не можно найти сего стихотворенія со всѣми свойственными ему совершенствами. Слѣдующій Сонетъ можетъ быть образцемъ, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи наружнаго вида сего сочиненія.

Надежда, всѣхъ сердецъ и всѣхъ умовъ магнитъ!
Заря счастливыхъ дней, въ несчастіяхъ отрада!
Въ трудахъ нашъ вѣрный другъ! терпѣнія награда!
Волшебный голосъ твой всѣхъ за собой манитъ.

Тобой обманутый тебя клянетъ, винитъ;
Но ты опять его унынію преграда;
Ты свѣтлый для него рай дѣлаешь изъ ада.
И такъ что въ слѣдъ тебѣ идти намъ возбранитъ?

* * *

Не страшенъ намъ тогда злой смерти видъ суровый,
Когда въ рукѣ твоей мы зримъ вѣнецъ лавровый.
Ты въ полѣ страшный Марсъ, во градѣ сильный богъ.

* * *

Богъ, коимъ движется разумная природа!
Кто безъ тебя бы жить, сносить, трудиться могъ?
Что солнце для планетъ, то ты для смертныхъ рода.

§. 60.

Рондо есть небольшое стихотворенiе, изобрѣтенное такъ же въ позднѣйшiя времена, судя по имени, Французами. Отличительныя качества его состоятъ частiю въ опредѣленномъ родѣ предметовъ, коими оно занимается, частiю въ особливыхъ свойствахъ мыслей, изъ коихъ оно дѣлается, и частiю наконецъ въ особливомъ наружномъ составѣ. Содержанiемъ Рондо бываетъ почти всегда что нибудь забавное, а не притворное; простодушiе и откровенность суть главное достоинство составляющихъ его мыслей. Бываютъ въ немъ иногда нѣжныя и даже тонкiя мысли, но только такъ, чтобъ отъ свойственнаго имъ искуства Рондо ничего не потеряло со стороны вышесказаннаго главнаго своего совершенства, то есть естественной простоты. Что касается до О Рондѣ.

наружнаго вида, то въ разсужденіи сего, оно гораздо затруднительнѣе, нежели Сонетъ. Вѣроятно, что окончаніе цѣлаго Рондо, или такой его части, которая заключаетъ въ себѣ полное разсужденіе, тѣми словами, коими оно было начато, заставило назвать его симъ именемъ. Впрочемъ сіе сочиненіе состоитъ изъ 13 стиховъ, которые могутъ быть всякой мѣры, кромѣ шестистопныхъ, свойственныхъ важнымъ сочиненіямъ. Изъ сихъ стиховъ восемь кончатся на одну женскую, и пять на одну мужескую, или восемь на одну мужескую и пять на одну женскую риѳму, такъ, что во всемъ Рондо только двѣ риѳмы, всегда три женскихъ или мужескихъ стиха, имѣющихъ одну риѳму, будутъ стоять съ ряду. Съ пятымъ стихомъ должно окончиться разсужденіе, а послѣ осьмаго и также послѣ тринадцатаго стиха повторяется первое полустишіе, или нѣсколько первыхъ словъ перваго стиха, такъ, чтобы то, что повторяется (réfrain), содержало въ себѣ продолженіе и окончаніе начатой въ предъидущемъ стихѣ мысли, и притомъ не составляло бы ни части онаго предъидущаго, ни особливаго стиха. Особенныя достоинства сего повторенія состоятъ въ томъ, чтобы содержащаяся въ ономъ часть мысли имѣ-

Наружный составъ.

ла естественную и непринужденную связь съ тою частію, которая заключается въ предъидущемъ стихѣ, и чтобы двукратное оное повтореніе однихъ словъ заключало въ себѣ каждый разъ особливую мысль. Вообще же о семъ стихотвореніи примѣтить нужно, что чѣмъ труднѣе правила его, тѣмъ болѣе легкость и непринужденность слога въ немъ уважаются. Въ тѣ времена, когда полагали великое достоинство стихотвореній въ отличной ихъ наружности, и когда вѣроятно изобрѣтены всѣ сего рода оочиненія, были еще Рондо, имѣющіе совсѣмъ иной, и притомъ гораздо затруднительнѣйшій наружный видъ. Такое Рондо состояло изъ пяти четырехстишныхъ строфъ, и слѣдственно изъ 20 стиховъ, изъ коихъ десять было женскихъ, имѣющихъ одну риѳму, и десять мужескихъ, кончащихся также одною риѳмою. Ни въ одной строфѣ не должны быть съ ряду два женскихъ и два мужескихъ стиха, а при томъ такимъ стихомъ должна начинаться слѣдующая строфа, какимъ кончилась предъидущая. Но главное правило и самая большая трудность въ составѣ сего сочиненія состояли въ томъ, что вторая строфа оканчивалася первымъ стихомъ первой строфы, третія вторымъ стихомъ тойже первой строфы, и такъ да-

лѣе; и что полагаемый на концѣ каждой строфы стихъ, взятый изъ первой строфы, долженъ составлять съ предъидущими стихами одинъ непринужденный и другой, нежели въ первой строфѣ, смыслъ. Сіе Рондо нѣкоторые называютъ сложнымъ. Весьма немногіе изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ занимались симъ родомъ сочиненія.

§ 61.

О Тріолетѣ.

Тріолетъ есть особливый родъ Рондо, занимающійся также забавнымъ предметомъ, имѣющій искуственное повтореніе нѣкоторыхъ стиховъ и отмѣнный свойственный ему наружный составъ. Изъ осьми, обыкновенно составляющихъ его, стиховъ пять должно быть мужескихъ, кончащихся на одну риѳму. Первые два стиха, изъ коихъ первый есть мужескій, а вторый женскій, должны содержать въ себѣ полный смыслъ. Третій стихъ есть опять мужескій, а въ четвертой строкѣ повторяется весь первый стихъ Тріолета, но такъ, что онъ служитъ окончаніемъ мысли, начатой въ третьемъ стихѣ. Потомъ пятый стихъ долженъ быть мужескій, а шестый женскій; наконецъ въ седьмой и осьмой строкахъ опять полагаются два первые стиха Тріолета такъ, что въ нихъ содержится окончаніе мысли начатой въ

предъидущемъ стихѣ. Самое главное сего сочиненія достоинство и приятность зависитъ отъ того, чтобы мысль содержащаяся въ повторяемомъ стихѣ имѣла нимало непринужденную связь съ мыслію предъидущаго стиха.

§ 62.

Загадка есть такое описаніе вещи, въ которомъ сочинитель, изобразивъ ее посредствомъ изчисленія нѣкоторыхъ ея принадлежностей, но не называя оной, оставляетъ читателю удовольствіе узнать ее изъ самаго описанія. Я говорю удовольствіе; ибо читатель, отгадавъ загадку, тайно услаждается своимъ въ семъ случаѣ остроуміемъ. Но чтобы сіе удовольствіе имѣло надлежащую цѣну, то загадка не должна быть такъ ясна, чтобъ отгадать ее почти никакого не стоило труда. Напротивъ сего естьли она такъ темна, что отгадать ее читателю покажется очень трудно; то онъ скорѣе можетъ отказаться отъ небольшаго въ семъ случаѣ угожденія своему самолюбію, нежели приобрѣсти оное несоразмѣрнымъ трудомъ. На семъ основано главное правило сочиненія загадки, то есть, она должна содержать въ себѣ нѣсколько такихъ принадлежностей своего предмета, которыя какъ бы указывая намъ его, тѣмъ самимъ О загадкѣ.

возбуждали бы въ насъ болѣе желанія и надежды отгадать; а между тѣмъ другія помѣщенныя въ тойже загадкѣ обстоятельства затрудняли бы сію представляющуюся съ перваго взгляду удобность. Показать такія свойства предмета загадки, по коимъ бы казалося нетрудно узнать его, есть дѣло требующее обыкновеннаго искуства. Но труднѣе и по сему достойнѣе замѣчанія тѣ приводимыя въ ней обстоятельства, которыя производятъ противное. Онѣ бываютъ или принадлежащія кромѣ предмета загадки нѣкоторымъ другимъ вещамъ; или по видимому противорѣчащія другимъ въ тойже загадкѣ упоминаемымъ свойствамъ предмета, или представляющіяся съ перваго взгляда несообразными съ какимъ нибудь такимъ понятіемъ, которое всѣ вообще почитаютъ несомнѣннымъ; или наконецъ невнятны отъ того, что къ изъясненію ихъ употреблены такія выраженія, коими рѣдко бываетъ изображенъ содержащійся подъ ними въ загадкѣ несобственный смыслъ. Впрочемъ примѣры могутъ наставить болѣе. Слогъ въ семъ сочиненіи, которое пишется съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы послужило нѣкоторою забавою въ кругу приятелей, бываетъ обыкновенной. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Меня родила мать, котору я раждаю.

* * *

Что рѣдко видитъ Царь, пастухъ то зритъ всегда,
А Богъ не видывалъ отъ вѣка никогда.

* * *

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячѣ мѣстахъ вдругъ слышанъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богатъ, названье намъ одно,
Однако въ свѣтѣ мы зовемся неровно.
Узнали? Нѣтъ? Еще прибывимъ:
У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

Г. Дмитріевъ.

§. 63.

Происхожденіе басни.

Съ самаго начала человѣческихъ обществъ благомыслящіе оныхъ члены возставали противу свойственныхъ многимъ или знаменитѣйшимъ изъ ихъ согражданъ пороковъ, слабостей и предразсудковъ, или постыдныхъ для того, кто ихъ имѣетъ или вредныхъ другимъ. Но возставая противъ сего явно, не можно было избѣгнуть

ненависти многихъ, или мщенія сильныхъ. Сіе заставило изобрѣсти на такіе случаи особливый родъ осторожности и искусства. Стали говорить о сихъ вещахъ такъ, чтобы въ рѣчи не было ни слова о томъ, о комъ собственно идетъ дѣло; но на мѣсто его стали выставлять вымышленное лице; а чтобъ еще менѣе коснуться и раздражить того, до кого сіе относится, то начали вымышленному лицу приписывать такое вымышленное же дѣйствіе, которое, какъ бы частно, ему токмо, а не многимъ принадлежало, и при томъ имѣло бы толь разительное сходство съ истинными порочными или предосудительными поступками, что естьлибъ оно было истинное, то бы могло служить весьма явственнымъ оныхъ примѣромъ. Сего мало, чтобъ еще осторожнѣе быть въ такихъ обстоятельствахъ, стали оное вымышленное дѣйствіе приписывать безсловеснымъ животнымъ и даже неодушевленнымъ существамъ, говоря о нихъ такъ, какъ будто бы онѣ одарены были разумомъ и дарованіемъ слова. Такой способъ наставленія, не оскорбляя никого, забавенъ и полезенъ. Вотъ весьма вѣроятное произхожденіе басни.

§. 64.

Изъ сихъ предварительныхъ понятій явствуетъ, что баснь есть стихотворческое повѣствованіе о какомъ нибудь вымышленномъ дѣйствіи, приписуемомъ такъ же вымышленному лицу, но чаще безсловеснымъ животнымъ, и даже неодушевленнымъ вещамъ, *) которое изображая собою какой нибудь нашъ порокъ, слабость или предразсудокъ, тѣмъ самымъ служитъ къ нашему наставленію, кое впрочемъ предлагается явственно въ пристойномъ мѣстѣ басни. Опредѣленіе басни.

§. 65.

Слѣдовательно сіе стихотвореніе имѣетъ двѣ существенныя части, повѣствованіе дѣйствія и предложеніе наставленія. Дѣйствіемъ вообще, какъ уже вы- Басня имѣетъ двѣ части.

---

*) На семъ различіи дѣйствующихъ существъ основано принятое нѣкоторыми раздѣленіе басенъ на правдивыя (fables raisonnables,) въ коихъ дѣйствующими существами бываютъ одаренныя разумомъ, или въ коихъ дѣйствіе, какъ говоритъ Г. Ешенбургъ, бываетъ возможное; и кои у насъ называются притчами; на басни несбыточныя, (fables irraisonables,) иначе называемыя иногда нравственными, въ коихъ дѣйствующія существа суть вещи неодушевленныя; и наконецъ на басни смѣшенныя, въ коихъ дѣйствуютъ существа разумныя вмѣстѣ съ безсловесными или неодушевленными.

ше сказано, называется приведенное въ исполненіе какое нибудь дѣло, съ выборомъ и намѣреніемъ предприятое отъ существа разумнаго или такого, которое въ семъ случаѣ почитается разумнымъ. О изобрѣтеніи дѣйствія басни нужно замѣтить, что источникомъ онаго есть вся природа, средствомъ наблюденія и воображенія стихотворца, и руководствомъ тѣ правила, кои показываютъ достоинства такого дѣйствія. Сихъ достоинствъ четыре: чтобы дѣйствіе было 1, полно, 2, точно, 3, вѣроятно, и 4, чтобы въ немъ сохранено было единство цѣли. Полнымъ оно бываетъ тогда, когда находимъ въ немъ а) предприятіе повѣствуемаго намъ дѣла, б) стремленіе предпринявшаго довести оное до намѣреваемаго конца, и в) наконецъ самое исполненіе съ желаемымъ или противнымъ успѣхомъ. Разсмотримъ сіе правило въ слѣдующемъ примѣрѣ, взятомъ изъ Г. Ломоносова.

Свойственныя дѣйствію Басни достоинства. Когда дѣйствіе басни полно?

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посокъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ стаду.

Вотъ предприятіе: далѣе же увидимъ средства, употребленныя волкомъ къ исполненію сего предприятія.

Увидѣвъ тамъ, что жучка спитъ,
Обнявъ пастушку Өирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали съ ряду,
Онъ могъ изъ нихъ любую взять.
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ,
И именемъ овецъ назвать.

Симъ кончится дѣйствіе волка, а теперь слѣдуетъ окончаніе предприятаго дѣла.

Однако чуть лишь пасть рэазинулъ,
Раздался въ рощѣ волчей вой.
Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
И жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;
Въ полахъ и рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Өирсъ недолго размышлялъ;
Уборъ съ него и кожу снялъ.

§. 66.

Точность дѣйствія басни состоитъ въ томъ, чтобъ оно имѣло толь явственное сходство съ тѣмъ истиннымъ, кото- Что есть точность дѣйствія басни?

рое подъ онымъ разумѣется, чтобъ и самаго посредственнаго вниманія читатель весьма удобно могъ понять содержащееся подъ онымъ. Такъ напримѣръ, въ слѣдующей Федровой, переведенной Г. Сумароковымъ, баснѣ:

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ,
Однако въ низъ рѣки гораздо отступилъ,
Такъ пилъ онъ ниже,
И слѣдственно, что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,
Отколѣ токи водъ стремленіе влечетъ:
Извѣстно, что вода всегда на низъ течетъ.
Голодной волкъ ягненка озираетъ,
Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ,
И мнитъ: не буду я съ ягнятками играть,
Не станетъ на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И птички для меня въ послѣдніе пропѣли,
Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
Умру на семъ пещаномъ берегу.
Волкъ началъ говорить: бездѣлникъ, какъ ты смѣешь
Питье мое мутить,
И въ воду чистую мнѣ сору напустить?
Да тыжъ такую мать имѣешь,
Которая ко мнѣ учтивства не храня, вчера блѣяла на меня.
Ягненокъ отвѣчаетъ,
Что мать его дней съ тридцать умерла,
Такъ волка не она ко гнѣву привела;
А токъ воды бѣжитъ на низъ, онъ чаетъ;

Такъ волкъ его опивковъ не встрѣчаетъ.
Волкъ третьею виной ягненка уличаетъ:
Не мни, что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ;
Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли,
Что псы его заѣли.
Такъ дядя твой, иль братъ,
Иль можетъ быть и сватъ
Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебѣ я это ненарочно.
Ягненковъ былъ отвѣтъ:
Всея моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ;
Лелѣетъ лишь меня прекрасная пастушка.
А! а! вертушка!
Не отвертишся ты; вчера твоя пастушка
Блѣяла на меня: комолые рога,
И длинной хвостъ у этаго врага,
Густая шерсть, копыта невелики:
Довольно ли тебѣ, плутишка сей улики?
Пастушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга.
За то, что на меня блеять она дерзаетъ,
А ты за то умри. Ягненка волкъ терзаетъ.

Въ рѣчахъ и поступкахъ волка не всякой ли видитъ безсовѣстную наглость сильнаго человѣка, а въ отвѣтахъ ягненка невинность, часто бывающую жертвою насилія?

§. 67.

Когда она бываетъ нарушена?

Въ прочемъ точность дѣйствія басни бываетъ нарушена не только тогда, когда содержащееся подъ онымъ истинное

дѣйствіе все вообще невнятно; но и тогда, когда или въ истинномъ дѣйствіи бываетъ такое существенно къ нему принадлежащее обстоятельство, которому соотвѣтствующаго нѣтъ въ вымышленномъ; или обратно въ семъ находится нѣчто такое, чего не можно примѣнить ни къ какому обстоятельству истиннаго дѣйствія. Однако симъ не изключаются изъ дѣйствія басни тѣ свойственныя имъ описанія, которыя состоятъ изъ изчисленія самыхъ мѣлкихъ подробностей, относящихся къ одному обстоятельству дѣйствія, и о коихъ предложено будетъ ниже.

§. 68.

От чего зависитъ вѣроятность дѣйствія басни?

Вѣроятность дѣйствія басни зависитъ отъ того, чтобы въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, которыя бываютъ приписуемы дѣйствующимъ существамъ, не было ничего противорѣчащаго природнымъ ихъ качествамъ, или общему всѣхъ оныхъ мнѣнію такъ, что естьлибъ онѣ какимъ нибудь чудодѣйствіемъ получили разумъ, то бы стали дѣйствовать не иначе, какъ дѣйствуютъ въ баснѣ. И посему Федрова басня, въ которой корова, коза и овца вступаютъ въ товарищество со львомъ, явно противорѣчитъ вѣроятности.

§ 69.

Наконецъ единство цѣли, свойственное дѣйствію басни, соблюдено будетъ, когда каждое приводимое въ баснѣ обстоятельство, такъ сказать, указываетъ читателю главную цѣль басни, которою обыкновенно бываетъ нравоучительное наставленіе. Почему сіе правило не будетъ сохранено въ томъ случаѣ, естьли въ дѣйствіи басни будетъ находиться такое обстоятельство, которое обращая на себя столько замѣчанія читателя, сколько и самая цѣль басни, какъ бы другую цѣль составляетъ. Такова баснь Де ла Фонтеня, преложенная на нашъ языкъ Г. Дмитріевымъ:

Въ чемъ состоитъ единство цѣли, свойственное дѣйствію басни?

Два голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили,
И кушали и пили.
Соскучился одинъ все видѣть тожъ да тожъ,
Задумалъ погулять, и другу въ томъ открылся.
Тому вѣсть эта острый ножъ,
Онъ вздрогнулъ, прослезился,
И къ другу возопилъ:
Помилуй, братецъ, чемъ меня ты поразилъ?
Легколь въ разлукѣ быть?.. Тебѣ легко, жестокой!
Я знаю, ахъ! а мнѣ.. Я съ горести глубокой
И дня не проживу... Къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускаться?
Хоть до зефировъ ты, голубчикъ, погоди!

Къ чему спѣшить? Еще успѣемъ мы разстаться.
Теперь лишь воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнія... страшуся я безмѣрно,
Какой нибудь изъ птицъ напасть онъ предвѣщалъ,
А сердце въ горести и пуще имовѣрно.
Когда разстанусь я съ тобой,
То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
То ястребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками,
То коршунами, то силками.
Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
Ахти мнѣ! я скажу вздохнувши, дождь идетъ.
Здоровъ ли то мой другъ? не терпитъ ли онъ
холодъ?
Не чувствуетъ ли голодъ?
И мало ли чего не вздумаю тогда?
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.
Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
А все таки летѣть желаетъ.
Нѣтъ, братецъ, такъ и быть, сказалъ онъ, полечу,
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу.
Не плачь, пройдетъ дня три, и буду я съ тобою
Клевать,
И ворковать
Опять подъ кровлею одною;
Начну разсказывать тебѣ по вечерамъ,
Вѣдь все одно да тожъ приговорится намъ,
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо.
Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,
А тамъ случилось то со мной.
И ты, дружечекъ мой,
Наслушавшись меня такъ свѣдущъ будешь къ
лѣту,
Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.

Простижъ!.. При сихъ словахъ
На мѣсто всѣхъ, увы и ахъ!
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули, и разстались.
Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ,
Другой вспорхнулъ, взвился, летитъ, летитъ
стрѣлою,
И вѣрнобъ сгоряча край свѣта залетѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо страннику въ глаза
Изъ тучъ дождь проливной, градъ, вихрь, сказать вамъ словомъ,
Со всею свитою, какъ водится, гроза.
При случаѣ такомъ опасномъ, хоть не новомъ,
Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
Гроза утихнула, голубчикъ обсушился,
И въ путь опять пустился.
Летитъ, и видитъ съ высока
Разсыпано пшено, а подлѣ голубка.
Садится, и въ минуту
Запутался въ сѣти; но сѣть была худа,
Такъ онъ противъ ея носкомъ вооружился.
То имъ, то ножкою тянувъ, тянувъ, пробился
Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь, но это ли бѣда?
Ко прибавленью страха
Явился вдругъ соколъ, и со всего размаха
Напалъ на бѣдняка,
Который какъ злодѣй, опутанъ кандалами,
Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но къ счастью тутъ орелъ съ широкими крылами
Для встрѣчи сокола спустился съ облаковъ;
И такъ благодаря стеченію воровъ,

Нашъ путникъ соколу въ добычу не достался,
Однако все еще съ бѣдой не развязался.
Летя отъ сокола, отъ страха или такъ,
Насунулся избы на уголъ, какъ дуракъ,
И вывихнулъ крыло; потомъ, въ него мальчишка,
Знать голубиной былъ и въ томъ еще умишка,
Кирпичъ, иль камешекъ лукнулъ,
И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ.
Потомъ.. потомъ проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился брести назадъ полмертвой, полхромой,
И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

Послѣ сего стихотворецъ показываетъ въ нравоученіи главную цѣль басни, полагая оную въ томъ, что любящіе другъ друга не должны разлучаться. Но при всемъ томъ читатель остается почти въ неизвѣстности объ оной: ибо столь живо изображены въ баснѣ съ одной стороны безпокойство остающагося друга, а съ другой вѣтреность, и особливо несчастія путешествующаго, что то и другое не менѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, какъ и показанная сочинителемъ цѣль.

§. 70.

О нравоученіи въ баснѣ.

О второй части басни, то есть о нравоученіи, слѣдуетъ примѣтить, 1) что какъ поводомъ къ оному бываютъ обыкновенные въ человѣческихъ обществахъ

пороки, слабости и предразсудки; то онѣ и составляютъ источникъ его изобрѣтенія; а посему какъ не могутъ быть въ баснѣ нравоученіемъ высокія какія нибудь философскія наставленія, такъ не должны быть и самыя простыя и всякому извѣстныя правила, (напримѣръ, будь умѣренъ въ пищѣ,) сіе было бы противно намѣренію басни, которая состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать внятнымъ и яснымъ то, на что мы смотримъ по большой части безъ дальняго замѣчанія. 2) По сей причинѣ нравоученіе должно имѣть съ баснею самую естественную связь, то есть слѣдовать изъ нея самымъ непринужденнымъ образомъ; и при томъ 3) быть выражено просто, кратко и безъ многихъ разсужденій подобно тому, какъ истинны сего рода изображены въ нашихъ пословицахъ, напримѣръ въ баснѣ называемой, моръ звѣрей.

И у людей такой же нравъ,
Кто силенъ, тотъ у нихъ и правъ.

Также въ приведенной мною выше Г. Ломоносова баснѣ.

Я басню всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, Господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Напротивъ сего чрезмѣрно разпространено слѣдующее нравоученіе, принадлежащее къ показанной выше мною баснѣ о двухъ голубяхъ:

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотитель странствовать, забудьте гордый Нилъ,
И далѣй ближняго ручья не разлучайтесь:
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ возхищайтесь.
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ,
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
Присутствіемъ моей любезной озаренной,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства на земляхъ .... Придетель вы назадъ
Минуты радостей, минуты возхищеній?
Иль буду я однимъ возпоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И поздо мнѣ любить?

§. 71.

О помѣщеніи нравоученія въ баснѣ.

Помѣщеніе нравоученія предъ баснею, или послѣ оной, зависитъ отъ выбора сочинителя: ибо то и другое приноситъ читателю своего рода удовольствіе. Въ первомъ случаѣ онъ, узнавъ его прежде, удобно можетъ примѣнять къ нему всѣ повѣствуемыя въ баснѣ обстоятельства;

а во второмъ ему пріятно самое ожиданіе, соединенное съ желаніемъ узнать, чѣмъ кончится басня. Но когда въ баснѣ такая будетъ точность, то есть сходство съ изображаемыми поступками людей, что всякой удобно можетъ сіе разумѣть, въ такомъ случаѣ вывести нравоученіе предоставляется самому читателю. Образцемъ сего можетъ служить выше приведенная басня о волкѣ и ягненкѣ. Но я намѣренъ показать для примѣра еще такуюже басню изъ сочиненій Г. Хемницера.

Плясать медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляки лишь только что узнали,
Всѣмъ по лѣсу о немъ, что тутъ онъ, промычали,
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
Вѣдь мишка къ намъ опять явился.
Откуда кто пустился,
И къ мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ,
Другъ передъ другомъ мишку тутъ встрѣчаютъ,
Поздравляютъ
Цѣлуютъ, обнимаютъ,
Не знаютъ съ радости, что съ мишкою начать,
Чѣмъ угостить, и какъ принять.

Гдѣ! развѣ торжество такое!
Какое
Ни разсказать,
Ни описать.
И мишку всѣ кругомъ обстали,
Потомъ просить всѣ мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что только мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ,
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искуство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили;
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,
На силу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной со всѣхъ ногъ такъ тутъ о землю хватился,
Когда плясать было пустился:
А мишка видя то,
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на мишку напустили,
И ненависть и злость искуство все затьмили.
На мишку окрикъ всѣ: прочь, прочь отсель сей часъ.
Скотина этака умнѣй быть хочетъ насъ!
И всѣ на мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали,
И столько мишку стали гнать,
Что мишка принужденъ бѣжать.

§. 72.

Остается еще нѣчто сказать о слогѣ басни. Судя по ея содержанію, по дѣйствующимъ въ ней существамъ, особливже по намѣренію, съ какимъ она дѣлается, (что все видно изъ предъидущихъ изъясненій), сіе стихотвореніе не можетъ терпѣть ничего глубокомысленнаго, важнаго, страстнаго и отзывающагося искуствомъ; коротко сказать, оно требуетъ обыкновеннаго слога, которой при свойственной ему простотѣ, естественности и при всѣхъ приличныхъ ему украшеніяхъ долженъ быть забавенъ. Сіе отличительное качество слога басни поддерживается въ немъ вопервыхъ помѣщеніемъ въ повѣствованіи всего, что есть пріятное и веселое въ дѣйствіи басни; а вовторыхъ нерѣдко пространнымъ изчисленіемъ самыхъ мѣлкихъ подробностей, относящихся къ какому нибудь обстоятельству дѣйствія: изъ чего раждающіяся описанія забавляютъ читателя или тѣмъ, что въ нихъ онъ находитъ живое изображеніе того, что по маловажности своей не обращало на себя ничьего замѣчанія, или тѣмъ, что описанія сего рода иногда съ намѣреніемъ позабавить представляютъ намъ важнымъ что нибудь малозначащее. Примѣромъ сего можетъ быть описаніе убранства волка въ приведенной мною Г. Ломоносова

О слогѣ басни.

баснѣ. Таковоже слѣдующее описаніе положенія зайца въ одной изъ басенъ Г. Дмитріева.

Увидя онъ ружье, которое лежало
въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ изпугался,
Что даже и бѣжать съ душею не собрался,
А только сжался,
И уши на спину, мортая носомъ, ждетъ,
Что въ мозгъ ружье убьетъ.
Проходитъ часъ, другой. — Перунъ еще не грянулъ;
Часъ и еще: — Перунъ молчитъ,
А заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ онъ ободрясь возпрянулъ,
Бросаетъ любопытный взглядъ:
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ,
И наконецъ къ ружью подходитъ.

Забавнымъ слогъ басни дѣлается еще отъ того, что баснописцы нерѣдко приписываютъ дѣйствующимъ въ ней безсловеснымъ существамъ свойственные людямъ и въ ихъ обществахъ обыкновенные нравы, сужденія, поступки, произшествія, даже званія и имена человѣческія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изправилъ наконецъ и волкъ свой грѣшный вѣкъ,
И сталъ онъ добрый человѣкъ.

Г. Дмитріевъ.

Однажды предъ нее предстало, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ:
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ,
И крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.

Г. Дмитріевъ.

*

Я плюнулъ бы на мокрыхъ сихъ бояръ.

Г. Дмитріевъ.

*

Петръ кроликъ приводилъ въ доводъ,
Обычай, давность; — ихъ закономъ,
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,
Ивана кролика; по смерти же его,
Достался въ силу права,
Тожъ сыну, именно мнѣ кролику Петру.

Г. Дмитріевъ.

§. 73.

Наконецъ весьма немалую придаютъ слогу басни пріятность избранныя сочинителемъ съ раченіемъ самыя лучшія, находящіяся большею частію единственно въ томъ языкѣ, на коемъ онъ пишетъ, реченія, выраженія, словосочиненія и пр. Само собою явственно, что все сіе богатство языка должно быть такое, которое О знаніи языка.

принадлежитъ низкому его нарѣчію. А посему не можно быть превозходнымъ баснописцемъ, не зная всѣхъ красотъ и пріятностей, свойственныхъ, сказанному нарѣчію употребляемаго стихотворцемъ языка.

Едва нужно здѣсь упомянуть о томъ, что сіе стихотвореніе составляется изъ стиховъ всякой правильной мѣры.

Лучшіе наши баснописцы суть Г. Сумароковъ, Дмитріевъ и Хемницеръ. Между тѣмъ много такъ же содержатъ въ себѣ образцевъ сего искуства Басни Г. Крылова и Графа Хвостова.

§. 74.

О произхожденія пастушескаго стихотворенія.

Извѣстно, что первый изъ всѣхъ, занимавшихся пастушескимъ стихотвореніемъ, есть Сиракузянинъ Ѳеокритъ, жившій въ третіемъ столѣтіи до Р. Х. Его творенія большею частію толь превозходны, что жившіе послѣ него стихотворцы, кои хотѣли упражнятся въ семъ родѣ, всегда имѣли его своимъ образцемъ, а достигнуть до того, чтобы сравняться съ симъ подлинникомъ, почти никто не могъ. Но весьма вѣроятно, что Ѳеокритъ токмо опредѣлилъ содержаніе, качества и цѣль сего стихотворенія; и что оно гораздо древнѣе и произхожденіемъ своимъ одолжено болѣе природѣ, нежели искуст-

ву. И дѣйствительно, представимъ себѣ съ одной стороны то блаженное и нынѣ толь рѣдко встрѣчающееся съ нами состояніе, въ какомъ жили люди въ первыхъ вѣкахъ міра, то есть состояніе пастуховъ; представимъ возхитительныя красоты природы, коими они, особливо въ счастливыхъ странахъ востока, всегда были окружены; представимъ ихъ свободу мыслей и дѣйствій, во всемъ изобиліе при весьма умѣренныхъ желаніяхъ; съ другой стороны вообразимъ, что сіи блаженствомъ наслаждавшіеся люди имѣли разумъ обогащенный познаніемъ не наукъ, но природы и руководствуемаго ею человѣка, имѣли ничѣмъ не угнетенное и слѣдственно быстрое воображеніе; имѣли чувствительность души, которую изливать во всей ея силѣ не препятствовали имъ принятые въ нашихъ обществахъ и отъ младенчества внушаемые намъ обычаи. Представивъ, говорю, сіе все, можно ли повѣрить, чтобы сіи любимцы и сыны природы могли равнодушно и безмолвно взирать на благость къ нимъ Творца, на богатство естества и на свое счастіе; чтобъ они въ простотѣ и невинности души своей не были сильно поражаемы встрѣчающимися иногда между ими необычайными, счастливыми или несчастными произшествіями, и чтобъ въ малочисленныхъ

и мирныхъ своихъ бесѣдахъ не разговаривали о томъ съ нѣкоторымъ родомъ свойственнаго ихъ состоянію изступленія, подобно тому, какъ занимаются въ нашихъ шумныхъ собраніяхъ новостями о войнахъ и проч? Такія или подобныя обстоятельства производили всегда природныхъ стихотворцевъ и стихотворенія. Безъ сомнѣнія сіи были во многомъ недостаточны, каковымъ бываетъ въ началѣ всякое дѣло; хранилися въ изустныхъ преданіяхъ, и весьма удобно пришли въ забвеніе, когда явилися совершеннѣйшія, обработанныя искуствомъ произведенія сего рода. Первые изобрѣтатели сихъ послѣднихъ съ начала должны были, кажется, стараться только дополнить то, чего не доставало въ порожденіяхъ природнаго дара: ихъ послѣдователи предприяли уже болѣе, то есть посредствомъ приятнаго и вмѣстѣ сильнаго изображенія красотъ природы, мирной сельской жизни и невинныхъ нравовъ пастуховъ дать намъ увидѣть, сколь далеко отъ сего настоящее состояніе человѣка, живущаго въ большомъ свѣтѣ, а чрезъ сію противуположность возбудить нѣкоторое тайное о томъ сожалѣніе, и вмѣстѣ оживотворить въ насъ вкусъ къ сельской простотѣ и ту любовь къ невинности, свойственныя

всѣмъ, коихъ тяготитъ заботливая градская жизнь.

§. 75.

Теперь весьма внятно, почему Баттіо называетъ пастушеское стихотвореніе изображеніемъ сельской жизни, представляющимъ оную со всѣми возможными прелестями; а Эшенбургъ полагаетъ его въ чувственномъ изображеніи благородныхъ дѣйствій, нравовъ, страстей и чувствованій, свойственныхъ людямъ живущимъ обыкновенно въ малыхъ сельскихъ обществахъ. А изъ сихъ двухъ, впрочемъ одно и тоже означающихъ опредѣленій слѣдуетъ, что упражняющіеся въ семъ родѣ должны съ особеннымъ вниманіемъ, 1) подобно ландшафтному живописцу избирать мѣсто, на которомъ произходило то, о чемъ имъ надобно говорить; 2.) дать и соблюсти надлежащія свойства лицъ, ими вводимыхъ въ сочиненіе; 3) предназначить свойственное оному содержаніе; 4) сами имѣть нужныя къ сему дарованія; 5) дать всему сочиненію приличный составъ и слогъ.

Опредѣленіе, и достоинства пастушескаго стихотворенія.

§. 76.

Въ избраніи мѣста стихотворецъ сохраняетъ два главныя правила, то есть, чтобъ оно отвѣтствовало во первыхъ

О избраніи и украшеніи мѣста.

цѣли всякаго вообще пастушескаго, а вовторыхъ цѣли особенно того сочиненія, въ которомъ оное предполагается. Какъ главное намѣреніе всякаго вообще сочиненія сего рода состоитъ въ томъ, чтобы живѣе и вкрадчивѣе представить прелести сельской жизни; то пастушескій стихотворецъ долженъ всегда предполагать, что изображаемое имъ дѣло происходило на мѣстѣ, обыкновенно посѣщаемомъ сельскими жителями; его зрѣлища по словамъ Г. Ломоносова должны быть

. . . . рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны.
Идиллія Полидоръ.

* * *

Вотъ небольшой образецъ изъ Эклоги Г. Сумарокова, Дамонъ.

Я часто прихожу къ рѣкѣ въ шалашъ пустой,
Я часто прихожу въ березникъ сей, густой,
И тамо отъ жаровъ въ полудни отдыхаю;
Подъ сею иногда горой въ бору бываю,
И такъ ищу грибовъ подъ дубомъ на рѣкѣ,
Который тамъ стоитъ отъ паствы въ далекѣ.
Я и вчера была . . . .

Впрочемъ сего мало: должно еще избранному мѣсту дать самый привлекательный видъ; и для того не только не опустить, что оно дѣйствительно имѣетъ плѣни-

тельнаго, но еще дополнить своимъ вообраafженіемъ; когда оно со стороны природы въ чемъ либо недостаточно, должно собравъ дать оному пристойныя обстоятельства и качества, такъ чтобы оно могло служить источникомъ изобрѣтенія для творца даже живописца. На избранномъ такимъ образомъ мѣстѣ всегда царствуетъ весна, всегда воздухъ ароматическій, охлаждаемый пріятнымъ и тихимъ вѣтеркомъ, оглашаемый пѣніемъ птицъ и тому подобное. Вотъ примѣръ:

Гуляли пастухи въ срединѣ красной рощи,
Котору съ трехъ сторонъ лугъ чистый украшалъ,
Съ четвертой хладный токъ ліяся орошалъ.
Пастушки сладкія тутъ пѣсни воспѣвали,
Тутъ Нимфы, кроя ся въ водахъ, ихъ гласъ внимали;
Сатиры изъ лѣсовъ съ верховъ высокихъ горъ,
Прельщаяся на нихъ метали въ рощу взоръ;
Пріятный пѣсенъ гласъ по рощамъ раздавался
И эхомъ разносимъ въ долинахъ повторялся.

Г. Сумароковъ въ Эклогѣ, Филиса.

Другое въ разсужденіи избранія мѣста правило состоитъ въ томъ, чтобъ оно отвѣтствовало содержанію того стихотворенія, въ которомъ приводится, представляя нужные и пріятные предметы, когда матерія сочиненія веселая; напро-

тивъ сего мрачные и томные, какъ то темные лѣса, голыя скалы и проч: въ противномъ случаѣ. Сіе соотвѣтствіе мѣста содержанію стихотворенія придаетъ нѣчто къ тому впечатлѣнію, которое должно быть произведено повѣствованіемъ или дѣйствіемъ; подобно тому, какъ на театрахъ декораціи соотвѣтствуя содержанію представленія, тѣмъ самимъ даютъ оному болѣе правдоподобія. Случается правда, что стихотворцы скучнымъ какимъ нибудь повѣствованіямъ назначаютъ красивыя и пріятныя мѣста; но тогда въ горести дѣйствующихъ, кажется, принимаютъ участіе и самыя мѣста; тогда все, что прежде утѣшало пастуха или пастушку, ему несносно, и его болѣе обременяетъ.

§. 77.

О качествахъ дѣйствующихъ въ пастушескомъ стихотвореніи лицъ.

Качества, свойственныя лицамъ вводимымъ въ пастушеское стихотвореніе, вообще представляютъ ихъ намъ воспитанниками единственно природы, не знающими ничего того, что сообщаетъ намъ воспитаніе и градская жизнь. Ихъ сужденія касаются токмо вещей, ежедневно съ ними встрѣчающихся; они знающи только въ томъ, что касается до ихъ стадъ, до ихъ сельскихъ заботъ, до изобилія и красотъ природы и проч. Ихъ сужденія

о сихъ вещахъ просты, естественны и свободны; ихъ разговоры откровенны: а когда случается имъ говорить о предметахъ, кои для нихъ необыкновенны, то судятъ о нихъ сообразно съ тѣми понятіями, какія имѣютъ о вещахъ имъ извѣстныхъ. *) Что касается до ихъ нравственности, то они, ведя посреди благорастворенна́го воздуха почти беззаботную жизнь, всегда имѣютъ веселый духъ, влекущій ихъ къ гульбѣ и пѣснямъ. Они не знаютъ дѣйствія сильныхъ страстей; имъ неизвѣстно ни честолюбіе, ни корыстолюбіе; вся ихъ роскошь въ удовлетвореніи умѣренныхъ ихъ нуждъ произведеніями ихъ стадъ и трудовъ; однимъ словомъ, во всѣхъ ихъ рѣчахъ и поступкахъ видна невинность, чувствительность и

Ихъ нравы

---

*) Вотъ образецъ сего изъ Виргиліевой Эклоги, Титиръ и Мелибей:

Ахъ, какъ же я былъ простъ! Послушай для забавы:
Я думалъ городъ сей, о коемъ столько славы,
Что Римомъ всѣ зовутъ, похожъ на нашъ родной,
Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной.
Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался;
Такъ малое съ большимъ ровнять я изучался.
Нѣтъ! Римъ среди градовъ, такъ высится главой,
Какъ гордый кипарисъ надъ низкою травой.

Переводъ Г. Мерзлякова.

*

простодушіе. Небольшимъ сего примѣромъ могутъ служить слѣдующіе стихи:

Не буду безъ тебя, Альципъ, ни ѣсть, ни пить,
Не стану и подъ тѣнь деревъ одна ходить;
Не буду рвать цвѣты руками я своими,
Брать стану отъ тебя, и украшаться ими.
Я перваго плода не съѣмъ сама сыскавъ,
И принесу тебѣ, что я сыщу, сорвавъ.
Пѣть стану пѣсни тѣ, которыя ты сложишь,
Тебѣ дамъ пѣть свои, коль ихъ не уничтожишь.

Г. Сумароковъ въ Эклогѣ Филиса.

Ихъ неприятности и несчастія.

Впрочемъ хотя такая блаженная жизнь пастуховъ, существующая токмо въ воображеніи стихотворца и въ повѣствованіяхъ о златомъ вѣкѣ, должна, кажется, протекать въ непрерывныхъ удовольствіяхъ; но съ другой стороны неестественно было бы, естьлибъ они вовсе не знали несчастій, случающихся въ состояніи самыхъ сельскихъ жителей, и не изпытывали никакихъ неприятностей, соединенныхъ съ существомъ человѣка. Имъ извѣстны бывающія въ ихъ состояніи несчастія, бури, болѣзни стадъ, нападенія отъ звѣрей и проч. имъ извѣстны не выводящія, правда, души внѣ себя, но возмущающія ея спокойствіе дѣйствія страстей, особливо любви.

§. 78.

Изъ всего доселѣ сказаннаго открывается, что должно быть содержаніемъ пастушескаго стихотворенія. Оно представляетъ намъ сельскую жизнь, но такъ, что не найдемъ ни въ одномъ изъ сочиненій сего рода полнаго и по правиламъ составленнаго описанія оной. Каждое такое стихотвореніе занимается или какимъ нибудь произшествіемъ, случившимся между пастухами, или предложеніемъ какого либо между ними дѣйствія, или изображеніемъ какой нибудь имъ свойственной страсти. Но повѣствованіе о томъ стихотворца, или разговоры самихъ пастуховъ содержатъ въ себѣ изображенія разныхъ вещей и обстоятельствъ, представляющихъ намъ состояніе пастуховъ, ихъ невинные нравы и красоты природы. Впрочемъ при посредственномъ размышленіи о тихой сельской жизни, каковою представляютъ ее стихотворенія сего рода, удобно усмотрѣть можно, что случающіяся въ ней произшествія, достойныя пера стихотворца, не могутъ быть многочисленны, а еще менѣе разнообразны; даже самыя мѣста, гдѣ онѣ произходятъ, самыя качества дѣйствующихъ въ нихъ лицъ по большей части имѣютъ одно съ другимъ весьма великое сходство. Отъ сего произходитъ, что первоначальные

О содержаніи пастушескаго стихотворенія.

пастушеские стихотворцы имѣютъ весьма великое преимущество предъ ихъ послѣдователями; потому что творенія первыхъ содержали въ себѣ все новое, а послѣднихъ суть не что иное, какъ токмо повторенія.

§. 79.

Новаго рода содержаніе пастушескихъ стихотвореній.

Сіе заставило позднѣйшихъ стихотворцевъ стараться разпространить кругъ содержанія пастушескихъ сочиненій. Саннацартъ шестагонадесять вѣка Римскій стихотворецъ въ подражаніе Ѳеокриту началъ писать Идилліи о дѣлахъ рыболововъ. Но какъ состояніе сихъ промышленниковъ менѣе можетъ занимать вниманіе и чувствительность нашу, поелику жизнь ихъ, будучи гораздо заботливѣе, многотруднѣе и бѣднѣе; нежели пастуховъ, мало представляетъ пріятностей сельской жизни; то Саннацаратъ и не имѣлъ послѣдователей. Но изъ числа новѣйшихъ пастушескихъ стихотворцевъ болѣе всѣхъ обогатилъ сіи сочиненія новыми предметами извѣстный Геснеръ. Онъ въ своихъ Идилліяхъ первый сталъ изображать разные случаи, бывающіе въ домашней жизни поселянъ, большею частію открывающіе душу сихъ простыхъ жителей, и служащіе примѣромъ любви супружней, нѣжно-

сти родительской, взаимной горячности между родственниками и проч.

Приведемъ для примѣра одну изъ такихъ Геснеровыхъ Идиллій, называемую Миртилъ:

„Во время тихой вечерней зари Миртилъ сидѣлъ у пруда, осребряемаго свѣтомъ луны: спокойствіе всей освѣщаемой равнины и пѣсни соловья приводили его въ продолжительное возхищеніе. Наконецъ онъ возвратился въ зеленую виноградную сѣнь предъ его уединенною хижиною, увидѣлъ престарѣлаго отца своего, которой тихо спалъ, подперши рукою сѣдую голову свою; остановился предъ нимъ, сложивъ руки накрестъ. Долго стоялъ онъ, и взоръ его неподвижно устремленъ былъ на старика; иногда только обращался онъ къ небу сквозь блестящія виноградныя вѣтви, и радостныя слезы катились изъ глазъ нѣжнаго сына.

„О ты! (такъ говорилъ онъ потомъ) ты, коего я послѣ боговъ почитаю болѣе всего на свѣтѣ: отецъ мой! какъ пріятно ты покоишься! Сладокъ сонъ праведника! Конечно трепещущія ноги твои вышли изъ хижины, чтобы въ сердечной молитвѣ провести вечеръ, и въ молитвѣ сонъ покрылъ тебя. Ты молился и за меня, отецъ мой! Ахъ, какъ я счастливъ!

Боги услышали твою молитву. Отъ чего же наша хижина стоитъ такъ спокойно, такъ безопасно между вѣтьвями, согбенными отъ плодовъ? Отъ чего благословеніе почіетъ на стадахъ нашихъ и на плодахъ въ полѣ нашемъ? Боги услышали твою молитву. Часто при моемъ попеченіи о спокойствіи дряхлой старости твоей, ты проливаешь радостныя слезы; когда ты упоенный такою радостію, взирая на небо, меня благословляешь: ахъ что я чувствую тогда, родитель мой? Тогда грудь моя вздымается, и слезы градомъ катятся изъ глазъ моихъ. Когда я вывелъ тебя сего дня изъ хижины, чтобъ ты отдохнулъ на солнцѣ, когда ты увидѣлъ вокругъ себя великое стадо, и древа обремененныя плодами, и кругомъ плодоносныя нивы; тогда сказалъ ты: волосы мои посѣдѣли въ радости! благословляю сіи поля! Недолго уже будетъ носиться по нимъ померкающій взоръ мой; скоро я премѣню ихъ на поля блаженныя. — Ахъ родитель мой! лучшій изъ друзей моихъ! скоро мнѣ должно лишиться тебя. Печальная мысль! Ахъ! тогда, тогда я поставлю алтарь подлѣ твоего гроба; и потомъ всякой блаженный день, въ которой могу сдѣлать добро безпомощнымъ, польется молоко, и посыплются цвѣты на гробъ моего родителя.„

„Тутъ онъ умолкъ, смотрѣлъ на своего отца, слеза блестѣла въ глазахъ его. „Какъ приятно покоится онъ! сказалъ нѣжный сынъ сквозь слезы. Добрыя дѣла его представились и во снѣ душѣ его. Какъ луна освѣщаетъ его посѣдѣвшую голову и бѣлую бороду! О, да не повредитъ твоего здоровья прохладный вечерній вѣтеръ и влажная роса!„ Тутъ онъ поцѣловалъ его въ чело, старикъ проснулся, и сынъ отвелъ его въ хижину, чтобъ онъ спокойнѣе отдохнулъ на мягкихъ кожахъ.“

§. 80.

Объ иносказательныхъ пастушескихъ стихотвореніяхъ.

Есть еще примѣры, что стихотворцы, иногда желая изобразить скрытнѣе или приятнѣе какія нибудь происшествія, случившіяся въ гражданскомъ общежитіи, представляютъ ихъ подъ видомъ или подобіемъ пастушескихъ дѣлъ, превращая тѣхъ, кои въ оныхъ участвуютъ, въ пастуховъ, пастушекъ, нимфъ и проч. Примѣромъ сего можетъ быть Идиллія Г. Ломоносова, Полидоръ. Какъ такія, такъ сказать, полупастушескія стихотворенія, должны удовлетворить двоякой цѣли, то есть, изобразить нѣчто изъ сельской жизни, и вмѣстѣ гражданское какое нибудь происшествіе; то по причинѣ того, что въ семъ случаѣ вниманіе и искуство писателя бываетъ развлекаемо двумя сказан-

ными предметами, оныя сочиненія несравненно труднѣе обыкновенныхъ пастушескихъ; а потому, что читатель чувствуетъ нѣкоторое въ нихъ отступленіе отъ обыкновенной цѣли пастушьяго стихотворенія, и находитъ болѣе, нежели сколько требуетъ сіе искуства; онѣ менѣе ему нравятся *).

§. 81.

О дарованіяхъ нужныхъ пастушескому стихотворцу.

Дарованія, какихъ сіе стихотвореніе требуетъ отъ сочинителя, состоятъ не въ высокопорящемъ умѣ или воображеніи, не въ обширныхъ познаніяхъ, не въ возвышенныхъ чувствованіяхъ; но въ непритворномъ послѣдованіи внушеніямъ природы, въ искуствѣ представить себя не знающимъ градскаго общежитія, въ простодушной откровенности, въ чувствительности, въ изображеніи тихихъ ощущеній страстей, и проч. Словомъ, пастушескій стихотворецъ долженъ, такъ сказать, имѣть образъ мыслей и чувствованія того, кого онъ выводитъ на зрѣлище, изъясняяся о томъ такъ, какъ бы сами поселяне стали говорить. Большая наша привычка къ тому, что ежедневно видимъ въ

*) Самый Виргилій отъ сего въ мнѣніи нѣкоторыхъ теряетъ нѣсколько своей цѣны.

общежитіи, дѣлаетъ, что самые превосходные стихотворцы иногда, стараяся превратиться въ пастуховъ, говорятъ о вещахъ хотя приличныхъ сему состоянію, но низкихъ, за что порицаютъ самаго Ѳеркрита; а другіе, что еще чаще бываетъ, изъясняются такъ, что въ семъ видѣнъ бываетъ болѣе образованный горожанинъ, нежели простодушный обитатель селъ. Такъ говоритъ Г. Сумароковъ въ Эклогѣ, Дамонъ.

Дамонъ отвѣтствовалъ на нѣжныя тѣ пѣни,
Передъ любезной ставъ своею на колени,
Цѣлуя руку ей . . . .

§. 82.

Что касается до наружнаго состава пастушескихъ стихотвореній, то онѣ имѣютъ видъ сочиненія иногда Эпическаго, то есть, когда бываютъ не что иное, какъ предлагаемыя стихотворцемъ повѣствованія о какомъ нибудь произшествіи или дѣйствіи пастуховъ; иногда лирическаго, когда какое нибудь чувствованіе, которое составляетъ ихъ содержаніе, бываетъ съ возторгомъ изображаемо стихотворцемъ или самими пастухами; иногда драматическаго, когда въ нихъ пастухи или дѣйствуютъ или разговариваютъ между собою; иногда наконецъ смѣшаннаго изъ сихъ родовъ; ибо случается, что въ эпическомъ

О наружномъ видѣ пастушескихъ стихотвореній.

пастушескомъ стихотвореніи бываетъ нѣчто лирическое, напримѣръ, пѣсни пастуховъ, или нѣчто драматическое, напримѣръ споръ между ими въ искуствѣ пѣснопѣнія. Къ составу сихъ сочиненій принадлежитъ еще и то, что ихъ раздѣляютъ на Эклоги и Идилліи. Различіе между сими двумя родами такъ мало, что древніе стихотворцы совсѣмъ о томъ не упоминаютъ, а новѣйшіе едва его замѣчаютъ. Впрочемъ оно состоитъ въ томъ, что Эклога, хотябъ эпической, хотябъ драматической имѣла видъ, по большой части занимается дѣйствіемъ; напротивъ сего идиллія состоитъ изъ описаній, повѣствованій, изліянія чувствованій, и проч. и всегда имѣетъ эпическій видъ. При семъ нужно еще примѣтить, что какъ Эклога, такъ и Идиллія называются всегда именемъ главнаго въ нихъ упоминаемаго лица.

О различіи между эклогами и идилліями.

Пастушеское стихотвореніе имѣетъ имя.

§. 83.

О слогѣ пастушескихъ стихотвореній.

Судя по содержанію, по качествамъ лицъ и мѣстъ, какія бываютъ въ пастушескихъ стихотвореніяхъ, ясно можно видѣть, какого онѣ требуютъ слога. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ долженъ быть простой, не терпящій ничего высокопарнаго, обдуманнаго, искуственнаго ни въ мысляхъ, ни въ словахъ, но требующій

единственно мыслей и выраженій свойственныхъ умному отъ природы человѣку. Кромѣ сего онъ имѣетъ особенныя нѣкоторыя качества; онъ долженъ, такъ сказать, на каждомъ шагу отзываться состояніемъ сельскаго жителя, долженъ имѣть вездѣ слѣды чувствительности, простодушія и нѣжности. Читая совершенное произведеніе въ семъ родѣ, въ каждомъ описаніи, въ каждомъ сужденіи, въ каждомъ выраженіи, видимъ всегда что нибудь сельское, видимъ поселянина искренне занимающагося дѣлами, или сильно поражаемаго случаями своего состоянія, безъ чего его дѣйствія, его рѣчь будутъ подобны словамъ говорящей статуи. Наконецъ простодушіе и откровенность исключаютъ всякое притворство и скрытность; а нѣжность слога показываетъ, просто сказать, мягкое сердце, и чуждое всякой суровости и жестокости, подобно младенцу утѣшающемуся всемъ пріятнымъ до нѣкотораго изступленія. Вотъ превосходный сего образецъ:

Вдругъ яблоко въ меня кидаетъ Галатея.
Смотрю: шалунья въ лѣсъ, какъ будто бы робѣя,
Бѣжитъ, но хочетъ знать, бѣгу ли я за ней.

Вирг. Экл. III. перев. Г. Мерзлякова.

Вотъ еще другой примѣръ на Французскомъ языкѣ:

Timmarette s'en est allée.
L'ingrate, méprisant mes soupirs et mes pleurs,
L'aisse mon ame desolée
A la merci de mes douleurs.
Je n'espérai jamais qu' un jour alle eût envie
De finir de mes maux le pitoyable cours;
Mais je l'ai mois plus que ma vie,
Et je la voyois tous les jours, segrais.

То есть:

Тимаретта меня покинула! Неблагодарная, презрѣвъ мои вздохи и мои слезы, оставила меня посреди отчаянія на жертву моихъ горестей! Я никогда не воображалъ, чтобъ она вздумала когда нибудь прервать цѣпь моихъ несчастій. Но я любя ее болѣе своей жизни, по крайней мѣрѣ видѣлъ ее всякой день.

§. 84.

Совершенныя пастушескія стихотворенія очень рѣдки.

При окончаніи сего разсужденія о пастушескомъ стихотвореніи нужно замѣтить, что оно, судя по изъясненнымъ доселѣ совершенствамъ его, не такъ легко, какъ съ перваго кажется разу; даже нѣкоторые критики щитаютъ не болѣе десяти, которыя достойны имени пастушескаго стихотворенія, изъ всѣхъ извѣстныхъ произведеній сего рода. Чтобъ имѣть хотя одинъ образецъ таковой экло-

ти, я почелъ за нужное привести здѣсь извѣстную всѣмъ Ѳеокритову эклогу подъ именемъ, Циклопъ. Я возпользуюсь переводомъ Г. Мерзлякова.

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — || ◡ — ◡ ◡ — ◡

Противу терзаній любви, мой другъ, не помогутъ
Ни травы цѣлебны врачей, ни дивныя чары;
Противу терзаній любви защита намъ музы.
Ихъ способы вѣрны для насъ, не строги, не чужды.
Не трудно обрѣсть ихъ дары.—Ты ими владѣешь!
Ты, Ниціасъ, врачъ, и другъ богинь Геликона.
Къ нимъ, къ нимъ притекалъ Полифемъ, Циклопъ стародавный,
Когда онъ любовью сгаралъ къ младой Галатеѣ!
Едва на ланитахъ его брада показалась;
Цвѣтъ юности алой угасъ, и кудри не вьются:
Все скучно, постыло ему. Печальныя овцы
Одни приходили въ загонъ съ луговъ златоцвѣтныхъ;
Несчастный, склонившись на брегъ, оросшій кустами,
Лилъ горкія слезы любви къ своей Галатеѣ!
И мраченъ, и блѣденъ, и сухъ! — Ахъ тяжко въ лѣта младыя
Эротовы стрѣлы носить въ трепещущемъ сердцѣ!
Ахъ тяжко любовь укрывать въ груди воспаленной!
Однако обрѣлъ Полифемъ спасительный способъ.
На мшистомъ утесѣ онъ пѣлъ, взирая на волны:
Ахъ! долголь тебѣ презирать любовь, Галатея!
Взгляни: ты бѣлѣе млека, ты агнцевъ нѣжнѣе;

Рѣзвѣе забавныхъ тельцовъ.....но горше полыня —
Ты всходишь на брегъ, какъ сонъ меня посѣщаетъ:
Уходишь опять, какъ сонъ меня оставляетъ :
Бѣжишь отъ меня, какъ овцы отъ лютаго волка!
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, прекрасная дѣва,
Когда приходила ты къ намъ на злачныя горы —
И мать моя вмѣстѣ съ тобой, сбирать гіацинты..
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, и сердца не стало!
И сонъ мой на вѣкъ убѣжалъ!..тебѣ что за дѣло?...
Тебѣ моя грусть не бѣда, любезная Нимфа.
Я знаю, откуда сіе презрѣнье и робость;
Я знаю, противно смотрѣть на бровь волосисту,
Всклокоченну, черну, кругомъ по лбу разпростерту!...
Подъ нею чуть видѣнъ мой глазъ, единый и впалый;
Широкой и плоской мой носъ виситъ надъ губами. —
Пусть правда .... для милыхъ мой видъ немного ужасенъ! —
Но гдѣжъ, Галатея, стада такія пасутся?
Здѣсь тысяча кравъ! — здѣсь пью млеко животворно!
Я сыромъ богатъ для зимы, для осени, лѣта!
Пещера моя — посмотрѣть — какъ полная чаша.
Никто не сравнится со мной въ игрѣ на сьирѣли!
Тебя, украшеніе горъ, тебя, радость моря,
Тебя возпѣвалъ я одинъ, исполненъ любови!
Тебѣ состеналъ по зарямъ — изсохшее сердце!
И поздная нощь осушить моихъ слезъ не умѣла!
Приди, Галатея, приди: готово, чѣмъ встрѣтить! —
Одиннадцать ланей пасу тебѣ златорогихъ;

Четыре медвѣдя младыхъ зкругъ грота толкутся:
Спѣши, веселися: все есть, во всемъ изобилье!
Пусть дикія волны, дробясь, играютъ съ брегами,
Приятнѣе ночь провести въ пещерѣ со мною!
Въ ней лавры цвѣтутъ по стѣнамъ; предъ ней
кипарисы,
И темнозеленый плющъ и Вакховы лозы,
Нагнувшись надъ нею, покровъ соткали узорной!
Тамъ съ Этны лѣсистой шумятъ къ утоленію
жажды,
Сребристыя воды, утесъ крутой орошая!
Что значитъ предъ жизнью такой и море и бури?
Но естьли кажусь я тебѣ угрюмымъ и мрач-
нымъ?
Что медлить!...рѣшися! вотъ дубъ, еще не по-
гасшій,
И свѣтлой дымяся огонь подъ пепломъ таится:
Скорѣй ..... Галатея, скорѣй!.... ты сердце ужъ
выжгла —
Ахъ выжги и глазъ мой, сей глазъ: мое все бо-
гатство! —
Почто не рожденъ я, увы, чешуйчатой рыбой?
Почто не могу разсѣкать я влажныя вольны?
Не медлябъ съ утеса стремглавъ, и въ слѣдъ
за тобою,
Чтобъ руки твои лобызать, не смѣя другаго!
Лилеи носилъ бы тебѣ и макъ разноцвѣтный.
Но ..... лѣтомъ лилеи растутъ, а маки зимою!
Смотри, какъ свирѣпа любовь разсудка лишаетъ!
Забылъ, что цвѣтовъ сихъ не льзя срывать въ
одно время.
Но быть такъ! узнаемъ, рѣшимся, научим-
ся плавать!
Пусть волны извергнутъ ко мнѣ на брегъ мо-
реходца:

Узнаемъ, что радости жить тебѣ подъ водою?
Но прежде приди, Галатея, сюда! — приди, а пришедши,
Забудь! о забудь свой домъ, какъ я забываю!
Красавица, станемъ пасти, доить мы овечекъ;
Начнемъ очищать свой сыръ отъ вредныя влаги.
Ахъ! какъ непреклонна ко мнѣ грудь матери строгой!
Жестокая хощетъ, чтобъ сынъ терзался и плакалъ;
Хоть разъ бы сказала о мнѣ привѣтливо слово,
А каждой день видитъ, что я блѣднѣю и сохну.
Пришлось и отъ матери.... ахъ! таить свое горе.
„Ты боленъ, мой сынъ!“ — у меня болитъ грудь и руки!
Скрывъ слезы, даю ей отвѣтъ! ..... О естьлибъ узнала
Она, какъ болитъ любви покорное сердце.
Ахъ бѣдной Циклопъ! ахъ? куда дѣвался твой, разумъ?
Когда ты бродилъ по горамъ, сплетая корзинки,
Когда сбиралъ для ягнятъ зеленыя вѣтви;
Въ то время умнѣе ты былъ! — Опомнись несчастной!
Сбери хоть овецъ! .... что любить мечту отдаленну!
Пускай Галатея бѣжитъ: есть лучше другія!
Вокругъ тебя рѣзвятся здѣсь соборы красавицъ!
Готовы съ тобою играть до позднія ночи,
И сладко смѣются, когда ихъ пѣснямъ внимаешь.
Спокойся! есть люди! и насъ еще не забудутъ!
Такъ въ пѣсняхъ Циклопъ услаждалъ мученья любови,
Миръ, пѣсни, свобода — мои: я все презираю!

§. 85.

Остается еще упомянуть о недавно изобрѣтенномъ родѣ пастушескаго стихотворенія, которое имѣя видъ поемы или драмы, такія даетъ качества дѣйствующимъ лицамъ, такія избираетъ мѣста дѣйствій, и проч. коихъ живыя и нѣжныя изображенія суть изображенія простодушія и невинныхъ нравовъ поселянъ и красотъ природы. Сіе изобрѣтеніе сдѣлали Италіянцы, у коихъ есть два превосходныхъ сего рода сочиненій: одно называется Вѣрный Пастухъ (le pastor fide), а другое, Аминта, произведеніе Тасса. Россійская словесность имѣетъ такъ же прекрасный сего примѣръ въ извѣстной всѣмъ поемѣ Г. Богдановича, именуемой *Душенька*.

Новый родъ пастушескаго стихотворенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О

ПОЕМѢ ЭПИЧЕСКОЙ.

§. 86.

О произхожденіи Эпической поемы вообще.

Судя по высокимъ дарованіямъ, по изящному вкусу, по обширному и многообразному искуству, какія находимъ въ лучшихъ эпическихъ поемахъ, не возможно помыслить, чтобы только природный умъ, творческое вообраҗеніе и отличная чувствительность души предуготовили ихъ произхожденіе. Но вообразивъ, что онѣ по всей вѣроятности не иначе, какъ со временемъ достигли сего совершенства, и что къ постепенному изобрѣтенію искуственныхъ средствъ, кои столько ихъ возвысили, служили поводомъ самые недостатки и несовершенства существовавшихъ до того твореній сего рода, должно, кажется, увѣриться въ томъ, что первое къ сему произведенію побужденіе сама природа вложила въ насъ; что встрѣчавшіяся по временамъ съ людьми произшествія, сильно ихъ поражавшія, заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ употребить въ дѣло сіе естественное разположеніе, и что потомъ просвѣщеніе, при

помощи размышленія и вкуса, придумало къ сему еще многое.

§. 87.

О началѣ эпическихъ поемъ у непросвѣщенныхъ народовъ.

Начнемъ съ перваго изъ сихъ замѣчаній. Человѣкъ, одаренный пылкимъ воображеніемъ и чувствительною душею, никогда не можетъ равнодушно ни слышать, ни мыслить о великомъ дѣяніи другаго; и сіе качество духа принадлежитъ членамъ не однихъ просвѣщенныхъ, но и невѣжественныхъ первобытныхъ обществъ. Какія, скажутъ мнѣ, въ семъ состояніи общежитія могутъ быть великія дѣла, и какое воображеніе, которое, естьлибъ оно и было, могло ими быть поражаемо? Когда будемъ судить о дѣлахъ не по тѣмъ, какія мы о томъ имѣемъ, но какія имѣютъ о нихъ современники, понятіямъ; то въ самыхъ первоначальныхъ и неустроенныхъ обществахъ всегда найдемъ людей, приобрѣтшихъ своими подвигами отличное уваженіе и любовь соотечественниковъ; я скажу болѣе, людей, коихъ дѣянія, ни просвѣщенная Греція, ни самолюбивый Римъ, ни величественная нынѣ Европа не усомнилися бы назвать иногда великими. А полагать, что на пылкое воображеніе и великую чувствительность души имѣетъ право человѣкъ, живущій въ просвѣщенномъ токмо состояніи, былобы обидно природѣ

человѣка и вмѣстѣ несправедливо. Краснорѣчивѣйшія и сильныя рѣчи, говоренныя въ разное время дикими Американцами или островитянами въ ихъ собраніяхъ, доказываютъ противное. И такъ согласившися на то и другое, представимъ себѣ теперь съ одной стороны, съ какимъ страстнымъ удовольствіемъ люди, живущіе въ самыхъ невѣжественныхъ обществахъ, любятъ заниматься въ малочисленныхъ своихъ собраніяхъ отличными дѣяніями своихъ соотечественниковъ, чему служатъ доказательствомъ употребляемыя въ ихъ торжественныхъ празднествахъ пѣснопѣнія, а съ другой, съ какимъ рвеніемъ тѣ изъ нихъ, коихъ природа произвела съ особенными дарованіями, будучи подстрѣкаемы сильнѣйшимъ желаніемъ приобрѣсти себѣ отличіе, стараются изобразить, сколько возможно, разительнѣе великія дѣла соотечественниковъ. Разгоряченное ихъ воображеніе уже недовольно бываетъ тѣмъ, что прославляемыя ими дѣла имѣютъ въ себѣ величественнаго: оно ищетъ въ нихъ чего-то еще болѣе: ему кажется, что самыя божества и тѣни знаменитыхъ предковъ имѣли въ нихъ участіе; оно видитъ сокровеннѣйшія чувствованія своего героя, коихъ онъ никому не открывалъ; оно слышитъ его рѣчи, коихъ онъ никогда не произносилъ;

кратко сказать, руководствуемый такимъ воображеніемъ природный словолюбецъ кажется вдохновеннымъ. И дѣйствительно онъ бываетъ тогда уже не простымъ повѣствователемъ, разсказывающимъ произшествія такъ, какъ онѣ случились; но живописцемъ, изображающимъ оныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются находящемуся въ восторгѣ его дарованію; а въ семъ случаѣ его слово соотвѣтствуетъ его чувствованіямъ. (При семъ замѣтимъ мимоходомъ, что поелику такія творенія большею частію были пѣты вмѣстѣ съ музыкою; то онѣ должны были имѣть нѣкоторый родъ измѣренія и стопосложенія.) Таковы произведенія древнихъ Бардовъ, коихъ превосходный образецъ видимъ въ поемахъ Оссіяновыхъ.

§. 88.

О недостаткахъ первоначальныхъ, составленныхъ безъ правилъ поемъ.

Впрочемъ всѣ творенія сего рода безъ сомнѣнія во многомъ были далеки отъ истиннаго изящества: ихъ творцы не могли избирать для своего краснорѣчія дѣлъ, но должны были говорить о такихъ, кои представляли имъ обстоятельства; ихъ воображеніе часто выходило за предѣлы вкуса и вѣроятія; ихъ описанія и изображенія нерѣдко не имѣли надлежащей съ содержаніемъ всего слова связи, и проч. При всемъ томъ, то есть, сколь ни

недостаточны были сіи стихотворенія, однако, естьли судить по их содержанію, составным частям, слогу, а особливо по тому сильному дѣйствію, какое онѣ производили в душах других: то не можно не почесть их первоначальными Эпическими поемами.

§ 89.

Об усовершенствованіи Эпических поем.

Но наблюдающіе умы просвѣщенных вѣков, видя, что сей род стихотворенія в том несовершенном состояніи, в каком он выходил из рук природных стихотворцев, был уже недостаточен для людей, имѣвших болѣе просвѣщенія и вкуса, а притом чувствуя, что он есть весьма сильное орудіе, дѣйствующее над душею другаго, и дабы возпользоваться сим, употребили свои дарованія на то, чтобы сдѣлать сіи важныя творенія совершенными в той степени, до какой онѣ могут быть доведены обдумывающим все искуством. Таким образом на мѣсто, так сказать, тѣни Эпических поэм, явилися такія, каими видим их нынѣ: подобно тому, как зодчество произвело великолѣпныя зданія вмѣсто бѣдных, представляемых природою, убѣжищ от воздушных непогод.

§ 90.

Определение Эпической поемы.

Сообразивъ все, что доселѣ сказано, удобно понять, что эпическая поэма, (разумѣя оную въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ обыкновенно ее принимаютъ), есть о какомъ либо великомъ, героическомъ и возбуждающемъ соучастіе въ цѣломъ какомъ нибудь народѣ, или и во всемъ родѣ человѣческомъ дѣяніи такое вымышленное повѣствованіе, которое будучи обработано со всемъ возможнымъ стихотворческимъ искуствомъ, наполняетъ душу читателя разнообразными, возвышенными и преклоняющими къ добродѣтели чувствованіями, особливо удивленіемъ къ прославляемому дѣянію. Хотя піиты даютъ различныя опредѣленія сему стихотворенію; *) но изъ всѣхъ видно только то, что огромный, какой только творческимъ воображеніемъ можетъ быть произведенъ вымыслъ, и возможное искуство стихотворческаго слова, какое потребно для возбужденія въ душѣ высо-

*) Такъ напримѣръ Баттіо называетъ оное стихотворческимъ повѣствованіемъ чудеснаго дѣйствія; Эшембургъ стихотворческимъ же повѣствованіемъ причинъ, обстоятельствъ и слѣдствій важнаго дѣянія во всемъ его теченіи: а Вольтеръ повѣстію въ стихахъ геройскихъ приключеній.

кихъ ощущеній, составляютъ сущность и отличительное качество сего творенія.

§ 91.

О свойственномъ Эпической поемѣ вымыслѣ вообще.

Эпическая поэма одно токмо основаніе своего содержанія заимствуетъ изъ исторіи; *) все же прочее есть изобрѣтеніе самаго стихотворца. Онъ вымышляетъ всѣ обстоятелства, какими повѣствуемое дѣяніе должно сопровождаться, и соединяетъ ихъ въ одинъ составъ; онъ творитъ дѣйствующія лица, и даетъ каждому изъ нихъ приличныя качества; онъ находитъ предметы, кои будучи введены въ сіе стихотвореніе, способны при помощи искуства сочинителя произвести сильныя потрясенія въ душѣ читателя: однимъ словомъ, сія поэма есть такое огромное зданіе, которому творческое воображеніе стихотворца дало, и въ коемъ одно оно размѣщаетъ и соединяетъ всѣ составляющія оное части.

§ 92.

Объ искуствѣ обработыванія.

Впрочемъ все сіе, коль ни важно, коль ни преимущественно предъ обработаніемъ, составляетъ не болѣе, какъ и обрисовка у живописца, который намѣренъ напи-

---

*) Сего одного уже довольно, кажется, для отличія оной отъ исторіи.

сать превосходную историческую картину. У него за симъ слѣдуетъ отдѣлка: равнымъ образомъ эпическій стихотворецъ все имъ изобрѣтенное, разположенное и связанное долженъ оживить своимъ искуствомъ, и употребить всѣ пособія онаго, дабы достигнуть предположенной цѣли, то есть наполнить душу читателя высокими понятіями и чувствованіями, представляя ей по разнымъ мѣстамъ повѣствованія, которое одно въ состояніи плѣнить ее, то многообразныя и разительныя описанія, то противуположныя и вмѣстѣ необыкновенныя качества дѣйствующихъ лицъ, то превышающія, кажется, человѣческую силу противоборствія препятствіямъ, то чрезмѣрные порывы и борьбу страстей, и при томъ изображая все то громкимъ, величественнымъ и увлекающимъ за собою словомъ.

§ 93.

О правилахъ Эпической поэмы вообще.

Слѣдовательно всѣ, касающіяся сего важнаго стихотворенія правила *), или лучше сказать извлеченныя изъ разсмотра превосходныхъ эпическихъ поэмъ о

*) Блеръ въ 35 урокѣ объ изящныхъ наукахъ и Г. Сульцеръ въ Енциклопедіи подъ сло-

нихъ понятія можно привести въ три главныхъ отдѣленія: однѣ будутъ показывать, что и какъ стихотворецъ изобрѣтаетъ; другія, какъ онъ все изобрѣтенное соединяетъ въ одно цѣлое; третій, какъ все то возвышаетъ посредствомъ своего искусства. Изобрѣтеніе приготовляетъ запасъ, отъ доброты коего зависитъ доброта всего зданія; разположеніе даетъ ему надлежащій и выгодный видъ; а отъ искуства отдѣлки зависитъ все великолѣпіе и весь блескъ обольщающій.

§. 94.

О изобрѣтеніи для Епической поэмы.

Первый предметъ изобрѣтенія Эпическаго стихотворца есть содержаніе по-

---

вомъ Эпопея, жалуются, что въ числѣ правилъ эпической поэмы есть много такихъ, которыя основаны не на общихъ и неизмѣняемыхъ началахъ вкуса, но на соображеніяхъ умовъ, любящихъ школьныя подробности; а Г. Вольтеръ въ своемъ разсужденіи о семъ стихотвореніи, говоритъ, что поелику оно заимствуетъ все единственно отъ творческаго дара стихотворца, то правила послужили бы только къ его стѣсненію, а не къ руководству. Но здѣсь будутъ показаны не наставленія для творческихъ умовъ, но токмо общія понятія о подробностяхъ сего обширнаго стихотворенія тѣмъ, кои ихъ не знаютъ, и при томъ съ замѣчаніемъ, какія изъ оныхъ правилъ не отъ всѣхъ вообще признаются за неизмѣняемыя.

эмы; вторый, относящіяся къ оному подробности; а третій, качества имѣющихъ дѣйствовать въ ней лицъ. Всякому извѣстно, что отъ удачнаго выбора содержанія весьма много зависитъ успѣхъ цѣлаго, особливо толь огромнаго сочиненія. Но піиты въ разсужденіи сего не во всемъ между собою согласны. Общее ихъ мнѣніе то, что содержаніемъ Эпической поемы должно быть дѣйствіе, имѣющее одну цѣль, великое или героическое и возбуждающее въ читателѣ соучастіе. Нѣкоторые же къ сему присовокупляютъ еще, что оно должно быть таково, чтобы могло принадлежать къ нему много разнообразныхъ приключеній и даже сверхъестественныхъ или чудесныхъ, и быть почерпнуто изъ исторіи недавнихъ временъ.

§. 95.

О единствѣ дѣйствія въ Эпической поемѣ.

Показавъ прежде, что у стихотворцевъ называется дѣйствіемъ, я намѣренъ изъяснить только показанныя онаго качества: и вопервыхъ единство дѣйствія, служащаго содержаніемъ эпической поэмы или единство цѣли онаго состоитъ въ безпрестанныхъ усиліяхъ героя поемы достигнуть какого нибудь одного предпріятаго имъ намѣренія. Сколько бы ни развлекали его разнообразныя, встрѣчаю-

щіяся ему обстоятельства; но онъ никогда не забываетъ о своемъ предпріятіи: сколько бы ни останавливали его разныя препятствія; но онъ всегда силится преодолѣть ихъ, дабы дойти до своего конца; однимъ словомъ онъ мыслитъ, начинаетъ, подвизается единственно для достиженія онаго, такъ, что вся эпическая поема есть не что иное, какъ дальній путь, которымъ онъ вмѣстѣ съ читателемъ, приемлющимъ участіе въ его состояніи, идучи то по пріятнымъ, то по труднымъ мѣстоположеніямъ, всегда стремится къ предназначенному мѣсту, и успокоевается совершенно не прежде, пока дойдетъ до онаго.

§. 96.

Эпическое дѣйствіе, кромѣ единства цѣли, не требуетъ ни единства времени ни единства мѣста.

Такое единство дѣйствія эпической поемы, не стѣсняя его ни предѣлами пространства, ни единствомъ времени и мѣста, ни опредѣленнымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, служитъ къ тому, что всѣ относящіяся къ сему дѣйствію приключенія, при всемъ ихъ разнообразіи, дѣлаютъ въ читателѣ глубокое о главной ихъ цѣли впечатлѣніе, а отъ того и сами получаютъ нѣкоторую естественную связь. Къ единству дѣйствія принадлежитъ еще и то, что оно должно быть полно, то

есть по словамъ Аристотеля имѣть начало, средину и конецъ.

§. 97.

Другое качество дѣйствія, или лучше сказать предприятія, бывающаго содержаніемъ эпической поемы, состоитъ въ томъ, чтобъ оно было велико, то есть, таково, чтобы существенными своими свойствами и сопровождающими его обстоятельствами могло наполнить душу читателя необыкновенно высокими понятіями и возвышенными чувствованіями, чтобы побужденіемъ рѣшиться на оное было нѣчто чрезвычайное, чтобы средства, потребныя для исполненія, и усилія для преодолѣнія встрѣчающихся въ немъ препятствій требовали чего-то болѣе, нежели чего можно ожидать отъ обыкновеннаго человѣка; и чтобы наконецъ его совершеніе имѣло весьма важныя и далеко простирающіяся слѣдствія, и было источникомъ и началомъ какихъ либо чрезвычайныхъ произшествій. То свойство сего дѣйствія, которое изображается словомъ героическое, есть тоже, что и означаемое словомъ, великое: только то въ знаменованіи слова, героическое, есть особливое, что въ семъ случаѣ приемлются во вниманіе качества Героя, принявшаго намѣреніе, то есть, что какъ въ

Дѣйствіе Эпической поемы должно быть великое и героическое.

рѣшеніи его на такое предприятіе, такъ и въ усиліяхъ, употребленныхъ имъ для исполненія, видны такія чрезвычайныя его качества и высокія добродѣтели, которыя представляя намъ его почти выше человѣка, возбуждаютъ въ насъ къ нему удивленіе, соединенное съ нѣкоторымъ родомъ благоговѣнія. Въ противномъ случаѣ, когда избранное содержаніемъ поемы дѣйствіе было бы изъ числа обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлъ: то и главная сего сочиненія цѣль нимало не была бы соблюдена, и все изтощенное стихотворцемъ высокой степени искуство было бы холодно, напрасно и даже иногда смѣшно.

§. 98.

Дѣйствіе въ Эпической поемѣ должно возбуждать въ читателѣ соучастіе.

Показанныя свойства дѣйствія будутъ еще сильнѣе, естьли стихотворецъ, какъ бы нарочно, замѣшаетъ въ оное нѣсколько личность читателя, такъ, что прославляемый подвигъ раждаетъ въ немъ такое живое соучастіе, что онъ почитаетъ героя поемы, какъ бы принадлежащимъ еще въ нѣкоторомъ смыслѣ, и находитъ въ своемъ состояніи нѣчто общее съ его состояніемъ, кратко сказать, усматриваетъ въ дѣлахъ героя нѣчто такое, что заставляетъ его (читателя) искренне желать оному успѣха въ предпріятіи; и что

раздражаетъ его при всякомъ открывающемся къ тому препятствіи.

§ 99.

Впрочемъ три обстоятельства раждаютъ въ читателѣ такое соучастіе, то есть, или единство вѣроисповѣданія, когда предприятый героемъ подвигъ клонится къ славѣ вѣры, исповѣдуемой читателемъ, какъ въ поэмѣ, освобожденный Іерусалимъ; или единство произхожденія, когда герой своимъ подвигомъ дѣлаетъ честь, а еще болѣе, когда онъ самъ принадлежишъ къ одному съ читателемъ народу, какъ на примѣръ въ Россіядѣ, (Поэма, Владиміръ имѣетъ оба рода единства); или наконецъ единство общихъ человѣческихъ чувствованій, когда герой подвизается ко благу всего человѣческаго рода; или лучше сказать, когда стихотворецъ изображаетъ нѣчто свойственное каждому народу, каждому вѣку, какъ сдѣлалъ Гомеръ въ своей Иліадѣ. Всякой удобно можетъ представить, что чѣмъ общественнѣе, то есть чѣмъ большаго числа читателей и временъ касается единство, тѣмъ оно сильнѣе быть должно. И потому единство общихъ человѣческихъ чувствованій производитъ соучастіе во всякомъ читателѣ, какой бы вѣры и произхожденія онъ ни былъ. При семъ нужно

Три источника соучастія: единство вѣроисповѣданія.

Единство произхожденія,

Единство общихъ человѣческихъ чувствованій.

Послѣднее сильнѣе первыхъ.

Препятствія способствуютъ такъ же къ возбужденію соучастія.

еще замѣтить, что сверхъ сего искуство стихотворца, съ какимъ онъ противополагаетъ герою, и изображаетъ препятствія къ достиженію предпринятаго намѣренія, такъ же раждаетъ въ читателѣ соучастіе. Но о семъ пространнѣе будетъ предложено, когда будемъ говорить о изобрѣтеніи подробности дѣйствія.

§. 100.

Дѣйствіе эпической поемы должно быть плодовито для изобрѣтенія.

Мармонтель въ Энциклопедіи подъ словомъ Эпопея, говоритъ, что дѣйствіе эпической поемы, будучи обширно, имѣетъ то преимущество, что можетъ быть для изобрѣтенія плодовито; что даетъ возможность стихотворцу, имѣющему умъ и вкусъ, избрать изъ множества принадлежащихъ къ нему обстоятельствъ тѣ, которыя болѣе другихъ могутъ быть обработаны его искуствомъ, и тѣмъ самимъ сильно дѣйствовать надъ читателемъ. Но сіе замѣчаніе мнѣ кажется излишнимъ, когда представимъ себѣ, что изобрѣтеніе всего, что только входитъ въ дѣйствіе поемы, есть произведеніе почти единственно творческаго воображенія стихотворца.

§. 101.

Чудесное должно быть сродно дѣй-

Извѣстный Баттіо утвердительно говоритъ, что дѣйствіе эпической поемы должно быть таково, чтобы можно было

ввести въ оное сверхъестественныя и чудесныя причины, и сдѣлать въ немъ дѣйствующими лицами самыя божества. Онъ полагаетъ причиною сего, что всѣ люди любятъ чудесное и то, что не встрѣчается въ обыкновенной нашей жизни; а Мармонтель въ показанномъ выше мѣстѣ какъ бы прибавляетъ къ тому, что поелику воображенiе не умствуетъ, то чудесное всегда приводитъ его въ восторгъ и всю душу внѣ себя, не давая ей способа разсмотрѣть занимающiя ее мечты, отъ чего бы все ея обольщенiе изчезло. Но когда я буду предлагать о изобрѣтенiи подробностей дѣйствiя, то покажу нѣкоторыхъ превосходныхъ пiитовъ, которые чудесное не почитаютъ существеннымъ качествомъ дѣйствiя эпопеи.

ствiю эпической поемы, по мнѣнiю Баттѣ.

§. 102.

Наконецъ Блеръ, въ 35-мъ урокѣ объ изящныхъ наукахъ, замѣчаетъ, что для дѣйствiя эпической поемы, которой цѣль состоитъ въ возбужденiи въ насъ удивленiя, лучшимъ источникомъ можетъ быть исторiя отдаленныхъ временъ, или такого же рода преданiя. Онъ приводитъ три причины сего: 1) что самая давность уже нѣкоторымъ образомъ возвышаетъ въ насъ понятiе о героѣ и его подвигѣ; 2) что таже самая давность даетъ стихотворцу

Дѣйствiе эпопеи должно быть взято изъ исторiи не новыхъ временъ.

больше возможности украсить таковое дѣйствіе вымыслами, дѣлая ихъ правдоподобнѣе, такъ, что отъ его ума и вкуса единственно зависѣть будетъ дать, какія разсудитъ, качества дѣйствующимъ въ поемѣ лицамъ и видъ всему повѣствованію; 3) что какъ дѣйствіе, взятое изъ исторіи, извѣстной большей части читателей, сдѣлается мало вѣроятнымъ, естьли соединено будетъ съ вымыслами; то украсить и обработать его такъ, какъ должно въ эпической поемѣ, гораздо труднѣе для сочинителя. Блеръ приводитъ въ примѣръ сего Лукана и Вольтера. Но не вступая въ разсмотрѣніе произведеній сихъ великихъ умовъ, за нужное почитаю сказать только то, что замѣчаніе Блера кажется основательно.

§. 103.

О подробностяхъ эпическаго дѣйствія вообще.

По изобрѣтеніи главнаго содержанія поемы, то есть по избраніи предпріятія, исполненіемъ коего будетъ заниматься воспѣваемый въ ней герой, эпическому стихотворцу предлежитъ еще важнѣйшій подвигъ, изобрѣсти относящіяся къ сему дѣйствію подробности. Поелику поема его должна показать намъ всю дѣятельность Героя, съ какою онъ стремился достигнуть предположеннаго имъ конца; то долгъ стихотворца представить намъ все то,

что существенно принадлежитЪ кЪ оной дѣятельности во все продолженіе сего подвига; или лучше сказать, онЪ долженЪ намЪ сказать все теченіе сего дѣла отЪ самаго начала его до конца. Естьли эпическая поема имѣетЪ нѣкоторое сходство сЪ исторіею; то оно единственно состоитЪ вЪ томЪ, что сего рода стихотворецЪ, подобно историку, повѣствуетЪ намЪ подробно обЪ обстоятельствахЪ, способствовавшихЪ исполненію предпріятаго ГероемЪ намѣренія. Но историкЪ всѣ обстоятельства повѣствуемаго дѣянія, или произшествія, какЪ то причины, средства, препятствія и проч. заимствуетЪ изЪ самаго бытія, и представляя ихЪ вЪ томЪ истинномЪ видѣ, какЪ онѣ случились, выводитЪ изЪ нихЪ такія наставленія, которыя родятся изЪ самаго существа оныхЪ. НапротивЪ сего стихотворецЪ, разсказывая такЪ же намЪ о побужденіяхЪ, пособіяхЪ, затрудненіяхЪ и проч, относящихся кЪ повѣствуемому имЪ подвигу, все то созидаетЪ самЪ вЪ своемЪ воображеніи; и вЪ семЪ случаѣ имѣетЪ всю свободу избирать такія обстоятельства, которыя бы могли служить основаніемЪ тѣхЪ высокихЪ внушеній, кои онЪ самЪ предположилЪ произвести вЪ своемЪ читателѣ, такЪ, что эпическая поема, сЪ какой стороны ни станемЪ о ней судить,

есть произведеніе единственно творческаго дара стихотворца.

§. 104.

О узлѣ и развязкѣ въ Эпической поемѣ вообще.

Сверхъ сего онъ въ избраніи обстоятельствъ повѣствуемаго дѣйствія имѣетъ въ виду не только то, чтобы посредствомъ ихъ яснѣе представить оное, но и еще болѣе то, чтобъ онѣ способны были къ произведенію въ насъ нѣкоторой борьбы страстей, то разсуждая, то успокоевая наше душевное участіе въ состояніи Героя поемы. И посему подробности Эпическаго дѣйствія по большой части суть не что иное, какъ съ одной стороны препятствія, противоборствующія Герою въ исполненіи его предприятія, а съ другой его усилія, или другія какія либо причины, кои уничтожаютъ ихъ. Въ причинахъ Эпическаго дѣйствія, говоритъ Жокуръ, въ Энциклопедіи подъ словомъ, Эпическая поема, примѣтны два противоположныхъ вида, первый и главный есть намѣреніе Героя, а другой сила судебъ, противоборствующихъ оному. Съ одной стороны Герой стремится успѣть въ своемъ предприятіи, а съ другой, то есть противной, стремятся возпрепятствовать сему. Сіи воздвигаемыя судьбою, или лучше сказать изобрѣтенныя стихотворцемъ препятствія называются узломъ,

а способы, коими онѣ бываютъ отвращены, развязкою.

§. 105.

Какъ цѣль Эпической поемы есть возбудить разныя высокія понятія и чувствованія, представляя намъ, какъ люди великаго ума, возвышеннаго духа и высокихъ добродѣтелей дѣйствуютъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, какія имѣютъ они въ такомъ случаѣ чувствованія, какія находятъ въ самихъ себѣ средства и проч. Изъ сего видна степень и мѣра силъ великой души, или лучше сказать, внутренность великаго человѣка: то трудно было бы исполнить сіе, естьлибъ узелъ поемы состоялъ изъ одного токмо противящагося Герою препятствія: въ такомъ случаѣ стихотворецъ не имѣлъ бы способа показать его намъ, такъ сказать съ разныхъ сторонъ, то есть показать, разнаго рода рѣдкія достоинства и добродѣтели его. Однако и безнужное умноженіе препятствій въ поемѣ послужитъ только къ затрудненію вниманія читателя. Почему удовлетвореніе цѣли сего стихотворенія опредѣляетъ число препятствій, составляющихъ узелъ. Впрочемъ сколько бы ни было ихъ, лучше когда одно изъ нихъ есть главное, противодѣйствующее Герою во все продолженіе его

Узелъ эпической поемы состоитъ изъ нѣсколькихъ препятствій.

подвига, а всѣ другія зависящія отъ онаго, какъ послѣдствія. *)

§ 106.

Достоинства узла.

Чѣмъ тѣснѣе связь будетъ имѣть сіи препятствія съ главнымъ содержаніемъ поэмы, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ казаться весь подвигъ героя, а чѣмъ онѣ труднѣе, то есть, чѣмъ болѣе потребно будетъ для уничтоженія ихъ усилій; такъ же чѣмъ разнообразнѣе будутъ добродѣтели, которыя нужны для отвращенія оныхъ; тѣмъ болѣе стихотворецъ можетъ удовлетворить и цѣли своего сочиненія, и любопытному воображенію читателя.

§ 107.

О развязкѣ.

Но ежели узелъ раздражаетъ соучастіе, которое мы принимаетъ въ дѣлахъ

*) Такъ у Виргилія Еней старается пріѣхать въ Италію, чтобы въ ней поселиться. Главнымъ ему въ томъ препятствіемъ есть всегдашнее недоброжелательство Юноны къ Троянамъ, а сего послѣдствія, то есть другія зависящія отъ того препятствія, суть вопервыхъ воздвигнутая Еоломъ буря, которая заставила Енея выйти на Африканскіе вмѣсто Италіянскихъ берега; во вторыхъ страстная любовь Дидоны, которая могла удержать его въ Карѳагенѣ; а въ третьихъ сопротивленіе извѣстнаго Турна.

Героя; то развязка, то есть способъ, коимъ отвращены сіи препятствія, должна доставить нашей чувствительности соединенное съ удовольствіемъ успокоеніе, представивъ торжество Героя надъ всѣми, какія онъ имѣлъ въ своемъ подвигѣ, препятствіями. А изъ сего слѣдуетъ, что не только главный, но и вторичные отъ него зависящіе узлы, каждый долженъ имѣть свою собственную развязку. О развякѣ главнаго узла достойно замѣчанія то, что она всегда состоитъ въ достиженіи Героемъ своего предпріятія, въ противномъ случаѣ великія, но неудачныя его добродѣтели возбудили бы въ насъ вмѣсто удивленія сожалѣніе о немъ; и слѣдственно вмѣсто того, чтобы усилить, ослабили бы въ насъ высокія понятія и чувствованія.

§ 108.

Сверхъ сего общее благоразуміе требуетъ, а примѣры великихъ эпическихъ стихотворцевъ подтверждаютъ, что всякая развязка должна имѣть три главныхъ достоинства: вѣроятность, естественность и нечаянность. Вѣроятность, когда судя по обстоятельствамъ приводимымъ въ узлѣ, который ею разрѣшается, и упоминаемымъ въ другихъ мѣстахъ поэмы, убѣждаемся, что такая развязка

Достоинства развязки.

могла случиться, а просто сказать, когда она не противорѣчитъ ничему, что есть въ поэмѣ; естественность, когда теченіе, или лучше сказать расположеніе и связь составляющихъ узелъ подробностей таковы, что слѣдующая за ними развязка кажется необходимымъ ихъ слѣдствіемъ, хотя бы при томъ могла случиться и другаго рода; наконецъ нечаянность, когда при всемъ томъ узелъ такъ искусно будетъ представленъ, что читатель не прежде можетъ увидѣть, чѣмъ оный развяжется, какъ уже при самомъ его концѣ; и сіе для того, что въ противномъ случаѣ прежде времени успокоится раздраженное въ немъ соучастіе, которое онъ принимаетъ въ состояніи Героя, а отъ сего потеряетъ большую часть своего дѣйствія и надъ нашею душею не только развязка, вдругъ успокоевающая нашъ страхъ, но и узелъ, который тѣмъ болѣе раздражаетъ нашу чувствительность страхомъ и неизвѣстностію, чѣмъ менѣе видимъ тѣ способы, кои могутъ его увичтожить: тогда мы уже не будемъ находиться между страхомъ и надеждою, въ чемъ состоитъ все, для чего стихотворцы въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ употребляютъ узелъ и развязку.

§ 109.

Впрочемъ, какъ безпрестанный переходъ то отъ узла къ развязкѣ, то отъ сей къ оному, своимъ единообразіемъ наконецъ могло бы наскучить воображенію читателя и даже утомить творческій даръ стихотворца; то онъ, для избѣжанія сего, помѣщаетъ въ пристойныхъ мѣстахъ поэмы такія описанія, повѣствованія, частныя дѣйствія, и проч. кои прерывая на нѣкоторое время повѣствованіе Эпическаго дѣйствія, тѣмъ самимъ производятъ въ ней разнообразіе, которое служитъ, какъ бы отдохновеніемъ и развлеченіемъ читателя, и вмѣстѣ поддерживаетъ даръ изобрѣтенія сочинителя. Сіи побочныя разпространенія называются отступленіями (épisodes).

О введеніяхъ въ поэмѣ.

§ 110.

Само собою явственно, что хотя онѣ не составляютъ собственно ни узла, ни развязки, и по тому ни самаго Эпическаго дѣйствія; однако всегда имѣютъ къ нему такое отношеніе, что отъ той части повѣствованія, съ которою онѣ бываютъ соединены, воображеніе нечувствительно переходитъ къ тому, что составляетъ содержаніе отступленія; яснѣе сказать, онѣ подобны какому либо любопытному и изящному предмету,

О ихъ связи съ Эпическимъ дѣйствіемъ.

находящемуся близь дороги, по коей путешествующій не можетъ не видѣть его и не заняться имъ нѣсколько времени. Отъ чего происходитъ, что великіе стихотворцы почти непримѣтнымъ образомъ изъ повѣствованія вступаютъ въ отступленіе, а изъ сего переходятъ въ оное.

§ 111.

Достоинства отступленій, или введеній.

Впрочемъ какъ путникъ тѣмъ болѣе, или менѣе занимается окрестнымъ любопытнымъ предметомъ, чѣмъ болѣе или менѣе оный заслуживаетъ его вниманіе вообще и особенно въ отношеніи къ цѣли его путешествія; такъ плодовитость или краткость отступленія зависитъ отъ большей или меньшей его связи съ эпическимъ дѣйствіемъ, и отъ степени того, чѣмъ оный поражаетъ воображеніе читателя. Сверхъ сего какъ занимающіе путника окрестные предметы не столько уже будутъ привлекать къ себѣ его любопытство, когда ихъ много съ нимъ будетъ встрѣчаться, а особливо когда они будутъ сходны или съ тѣми, кои онъ видитъ на самой дорогѣ, или одинъ съ другимъ: подобнымъ образомъ умноженіе отступленій въ эпической поэмѣ вмѣсто удовольствія наводитъ нѣкоторую скуку, а притомъ нимало не удовлетворитъ изъясненному намѣренію, съ какимъ оно

употребляется, когда будетъ одного почти содержанія съ тою частію эпическаго дѣйствія, при коемъ находится, и когда одно на другое своимъ содержаніемъ будетъ походить. Поелику вся приятность, какую сіи отступленія приносятъ читателю, происходитъ отъ того, что въ то время, когда его воображеніе, такъ сказать, все занято будетъ содержаніемъ самаго эпическаго повѣствованія, представляютъ ему совсѣмъ новаго рода предметъ; или когда онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія начатому стихотворцемъ повѣствованію о весьма любопытномъ дѣяніи, обращаютъ совсѣмъ его вниманіе на другое впрочемъ такъ же любопытное, и тѣмъ самымъ раздражаютъ его нетерпѣливость, но такъ что онъ въ семъ самомъ раздраженіи находитъ нѣкоторое услажденіе. Для сего-то у великихъ эпическихъ писателей съ повѣствованіемъ о кровопролитной битвѣ бываетъ соединено изображеніе какого либо любовнаго, по крайней мѣрѣ нѣжнаго приключенія; труднѣйшій и важнѣйшій подвигъ героя прерывается какимъ либо частнымъ дѣяніемъ, отвлекающимъ насъ отъ удивленія къ сожалѣнію, негодованію и проч. и тому подобное.

§. 112.

Мнѣнія нѣкоторыхъ о необходимости чудеснаго въ Эпической поэмѣ.

Я уже сказалъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ Французскихъ стихотворцевъ эпическая поэма не можетъ быть безъ чудеснаго (merveilleux), такъ что, какъ они говорятъ, оно составляетъ самый источникъ, изъ коего стихотворецъ почерпаетъ способы къ составленію узла, развязки, и даже иногда прекрасныхъ отступленій. Основаніемъ сего ихъ мнѣнія есть то, что истинное стихотворство, какъ уже сказано, дѣйствуетъ надъ разумомъ не иначе, какъ стараяся прежде, такъ сказать, овладѣть нашимъ воображеніемъ; и что сіе обыкновенное орудіе стихотворцевъ болѣе всѣхъ нужно эпическому; потому что онъ имѣя цѣлію впечатлѣть въ нашемъ умѣ высокія истинны, а въ сердцѣ такія же чувствованія, тѣмъ удобнѣе достигаетъ сего, когда представляетъ нашему воображенію такія произшествія, такую цѣль ихъ, такія свойства необыкновенныхъ людей, кои удивляя приводятъ его внѣ себя *). Сіе о-

---

*) Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ странамъ;
Но все преодолѣть оставь ты бодрость намъ!

Россіяд. Пѣснь. 7.

снованіе весьма справедливо. Но изъ него они выводятъ другое, уже подлежащее нѣкоторому изключенію, то есть, что чѣмъ необыкновеннѣе будутъ представлены воображенію вещи, тѣмъ болѣе онѣ могутъ обольстить его. Но что, говорятъ они, можетъ болѣе поразить воображеніе, какъ не то, когда ему представляютъ причины сверхъестественныя, которыя имѣютъ участіе въ дѣлахъ и жребіи великаго человѣка; когда оно видитъ боговъ, имѣющихъ содѣйствіе съ людьми, и когда притомъ въ правдоподобіи сего убѣждается тѣмъ всеобщимъ предувѣреніемъ, что боги суть верховные и вмѣстѣ всемогущіе властители надъ человѣческими дѣлами? Не доказывается ли сіе, продолжаютъ они, примѣрами превосходныхъ древнихъ и новыхъ эпическихъ поемъ? Однако, чтобы смягчить сію признаваемую ими необходимость чудеснаго, говорятъ, что боги у эпическихъ стихотворцевъ должны дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда человѣческая сила недостаточна, при томъ дѣйствовать такъ, чтобы, такъ сказать, заведши машину, ея ходъ предоставляли попеченію самихъ людей, не вмѣшиваяся въ подробности, какъ дѣлалъ иногда Гомеръ; а чтобы чудесное сего рода еще болѣе поражало, то

Ихъ же мнѣніе о употребленіи чудеснаго.

надобно изображать оное исполненнымъ возторга краснорѣчіемъ.

§. 113.

Мнѣніе о необходимости участія боговъ въ эпической поемѣ неосновательно.

Но при всѣхъ сихъ предосторожностяхъ участіе Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ боговъ въ дѣлахъ нынѣшнихъ героевъ несравненно слабѣе, нежели въ ихъ времена, произведетъ дѣйствіе надъ воображеніемъ, вопервыхъ по тому, что въ наши времена въ дѣла воображенія болѣе входитъ разумъ, такъ, что почти единственно тѣмъ обольщается первое, что нѣкоторымъ образомъ подтверждается и одобряется другимъ. Во вторыхъ, что языческое баснословіе, которымъ исполнены всѣ стихотворенія, сдѣлалось отъ того толь обыкновеннымъ, что потеряло въ обольщеніи большую часть силы, какую оно прежде имѣло.

§. 114.

О чудесномъ позволенномъ христіанскому писателю эпическому.

По сей причинѣ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ піитовъ говорятъ, что эпическій христіанскій стихотворецъ можетъ вмѣсто языческихъ баснословій употреблять чудодѣйствія, имѣющія основаніе на ученіи вѣроисповѣданія, и языческихъ боговъ замѣнять находящимися въ жизни, или прославленными по смерти Богоугодниками. Мы даже имѣемъ сего образецъ въ

Россіадѣ и Владимирѣ. Но оставимъ рѣшить сіе разборчивости самихъ эпическихъ писателей и вкусу просвѣщенныхъ любителей стихотворства.

§. 115.

Есть еще два рода чудеснаго, которымъ нѣкоторые стихотворцы новыхъ временъ старалися замѣнить чудесное древнихъ, то есть сила сверхъестественная и чудесное иносказанія. Примѣры перваго въ великомъ множествѣ находятся въ поемѣ Освобожденный Іерусалимъ, и даже нѣкоторые въ Россіадѣ. Но о чудесномъ сего рода почти такъ же можно судить, какъ о языческомъ баснословіи въ Христіанской поемѣ. Оно есть весьма изобильный источникъ вымысловъ: я скажу болѣе, вымыслы на немъ основанные весьма сильно поражаютъ воображеніе; но сіе бываетъ только тогда, когда мы сколько нибудь увѣрены о возможности сего: и потому оно было болѣе дѣйствительнымъ въ тѣ времена и у тѣхъ народовъ, когда и гдѣ на каждомъ, такъ сказать, шагу видѣли нѣчто сверхъестественное.

О чудесномъ сверхъестественномъ.

§ 116.

Подъ иносказаніемъ въ семъ случаѣ разумѣется олицетвореніе добродѣтелей,

О чудесномъ иносказанія.

пороковъ, страстей, словомъ сказать всего, что имѣетъ свое существованіе токмо въ нашемъ понятіи. Превосходныя Эпическія творенія древнихъ и новыхъ стихотворцевъ изобилуютъ такими иносказаніями; и надобно признаться, что тѣ изъ нихъ, кои отдѣланы съ отличительнымъ стихотворческимъ искуствомъ, весьма сильное производятъ надъ воображеніемъ дѣйствіе. Но сіе искуство не такъ легко, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Какъ цѣль сихъ иносказаній состоитъ въ превращеніи отвлеченнаго существа въ вещественное, отъ чего въ нихъ, такъ сказать, краски представляютъ нѣчто чувственное, а обрисовка нѣчто умственное: то главное ихъ достоинство заключается въ томъ, чтобы въ нихъ поражало насъ болѣе первое, нежели другое, и чтобы сіе послѣднее казалося намъ какъ бы вдали. Истинну сего подтвердитъ намъ всякой читатель, который весьма недоволенъ бываетъ, когда въ сихъ стихотворческихъ превращеніяхъ онъ видитъ гораздо яснѣе умственный, нежели чувственный предметъ. Отъ сего происходитъ, что у самыхъ великихъ эпическихъ писателей немного находимъ такихъ иносказаній, кои всѣми вообще одобряются. Такъ изображаетъ Херасковъ въ 7-й пѣсни

Россіяды сонмища пороковъ, стекшихся къ безбожію. Вотъ его слова:

Изъ тьмы къ нему его клевреты прибѣгаютъ;
Огнями дышуща предстала черна месть;
Имѣя видъ зміи, ползетъ презрѣнна лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
Лукавство яростный потупя въ землю видъ,
Передъ безбожіемъ задумавшись стоитъ;
Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ,
Изъ глазъ отчаянья слезъ токи полились;
Злодѣйства многія къ безбожію сошлись.
Тогда оно главу потупленну имѣя,
Но горести своей вины сказать не смѣя,
О чада! воздохнувъ, о други! говоритъ:
Или изъ васъ никто погибели не зритъ?

Превосходнѣйшіе сихъ иносказаній примѣры можно еще видѣть у Гомера, въ 9-й пѣсни, моленій, и у Комоенса, въ 5-й пѣсни, внутренняго безпокойства мореходцевъ, изображеннаго въ видѣ показавшагося изъ Океана чудовища.

§. 117.

И такъ по вышесказанной причинѣ основательно замѣчаютъ нѣкоторые пііИносказанія, не могутъ со-

*

ставлять узла въ эпической поемѣ.

ты, что сего рода иносказанія не могутъ составлять узла поемы, а только могутъ быть употребляемы въ ней въ пристойныхъ мѣстахъ, особливо въ отступленіяхъ, когда нужно бываетъ что нибудь отвлеченное или нравственное представить такъ, чтобъ оно занимало болѣе вображеніе, нежели умъ. Блеръ въ 35 урокѣ объ изящныхъ наукахъ приводитъ весьма основательную на сіе причину. Сіи вымыслы, говоритъ онъ, суть однѣ токмо наименованія общихъ понятій; и когда они, будучи олицетвор ны, представляются дѣйствующими вмѣстѣ съ людьми: то, поелику вообраҗеніе никакъ не можетъ принудить себя вѣрить, что онѣ имѣютъ дѣйствительное бытіе, отъ сего необходимо происходитъ смѣшеніе призраковъ съ истинными существами и несносное замѣшательство во всемъ дѣйствіи поемы.

§. 118.

О чудесномъ, состоящемъ въ возможности.

Остается еще сказать нѣчто о томъ родѣ чудеснаго, которое Мармонтель (въ Енциклопедіи подъ словомъ, чудесное merveilleux), называетъ естественнымъ, говоря, что оно берется, такъ сказать, на самыхъ предѣлахъ возможнаго, такъ, что и справедливость можетъ быть ему свой-

ственна, и разумъ можетъ тому повѣрить. Таковы, какъ онъ говоритъ, суть крайности во всякой вещи: таковы произшествія неимѣющія примѣровъ; таковы душевныя качества, добродѣтели, пороки неслыханные; таковы дѣянія необыкновенныхъ умовъ; таковы вообще всѣ тѣ явленія, въ произведеніи коихъ дѣйствовала кажется нѣкоторая болѣе, нежели человѣческая сила. Фарсальская битва, о достоинствахъ коей критики по сіе время еще несогласны, имѣетъ много образцевъ сего рода чудеснаго.

§. 119.

Предоставляя великимъ творцамъ эпопеи рѣшить, нужно ли, и естьли нужно, то какого болѣе рода чудесное прилично сему стихотворенію, я заключу мое разсужденіе о семъ предметѣ мнѣніями о томъ Мармонтеля, Сульцера и Блера. Первый въ Энциклопедіи подъ словомъ, эпопея, такъ говоритъ: нѣтъ ничего по моему мнѣнію безполезнѣе, какъ то чудесное, въ коемъ сверхъестественныя существа смѣшиваются съ людьми. Все, чѣмъ стихотворецъ въ семъ случаѣ можетъ ласкаться, состоитъ въ томъ, что онъ изъ своихъ боговъ сдѣлаетъ великихъ людей. Не лучше ли употребить

Мнѣнія о употребленіи въ эпической поэмѣ чудеснаго вообще.

Мармонтеля,

всѣ усилія стихотворческаго искуства, что бы людей приближить къ богамъ, нежели
Сульцера, боговъ къ людямъ. А Сульцеръ тамъ же говоритъ слѣдующее: не будемъ требовать отъ стихотворца ничего, кромѣ того, что существенно принадлежитъ къ эпопеи, оставимъ все прочее творческому его дару и выбору; оставимъ на его волю вводить или нѣтъ въ поему вышшія существа; дабы чрезъ то произвести въ ней чудесное и сверхъестественное. То, что мы называемъ величественнымъ, весьма удобно можетъ находиться въ человѣческихъ дѣяніяхъ, и возбудить въ насъ удивленіе, только бы творческій даръ стихотворца былъ дѣйствительно великъ. Но боги въ Иліадѣ составляютъ чудесное: отнимемъ у ней все сіе, не взирая на то, поема останется величественною. Напротивъ сего пусть средственный умъ, стараяся всѣми силами произвести въ своемъ стихотвореніи чудесное, употребитъ къ сему сверхъестественныя или иносказательныя существа; онъ не токмо не родитъ чрезъ то ничего величественнаго, но еще сдѣлаетъ свое твореніе такъ сказать хладнымъ. Итакъ оставимъ всѣ въ разсужденіи сего правила, основанныя единственно на произволѣ.
Блера. Наконецъ мнѣніе Блера въ 35 урокѣ объ изящныхъ наукахъ есть слѣдующее;

хотя я, говоритъ онъ, не соглашаюся на то, что употребленіе чудеснаго есть нѣчто необходимое и существенное въ эпической поемѣ; однако я не одного мнѣнія и съ тѣми славными нынѣшними критиками, которые хотятъ совершенно изгнать оное, какъ несовмѣстное съ вѣроятностію и правдоподобіемъ, чего требуетъ сіе сочиненіе. Люди вообще не весьма строгимъ философскимъ окомъ взираютъ на произведенія стихотворства: они ищутъ въ нихъ болѣе пріятнаго; а чудесное можетъ нравиться большему числу читателей, или лучше сказать всякому человѣку. Оно поражаетъ и обольщаетъ воображеніе, и часто даетъ случай къ величественнымъ описаніямъ. По сему чудесное и сверхъестественное весьма, и особенно сродно эпической поемѣ, въ коей по мнѣнію всѣхъ должны владычествовать удивленіе и возвышенныя понятія. Оно даетъ стихотворцу способъ болѣе украсить и возвысить свой предметъ посредствомъ преданій сего рода, сообщаемыхъ вѣроисповѣданіемъ, и показать въ своемъ сочиненіи болѣе плодовитости ума и разнообразія, вмѣшивая въ свои вымыслы небо, землю, адъ, людей, невидимыя существа, словомъ всю вселенную.

§. 120.

Эпическій писатель самъ созидаетъ дѣйствующія въ эпопеи лица.

Повѣствуемое дѣйствіе гораздо живѣе поражаетъ насъ, когда при томъ показываетъ намъ и самыхъ дѣйствователей. Симъ руководствуется и эпическій стихотворецъ. Онъ разсказывая читателю о героическомъ дѣяніи, представляетъ ему и дѣйствующія въономъ лица, но представляетъ подобно историку, показывая не однѣ токмо ихъ имена, не одно ихъ внѣшнее состояніе, но, и еще болѣе, ихъ умъ и сердце. Впрочемъ историкъ нужныя о семъ свѣденія почерпаетъ изъ преданій; и не долженъ ни болѣе, ни менѣе говорить о томъ, какй соразмѣрно своимъ источникамъ, предполагая, что они справедливы. Но наблюдая достовѣрность преданій и строгость истинны, не можно найти въ нравственномъ мірѣ ничего совершеннаго къ возбужденію предполагаемыхъ эпическимъ стихотворцемъ чувствованій. Для сего онъ, оставляя другимъ быть точными съ писателями всего дѣйствительнаго (reel), самъ не ограничиваяся ничѣмъ, кромѣ одной вѣроятности (liber spiritus), созидаетъ мечтательныя, но въ своемъ родѣ совершеннѣйшія и съ его намѣреніемъ сообразнѣйшія нравственныя существа.

§. 121.

Обширный родъ, подъ коимъ содержатся безчисленныя оттѣни одного какого либо душевнаго качества, доставляетъ ему матеріалы, изъ коихъ онъ творитъ свои умонераздѣльныя (individua), то есть дѣйствующія лица въ его поемѣ, такъ, что у него ихъ имена и внѣшнее состояніе есть одна обольщающая воображеніе маска, а скрывающіеся подъ нею истинные предметы суть разные виды душевныхъ нашихъ качествъ, показывающіе намъ наше сердце съ той стороны, съ которой оно болѣе всего можетъ поразить, изумить и возпламенить. И по сему счастливое избраніе душевныхъ качествъ, кои стихотворецъ въ дѣйствующихъ лицахъ намѣренъ изобразить, а еще болѣе удачное оныхъ выраженіе, составляютъ самое первое дѣло эпическаго творца; и служатъ нитію, за которою онъ послѣдуетъ въ изобрѣтеніи и обработаніи подробностей эпическаго дѣйствія. Слѣдовательно коль подробно и коль вѣрно долженъ онъ знать наше сердце; какая потребна ему чувствительность души, чтобы при видѣ чего нибудь чрезвычайнаго въ нравственномъ мірѣ тотчасъ получить впечатлѣніе онаго; какой вѣрный вкусъ, чтобы возпламеняться въ надлежащей степени; а еще болѣе какое великое искуство,

Дѣйствующія лица суть не что иное, какъ качества нашей души.

Какое главное въ семъ случаѣ искуство эпическаго творца?

Что онъ долженъ знать и имѣть?

шочно и сильно выражать различныя оттѣни чувствованій всякаго рода!

§. 122.

Частныя правила о дѣйствующихъ лицахъ.

Сіи общія о дѣйствующихъ въ эпической поемѣ лицахъ понятія служатъ основаніемъ почти всѣхъ другихъ о семъ замѣчаній, даже и въ разсужденіи сверхъестественныхъ существъ, когда онѣ представляются дѣйствующими въ поемѣ: ибо при всемъ болѣе, нежели человѣческомъ, приписуемомъ имъ могуществѣ онѣ бываютъ въ семъ случаѣ изображеніемъ (symbolum) качествъ нашей души. Между тѣмъ однако, чтобъ эпическое дѣйствіе имѣло возможную вѣроятность, стихотворецъ старается о томъ, дабы дѣйствующія въономъ лица при всей ихъ мечтательности представлялися дѣйствительными существами; и во первыхъ поелику въ исполненіи толь многотруднаго и продолжительнаго подвига, каковъ бываетъ въ эпопеіи, должны участвовать многіе умы съ разными способностями, съ разными нравственными качествами, и проч: то онъ вводитъ въ свое сочиненіе столько дѣйствующихъ лицъ, сколько разнородныя части дѣйствія будутъ предполагать разныхъ какъ бы роль, изъ коихъ каждая требуетъ особливаго дѣйствователя. Но изъ нихъ всегда одно бы-

Но изъ

ваетъ главное, представляющее Героя поемы, привлекающаго во все продолженіе дѣйствія вниманіе наше болѣе, нежели всѣ другія лица; потому что онъ бываетъ виновникомъ и главнымъ движителемъ онаго, а потому и болѣе всѣхъ другихъ озабоченъ его успѣхомъ. Другія же, будучи какъ бы второстатейныя подъ его управленіемъ, каждое своимъ образомъ, ему способствуютъ, иныя ему противоборствуютъ, а иныя наконецъ, являясь на зрѣлищѣ по какому нибудь случаю, занимаютъ собою нѣсколько времени какъ его, такъ и содѣйствующія съ нимъ лица.

нихъ одно бываетъ главное,

а другія какъ бы второстатейныя.

§. 123.

Единство главнаго дѣйствующаго лица даетъ поемѣ сверхъ вѣроятности то еще важное преимущество, что ея Герой будучи главнымъ предметомъ, къ которому всѣ частныя дѣйствія другихъ лицъ относятся, чрезъ то всѣ оныя соединяетъ въ одно цѣлое, ибо содержитъ въ себѣ единственную всего того причину, а безъ сего всѣ части поемы были бы не что иное, какъ стеченіе случайныхъ происшествій. Сверхъ сего единство Героя производитъ въ читателѣ, не смотря на разнообразныя впечатлѣваемыя въ немъ поемою чувствованія, одно и слѣдственно тѣмъ сильнѣйшее соучастіе (interet).

Единство главнаго дѣйствующаго лица служитъ къ лучшей связи частей поемы,

и къ соблюденію единства соучастія.

§. 124.

О качествахъ и нравахъ лицъ въ поемѣ.

Вотъ что піиты замѣчаютъ о числѣ и взаимномъ отношеніи дѣйствующихъ въ эпической поемѣ лицъ. Но стихотворецъ долженъ еще дать каждому изъ нихъ приличныя качества (caractères) и нравы *). Первое въ семъ случаѣ есть правило благоразумія, чтобы каждое дѣйствующее лице не только имѣло свой опредѣленный нравъ, то есть ему одному свойственную склонность или страсть, которая будучи главною пружиною всѣхъ его дѣяній, видна была бы во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ онаго, но еще чтобы сохранило сію склонность во все продолженіе дѣйствія, и при всѣхъ измѣненіяхъ обстоятельствъ имѣло въ виду всегда одно что нибудь, одушевлялось всегда однимъ побужденіемъ, и руководствовалось всегда одними началами. Иначе ни разсудокъ, ни чувствительность читателя не найдутъ въ дѣйствующемъ лицѣ ничего, на чемъ бы онѣ могли, такъ сказать, остановиться.

---

*) Нѣкоторые полагаютъ слѣдующее различіе между качествомъ и нравомъ. Первое по ихъ мнѣнію есть природное разположеніе, побуждающее дѣйствовать болѣе такимъ, нежели другимъ образомъ; а нравъ есть разположеніе пріобрѣтенное повтореніемъ дѣяній, къ коимъ побудили насъ природа, воспитаніе или разсудокъ. — Смотри основанія словесн. Баттіо, томъ II.

§. 125.

Другое въ разсужденіи сего предмета замѣчаніе, что эпическій творецъ не довольствуется дать дѣйствующему лицу какую нибудь общую, то есть многимъ людямъ свойственную склонность безъ всякаго ограниченія (un caractère général), но старается, чтобъ она имѣла что нибудь какъ бы лично и токмо ему принадлежащее въ образѣ мыслей и чувствованій (un caractère particulier): поелику по самой природѣ господствующая во многихъ склонность въ каждомъ изъ нихъ имѣетъ всегда что нибудь особливое и отличительное. Сіе сходство, которое нравы эпическихъ лицъ имѣютъ со нравами дѣйствительныхъ существъ, нѣкоторымъ образомъ удостовѣряетъ насъ въ ихъ существованіи, представляя намъ ихъ, какъ бы умонераздѣльными (individua), и въ то же время выводитъ предъ нами на зрѣлище разнообразныя склонности, раздражая всегда любопытство читателя новостію и различіемъ оныхъ.

Нравы каждаго дѣйствующаго лица должны казаться принадлежащими умонераздѣльному.

§. 126.

Впрочемъ сіе разнообразіе нравовъ состоитъ или въ томъ, что одно господствующее качество предполагается въ разныхъ дѣйствующихъ лицахъ въ разной степени, или въ томъ, что къ оному въ

О разнообразіи нравовъ дѣйствующихъ въ эпопеи лицъ.

каждомъ изъ нихъ примѣшивается нѣчто особливое, отъ чего оно измѣняется въ другой видъ; напримѣръ въ Пріамѣ и Несторѣ у Гомера свойственное имъ благоразуміе различается тѣмъ, что первый робокъ, а другой отваженъ; третьяго рода разнообразіе нравовъ эпическихъ лицъ состоитъ въ совершенной ихъ противоположности. Оно будучи весьма явственно, весьма сильно поражаетъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ Баттіо, (и что свойственно всѣмъ вообще противоположеніямъ), поражаетъ недолго: ибо умъ увидѣвъ два, много три раза сличаемыя между собою противныя вещи удобно по свойствамъ одной изъ нихъ предусматриваетъ оныя и въ другой, а отъ того лишается удовольствія ожидать чего либо новаго и неизвѣстнаго.)

§ 127.

Нравы дѣйствующихъ лицъ должны быть сообразны со всѣми прочими обстоятельствами оныхъ.

Излишне говорить о томъ, что стихотворецъ сдѣлалъ бы весьма грубую ошибку, естьли бы приписуемыя отъ него дѣйствующему лицу нравы не сообразилъ со всѣми онаго обстоятельствами, такъ, что естьлибъ они, напримѣръ, противорѣчили или образу правленія, или обычаямъ и мнѣніямъ того народа и вѣка, къ коимъ принадлежитъ дѣйствующее лице, а еще болѣе, ежели бы въ его

нравѢ было что нибудь несовмѢстное съ его врожденными склонностями, съ его воспитаніемъ, знаніемъ, возрастомъ, поломъ, или вообще съ здравымъ смысломъ, съ историческими или баснословными преданіями, или съ общею молвою.

§. 128.

Изъ предыдущихъ изъясненій такъ же явствуетъ, что нравы каждаго эпическаго, особливо главнаго лица должны быть таковы, чтобы тотъ, въ комъ онѢ предполагаются, казался принадлежащимъ не къ числу обыкновенныхъ людей, но рѢдкихъ, по крайней мѢрѢ достойныхъ замѢчанія въ нравственномъ мірѢ явленій. Однако какъ ничего отличнаго не заключающіе въ себѢ нравы недостойны эпической поемы, такъ равно не должны быть въ ней и такіе, кои представляютъ нѢчто исполинское, или даже до невѢроятности совершенное По сей причинѢ у самыхъ лучшихъ эпическихъ творцевъ герой поемы при великихъ своихъ добродѢтеляхъ имѢетъ нѢкоторыя душевныя слабости, однако всегда такія, кои произходятъ отъ заблужденія, или чрезмѢрной страсти или отъ излишней доброты души и слѢдственно хотя нѢсколько затмѢваютъ его достоинства только на время; поелику онъ всегда на-

Дѣйствующія въ эпопеѣ лица должны быть одарены качествами, вышшими обыкновенныхъ.

Однако подвержены нѣкоторымъ слабостямъ.

конецъ торжествуетъ надъ ними. Что приписываютъ такія слабости герою, причиною сего то, что человѣкъ неподверженный никакому недостатку и несовершенству, хотя производитъ въ насъ удивленіе, но хладнокровное и равнодушное: поелику онъ кажется намъ какъ бы не одной съ нами природы, и мы не надѣяся быть такими же взираемъ на него какъ на вещь рѣдкую, но намъ непринадлежащую. Напротивъ сего въ человѣкѣ великомъ, но обладаемомъ иногда слабостями, мы видимъ существо намъ подобное, которое слѣдовательно возбуждаетъ въ насъ искреннее о своемъ положеніи сожалѣніе; потому что мы видимъ въ немъ нѣкоторымъ образомъ самихъ себя, находя въ его чувствіяхъ, поступкахъ и словахъ нѣчто общее намъ съ нимъ.

§. 129.

Качества и нравы изображаемыя въ Епопеи по средствомъ дѣяній лицъ, а не посредствомъ описаній.

Теперь остается о качествахъ и нравахъ эпическихъ лицъ сказать только одно, *) что, какъ говоритъ Баттіо, ничто не покажетъ столько скудоумія сти-

---

*) Нѣкоторые Піиты, слѣдуя Аристотелю, говорятъ еще о дѣйствующихъ въ эпопеи лицахъ, что онѣ должны быть добронравны: но довольно упомянуть объ одной поэмѣ Потерянный Рай Мильтона, чтобъ имѣть причину сомнѣваться о семъ.

хотворца, какъ прибѣгать къ витійственнымъ ихъ описаніямъ. Эпопея научаетъ насъ примѣрами, а не умозрѣніями. Мы, такъ сказать, читаемъ свойства и нравы каждаго эпическаго лица въ его духѣ, предприятіяхъ, поступкахъ, какія оно оказываетъ, въ рѣчахъ, какія оно произноситъ въ разныхъ, часто весьма трудныхъ и необыкновенныхъ, обстоятельствахъ. Почему нравы, какъ я уже выше сказалъ, служатъ эпическому писателю нѣкоторымъ основаніемъ въ изобрѣтеніи частныхъ дѣяній, коими дѣйствующія лица должны будутъ заниматься, и тѣхъ приключеній, кои должны будутъ съ ними случиться.

Я приведу нѣсколько изъ Россіяды примѣровъ эпическаго искуства изображать показаннымъ образомъ качества и нравы дѣйствующихъ лицъ.

Такъ въ слѣдующихъ стихахъ (пѣснь десятая) изображается сердоболіе царя Іоанна Васильевича:

Но кровію своей и потомъ омовенъ,
Князь Троекуровъ былъ се въ царскій станъ внесенъ.
Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
Который приклонилъ листы на стебель лѣтомъ;
На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.
Воззрѣвши на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.
Рыдая Іоаннъ, бездушнаго объемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ.

Герой сей живъ! ... онъ живъ ..... въ восторгѣ вопіетъ.
Самъ стелетъ одръ ему, и воду подаетъ.

Въ слѣдующихъ стихахъ (пѣснь девятая) стихотворецъ изображаетъ любовь вельможи Адашева и Россійскаго войска къ своему царю, безъизвѣстно куда отлучившемуся отъ нихъ.

Но въ станѣ между тѣмъ, когда Монархъ сокрылся,
Неизрѣченный страхъ и ужасъ воцарился.
Адашевъ по шатрамъ ходилъ, какъ внѣ ума.
Ему казалася мрачнѣе нощи тьма
Колеблемой земля, по коей онъ ступаетъ;
Молчитъ, языкъ его къ гортани прилипаетъ;
Трепещетъ какъ тростникъ, во всѣ страны смотря,
Не смѣетъ вымолвить, что нѣтъ нигдѣ Царя.
Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ,
Услышать ходъ Царевъ къ землѣ онъ прилегаетъ;
Не внемлетъ и не зритъ! ... Толико грозный рокъ
Надолго скрытымъ быть отъ воинства не могъ:
Царево тайное отсутствіе познали;
Винить лишеньемъ симъ другъ друга начинали.
Претерпѣвающи злосчастье многи дни,
Въ сей часъ несчастными почли себя они.
Печали, гладъ, тоска, гоненья, скорби люты
Явились страшны имъ лишь только съ сей минуты.
Гдѣ Царь нашъ? Гдѣ нашъ другъ? повсюду вопіютъ;
Умолкнутъ вдругъ они, и токи слезъ ліютъ.

Еще явственнѣе сіе искуство въ слѣдующихъ рѣчахъ, приписуемыхъ отъ стихотворца во второй пѣсни нѣкоторымъ изъ вельможъ, собранныхъ царемъ для совѣщанія о войнѣ противу Казанцевъ. Когда князь Кубенскій, отличившійся въ теченіе столѣтней своей жизни многими заслугами, свое мнѣніе, чтобы Царь отложилъ на время начинать сію войну, окончилъ слѣдующимъ стихомъ:

Готовъ ко бранямъ будь, но алчнымъ не являйся,

то князь Глинскій началъ такимъ образомъ:

То слово съ жадностью князь Глинскій подхватилъ,
И взоры на себя всей думы обратилъ.
Сей князь, коварный князь, вельможамъ былъ ужасенъ;
Злокозненъ во враждѣ и въ дружествѣ опасенъ.
. . . .
Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной ночи;
Возведши впалыя на Іоанна очи,
Онъ тако рекъ, возставъ: блюди твой царскій санъ,
Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ!
Тебѣ ли сѣтовать, тебѣ ли Царь крушиться,
И сладкой тишины для подданныхъ лишиться?
Ты богъ нашъ! Естьлибъ мы могли и нищи стать,
То намъ ли на тебя отважиться роптать?

Притомъ на что Казань? на что война и грады?
Блаженство во твоемъ владѣніи цвѣтетъ.
Любителямъ войны и цѣлый тѣсенъ свѣтъ!
Къ тому достойныли любви народы оны,
Которы бунтовать дерзнутъ противъ короны?
Свидѣтелемъ тому бунтующій сей градъ:
Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой братъ!
Умолкъ: и сладостью придворной обольщенны,
Развратные сыны казались возхищенны.
Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣтъ;
Ни чей не страшенъ сталъ ласкателямъ отвѣтъ;
На собственну корысть въ умѣ они взираютъ,
Но пользу общую ногами попираютъ.

Разсмотримъ теперь превосходнѣйшее изображеніе противоположнаго сему качества въ рѣчи князя Курскаго, произнесенной тотчасъ послѣ рѣчи Глинскаго.

Вдругъ будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Князь Курскій съ мѣста всталъ, какъ нѣкій ярый левъ;
Власы вздымалися, глаза его блистали;
Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ читали.
На Глинскаго онъ взоръ строптивый обративъ,
Вѣщалъ: ты знатенъ, князь, но ты несправедливъ.
Цвѣты, которые разсыпаны тобою,
Ужасную змію скрываютъ подъ собою;
Ты мнѣніемъ однимъ за сродника горя,
Отца у подданныхъ отъемлешь, ихъ Царя.
Что Глинскій плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ
Россію счастіе не сохранитъ такое.

О царь мой! властенъ ты мою изчерпать кровь,
Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
Позволь мнѣ говорить; оставь богатству нѣги;
Вели ты намъ пройти пески, и зной, и снѣги;
Мы ради съ цѣлою вселенной воевать,
Имѣніе и женъ готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
Не робкими намъ быть, но храбрыми полезно.
Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
Ужасны, ежели мы лѣность побѣдимъ.
Отмстимъ за прадѣдовъ, за сродниковъ несчастныхъ,
За насъ самихъ отмстимъ ордамъ доднесь подвластныхъ.
Лишь только повели, за Днѣпръ и за Казань
Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань!
Но естьли праздностью себя мы обезславимъ;
И нашихъ силъ противъ Ордынскихъ не поставимъ,
Пойду отсель на край вселенной обитать,
Любви къ отечеству мнѣ нечѣмъ здѣсь питать!
Подавлена она и сокрушенна лестью:
Чины приобрѣтать единой должно честью,
Служить отечеству трудами и мечемъ;
О чести я пекусь, а больше ни о чемъ....
Какъ море бурями отвсюду возмущенно
Не вдругъ при тишинѣ бываетъ укрощенно:
Таковъ и Курскій былъ: бесѣдовать престалъ
Но стонъ произносилъ, и весь онъ трепеталъ.
Въ то время Іоаннъ умильными очами
Далъ знакъ, что Курскаго доволенъ былъ рѣчами.
Пріятный царскій взоръ щитая за отвѣтъ,
Придворные и сей одобрили совѣтъ.

§. 130.

О разположеніи эпической поемы вообще.

Разположить и совершить все, изъ чего должна составиться эпическая поема, есть дѣло единственно стихотворца: однако почти достовѣрно, что самые высокіе умы въ первыхъ о семъ соображеніяхъ руководствовалися нѣкоторыми началами, составленными посредствомъ размышленія о существѣ самыхъ вещей, о коихъ должно было повѣствовать, и о стихотворческомъ искуствѣ; а слѣдовавшіе за ниим; піиты и критики открыли потомъ сіи начала обратнымъ путемъ, то есть посредствомъ разбора отличныхъ твореній сего рода. Впрочемъ всѣ сіи начала заключаются, по моему мнѣнію, въ томъ, что превосходные эпическіе писатели, судя по одному разположенію ихъ поемъ, кажутся намъ съ одной стороны зрѣло обмысливщими, а съ другой искуснѣйшими стихотворцами - Историками по тому, что вся ихъ поема, по одной наружности судя, представляется намъ такимъ пространнымъ о какомъ либо дѣяніи повѣствованіемъ, каково бываетъ обыкновенное историческое, а отличается отъ сего токмо тѣмъ, что кажется произведеніемъ самаго плодовитаго воображенія, которое, не опустило ничего не только того, что непосредственно принадлежитъ къ повѣствуемому дѣянію, но да-

Въ разположеніи поемы видно нѣчто историческое и нѣчто стихотворческое.

же и того, что мало имѣя къ нему отношенія, впрочемъ сильно поражаетъ воображеніе или чувствительность.

§. 131.

О тѣсной связи обстоятельствъ составляющихъ повѣсть.

Однако при всей плодовитости и разнообразіи обстоятельствъ, составляющихъ такое повѣствованіе, онѣ такъ въ немъ бываютъ размѣщены и соединены, что каждое въ особенности представляетъ толь существенную онаго часть, что безъ ней оно было бы, кажется, неполно, по крайней мѣрѣ не столь разительно, а всѣ вообще дѣлаютъ такое многосложное и связно составленное цѣлое, что любопытство читателя не прежде удовлетворяется совершенно, какъ уже по обозрѣніи его всего. Сія историческая вѣроятность свойственная превосходнымъ эпическимъ повѣствованіямъ, произходитъ во первыхъ отъ того, что каждая онаго часть такъ принадлежитъ цѣлому, что воображеніе, занимающееся содержаніемъ сего послѣдняго, весьма естественно могло представить себѣ каждую изъ оныхъ, отъ чего и переходъ стихотворца отъ одной изъ нихъ къ другой бываетъ простъ и непринужденъ. Во вторыхъ эпическій стихотворецъ размѣщаетъ части своего повѣствованія такъ, что каждая изъ нихъ зависитъ

отъ предшествовавшей, хотя не всегда какъ произведеніе отъ своей причины, но всегда какъ послѣдующее отъ предыдущаго, отъ чего все повѣствованіе кажется близкимъ къ исторической истиннѣ.

§. 132.

Объ отступленіяхъ отъ истиннаго лѣтосчисленія.

Не должно однако думать, что для соблюденія сего стихотворецъ въ размѣщеніи частей повѣствованія всегда точно слѣдуетъ порядку времени, напротивъ сего онъ иногда вмѣщаетъ въ одномъ продолженіи времени то, что на самомъ дѣлѣ раздѣлено цѣлыми вѣками, только бы сіе не противорѣчило съ какой нибудь стороны правдоподобію. Однако такое отступленіе отъ истиннаго лѣтосчисленія дѣлаетъ онъ токмо тогда, когда тѣмъ можетъ быть сильно поражено воображеніе читателя: иначе оно будетъ показывать только его или неразсудительность, или не заслуживающее никакого извиненія самонравіе. Вотъ, чемъ разположеніе эпическаго повѣствованія даетъ ему нѣкоторымъ образомъ историческую вѣроятность.

§. 133.

Стихотворческое искусство въ

Но, какъ я уже сказалъ, сего мало: стихотворецъ и въ семъ случаѣ не оставляетъ безъ дѣйствія своего искуства.

Онъ такъ разполагаетъ части своего повѣствованія, чтобы самое ихъ размѣщеніе, сколько возможно, способствовало къ сильнѣйшему пораженію воображенія или чувствительности. На сей конецъ слѣдующія одно за другимъ обстоятельства эпическаго дѣйствія составляютъ у него такое смѣшеніе повѣствованій и дѣйствій, описаній и чувствованій огорчительныхъ и радостныхъ, страшныхъ и жалкихъ позорищъ, что воображеніе безпрестанно переходитъ отъ одного восторга къ другому, не бывая никакъ въ равнодушномъ состояніи. Но еще болѣе поема произведетъ надъ нами такое дѣйствіе, когда судя по ея разположенію, можно будетъ съ Аристотелемъ назвать ее трагедіею въ видѣ повѣствованія, а простѣе сказать, когда составляющее оную повѣствованіе будетъ разположено точно такъ же, какъ повѣсть служащая содержаніемъ трагедіи.

Разположеніи поемы состоитъ въ слѣдующемъ: Чтобъ она могла внушать разнообразныя впечатлѣнія,

и чтобъ разположеніемъ походила на трагедію.

§. 134.

Прежде, нежели приступлю къ изъясненію сего Аристотелева замѣчанія, нужнымъ почитаю сказать, что почти всѣ полагаютъ въ эпической поемѣ три части: предложеніе, призываніе и повѣствованіе. Первое содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Мармонтель, нѣсколько разумноженное имя поемы. Въ самомъ дѣлѣ стихотво-

Поема имѣетъ три части:

Предложеніе,

рецъ въ немъ показываетъ предпріятіе, коимъ Герой будетъ озабоченъ, присовокупляя къ сему одни, какъ бы слѣды узловъ и развязокъ, изъ коихъ будетъ состоять дѣйствіе, и при томъ все сіе

Призываніе, предлагаетъ кратко и просто. Призываніе есть обращеніе стихотворца къ какому либо божеству, или олицетворенному качеству человѣческому, дабы изпросить отъ онаго откровенія таинствъ, входящихъ въ эпическое дѣйствіе, неизвѣстныхъ смертнымъ и помощи для успѣшнѣйшаго совершенія толь важнаго труда.

Изложеніе. Наконецъ повѣствованіе есть изложеніе во всемъ пространствѣ эпическаго дѣйствія.

§ 135.

Призываніе не есть необходимая часть поемы.

Но кромѣ того, что двѣ первыя части по чрезмѣрной ихъ краткости въ сравненіи съ третіею едва ли могутъ быть названы частями поемы, еще слѣдуетъ замѣтить, что призываніе тогда токмо кажется необходимымъ, когда эпическое дѣйствіе будетъ содержать въ себѣ много чудеснаго и сверхъестественнаго. Что въ противномъ случаѣ оно весьма произвольно, сіе доказываетъ Фарсальская битва, коей творецъ вмѣсто призыванія съ изступленіемъ изображаетъ душевное чувствіе, внушенное ему предложеннымъ со-

держанiемъ поемы; и сiе изліяніе восторга гораздо разительнѣе у него въ семъ мѣстѣ всякаго призыванія.

§. 136.

Что касается до предложенія, оно необходимо нужно, дабы читатель прежде всего узнавъ главный предметъ и нѣкоторую весьма слабую какъ бы обрисовку поемы, былъ чрезъ то въ состояніи связывать съ онымъ въ своихъ мысляхъ всѣ, какія будутъ представлены ему въ продолженіе поемы, подробности. Но еще много есть такого, въ чѣмъ такъ же предварительно долженъ быть наставленъ читатель, и что бываетъ помѣщено не въ предложеніи, а въ началѣ самаго уже повѣствованія, то есть онъ не прежде, какъ уже тамъ узнаетъ главныя дѣйствующія лица, получаетъ понятіе о качествахъ и нравахъ каждаго изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ уже почувствуетъ тѣ впечатлѣнія, какія каждое изъ нихъ (дѣйствующихъ лицъ) должно будетъ произвести въ немъ, однимъ словомъ, предложеніе поемы откроетъ читателю содержаніе оной, а начало повѣствованія покажетъ, кто и какъ въ ней будетъ дѣйствовать такъ, что оно съ сей стороны совершенно подобно первому дѣйствію трагедіи.

Напротивъ сего предложеніе есть необходимая часть.

Начало изложенія служитъ такъ же къ приготовленію читателя.

§. 137.

Какъ начинается Эпическое повѣствованіе.

Впрочемъ стихотворецъ иногда съ самаго начала и до конца повѣствованія предлагаетъ обстоятельства эпическаго дѣйствія одно за другимъ, какъ онѣ относительно ко времени должны были слѣдовать; иногда же начинаетъ повѣствованіе такимъ изъ нихъ, которое, судя по теченію дѣйствія, случилося уже послѣ многихъ другихъ, о коихъ онъ послѣ въ пристойномъ мѣстѣ заставляетъ разсказывать кого либо изъ первыхъ дѣйствующихъ лицъ. Сіе, какъ замѣчаетъ Мармонтель, производитъ въ читателѣ болѣе соучастія, нежели повѣствованіе о томъ же самаго стихотворца. Сверхъ сего когда поема начинается чемъ нибудь такимъ, что есть уже послѣдствіемъ нѣкоторыхъ предшествовавшихъ произшествій, кои нужны для объясненія повѣствуемаго; то сіе самое возбуждаетъ и питаетъ въ читателѣ нетерпѣливое любопытство узнать скорѣе оныя.

§ 138.

О раздѣленіи эпическаго повѣствованія на нѣсколько какъ бы дѣйствій.

Но какъ бы ни была начата поема, слѣдующее далѣе продолженіе оной до самаго конца въ разсужденіи расположенія опять имѣетъ сходство съ трагедіею, а именно 1) что повѣствуемое въ ней дѣйствіе, состоя изъ разныхъ обстоятельствъ

и произшествій, подобно трагедіи раздѣляется на нѣсколько какъ бы дѣйствій (actes); 2) что внушаемое эпическимъ повѣствованіемъ соучастіе такъ же, какъ въ трагедіи, постепенно возрастаетъ и дѣлается живѣе. Впрочемъ сіи замѣчанія, выводимыя изъ показаннаго выше Аристотелева мнѣнія, суть не что иное, какъ одно умозрѣніе, о коемъ, удобоисполнительно ли оно, остается судить, какъ говоритъ Г. Мармонтель, одному творческому уму. Сверхъ сего относительно разположенія эпической поемы можно замѣтить, что употребляемыя въ ней отступленія (épisodes) гораздо приличнѣе бываютъ помѣщены тамъ, гдѣ судя по существу повѣствуемаго дѣйствія нѣсколько времени должно пройти въ молчаніи или бездѣйствіи по причинѣ ожиданія чего нибудь.

§. 139.

О слогѣ эпической поемы.

Подъ именемъ слога, свойственнаго эпической поемѣ, заключается та часть стихотворческаго искуства, которая подобна тому, что въ живописи называется отдѣлкою. Правда, что сія отдѣлка у живописца болѣе всего состоитъ въ томъ смѣшеніи красокъ (coloris), которое дѣлаетъ изображаемую вещь весьма похожею на истинную; однако сей искуственный

подборъ цвѣтовъ несравненно болѣе произведетъ надъ ними дѣйствія, естьли художникъ прежде еще со вкусомъ не только изберетъ для своей исторической картины предметы, но и предназначитъ положенія, въ какомъ каждый изъ нихъ долженъ быть представленъ. Подобнымъ образомъ должно судить о слогѣ эпической поемы. Сильное или слабое надъ читателемъ ея дѣйствіе, что безъ сомнѣнія бываетъ слѣдствіемъ ея слога, зависитъ не столько отъ употребляемаго въ ней рода рѣчи, сколько отъ изображаемыхъ въ ней мыслей, а не мало такъ же и отъ особеннаго способа ихъ предполагать. По сему въ понятіи слога, о коемъ идетъ рѣчь, заключается трояка го рода искуства: 1) избирать достойныя мысли и чувствованія; 2) приличнымъ образомъ ихъ предлагать, и 3) особливымъ родомъ слова, то есть рѣченій, выраженій и словосочиненій, ихъ изображать.

§. 140.

Въ поемѣ должно дѣйствовать къ главной ея цѣли.

Отличный даръ и превосходный вкусъ стихотворца, отъ котораго единственно зависитъ изобрѣтеніе не токмо подробностей, изъ коихъ онъ составляетъ главное эпическое дѣйствіе, но всего, чемъ каждая онаго часть должна быть размножена, украшена, оживотворена, пока-

жутъ ему всегда, что имѣетъ въ себѣ достойное поемы каждый предметъ, входящій въ ея составъ: но сей даръ и сей вкусъ руководствуются сами нѣкоторыми общими и достовѣрными началами. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы все, составляющее поему, отвѣтствовало главной ея цѣли, то есть способствовало къ возбужденію предполагаемыхъ оною разнаго рода впечатлѣній; чтобы главное эпическое дѣйствіе занимало, такъ сказать, всю душу читателя, а въ частныхъ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ явственно видны были мысли и чувствованія, то есть внутренность великой души; чтобы необыкновенныя обстоятельства, въ какихъ у стихотворца является она, служили къ показанію силы страстей, особливо ихъ противоборствія; чтобъ узлы возбуждали въ читателѣ искреннее всегда безпокойство, а развязки такое же удовольствіе на щетъ эпическаго Героя; чтобъ описанія мѣстъ и вещей поражали своею живостію воображеніе, кратко сказать, чтобы все показывало стихотворца съ одной стороны весьма хорошо знающимъ силы и слабости человѣческой души, изящества и несовершенство (относительно къ художествамъ) вещественной природы, а съ другой умѣющимъ

представить все то съ искуствомъ, свойственннымъ великому художнику. Вотъ, что обращаетъ историческое, иногда маловажное преданіе въ превосходнѣйшую поему, и въ тоже время служитъ доказательствомъ отличныхъ, или обыкновенныхъ дарованій ея творца, и источникомъ или высокаго о самомъ твореніи понятія, или предопредѣленія его на всегдашнее забвеніе.

§. 141.

Епическій творецъ долженъ быть искусенъ во всѣхъ родахъ стихотвореній.

Впрочемъ говоря о дарованіяхъ эпическаго стихотворца и о достоинствахъ сей поемы, за долгъ почитаю замѣтить, что первый, долженъ имѣть превосходное искуство, потребное для каждаго въ особенности рода стихотворенія: ибо поема, которая ихъ всѣхъ произвела, ихъ всѣхъ въ себѣ соединяетъ. Она иногда подобно трагедіи поражаетъ насъ ужасными произшествіями, угнѣтающими невинность, или бывающими несоразмѣрнымъ послѣдствіемъ человѣческихъ слабостей, или неосторожности; иногда превращается подобно лирическому стихотворству единственно въ изліяніе чувствованій; иногда то перемѣняется изъ пылкаго, одушевленнаго повѣствованія въ живописныя изображенія изящныхъ мѣстъ и сельскихъ удовольствій; то воздыхаетъ

со своимъ Героемъ подобно Элогіи; то язвитъ какъ Сатира, пороки, и проч.

§. 142.

Мысли и чувствованія въ эпической поемѣ имѣютъ особенное нѣкоторое возвышеніе.

Но коль ни разнообразно должно быть по видимому искуство стихотворца, котораго требуетъ отъ него каждый въ особенности родъ стихотворенія, входящаго въ поему; однако во сѣхъ сказанныхъ случаяхъ эпическій слогъ сохраняетъ всегда одно изъ необходимыхъ своихъ качествъ, то есть какое-то во всемъ величіе; въ мысляхъ, — занятіе ума всегда не токмо важными, но необыкновенными вещами, и такими же ихъ свойствами; въ чувствованіяхъ, — устремленіе души къ благороднѣйшимъ удовольствіямъ; однимъ словомъ, такое возвышеніе духа, которое заставляетъ Героя поемы и другія дѣйствующія въ ней лица почитать ниже себя все то, что занимаетъ обыкновеннаго человѣка. Сіе высокое въ мысляхъ и чувствованіяхъ весьма скоро бы наскучило (ибо сдѣлало бы слогъ поемы единообразнымъ), естьлибъ оно, такъ сказать, не перераждалося въ разные виды высокаго, свойственнаго разнымъ видамъ стихотворенія: что пространно изъясняетъ Мармонтель въ Энциклопедіи, и о чемъ нѣсколько уже говорено выше въ §. 11.

§. 143.

Эпической поемѣ свойственна еще особливая нѣкоторая живость въ мысляхъ и чувствованіяхъ.

Другое такъ же во всѣхъ случаяхъ сродное эпическому слогу качество есть какое-то душевное участіе самого стихотворца во всемъ, о чемъ онъ предлагаетъ, и отъ того произходящая особенная нѣкоторая живость, свойственная человѣку, находящемуся въ страсти. Повѣствуетъ ли онъ о чемъ, кажется, какъ будто онъ самъ былъ не токмо зрителемъ, но и производителемъ того: такъ подробно и съ такимъ чувствомъ онъ разсказываетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ! Описываетъ ли что; — описываемые предметы кажутся глубоко впечатлѣвшимися въ его воображеніи или сердцѣ: такое рѣзкое даетъ онъ читателю понятіе обо всемъ вообще предметѣ, и такъ живо изображаетъ каждую онаго часть, что описаніе его кажется, изображаетъ не столько изяществъ описуемаго предмета, сколько чувствованій, произведенныхъ оными въ душѣ стихотворца! *) Заставляетъ ли дѣйствовать другихъ, кажется, что онъ выводитъ ихъ предъ нами на зрѣлище, дабы всѣ ихъ движенія совершалися, такъ сказать, предъ нашими очами; что мы въ самой вещи видимъ, какъ они дѣйст-

*) Смотри въ 1-й части Собесѣдника любителей Росс. слова описаніе подъ названіемъ, Утро.

вуютъ; что мы въ самой вещи слышимъ, какъ они говорятъ, каждый свойственнымъ ему родомъ слога. По сей-то причинѣ Мармонтель говоритъ, что эпическая поема есть нѣчто среднее между историческимъ повѣствованіемъ и драматическимъ представленіемъ. Онъ объясняетъ сïе мнѣнiе въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: ежели большая часть поемъ, говоритъ онъ, не производитъ своего дѣйствія; то сіе отъ того, что въ нихъ чрезъ мѣру много бываетъ повѣствованій, и чрезъ мѣру мало зрѣлищъ, то есть дѣйствій. Естьли нуженъ сего примѣръ, то вспомнимъ, что Гомерова Иліада есть нечто иное, какъ цѣпь дѣйствій и рѣчей Героевъ, воспѣваемыхъ въ ней. И такъ вотъ тотъ особливый способъ предлагать свои мысли, который сроденъ эпопеи; то есть что въ ней читатель долженъ быть болѣе зрителемъ, нежели читателемъ; что стихотворецъ является на зрѣлищѣ самъ только между дѣйствіями, дабы связать ихъ своимъ повѣствованіемъ; что когда онъ занимается описаніями мѣстъ, то единственно почти для того, чтобы приготовить зрѣлище, на коемъ имѣетъ произходить предлежащее повѣствованію его дѣйствіе, дабы читатель могъ обратить все свое вниманіе на сіе послѣднее.

Отъ сей живости поема кажется нѣчто среднее между повѣствованіемъ и драмою.

*

§. 144.

Эпопея требуетъ самаго избраннаго рода слога.

Наконецъ о родѣ слова, приличнаго эпической поемѣ, весьма основательно и вмѣстѣ сильно замѣчаетъ Г. Сульцеръ въ Енциклопедіи подъ словомъ эпопея, что самая величественная проза недостаточна для сей поемы: толь отличенъ долженъ быть ея языкъ! Въ самомъ дѣлѣ когда мысли стихотворца суть произведеніе находящагося въ восторгѣ воображенія; когда его чувствованія носятъ на себѣ печать страсти: то самое его слово не должно ли напитаться сею силою, сею живостію души? Впрочемъ сіи восторги и страсти, по причинѣ различныхъ предметовъ ихъ, бываетъ разныхъ родовъ; но каждый родъ всегда самой высокой степени: ибо ежели вообще стихотворство, то кольми паче эпическая поема, не можетъ терпѣть ничего посредственнаго. А потому все, что языкъ, употребляемый эпическимъ творцомъ, имѣетъ или можетъ имѣть превосходнаго и плѣнительнаго для каждаго рода восторга, для каждаго рода страсти, или лучше сказать для каждаго рода стихотворенія особенно, все то составляетъ рѣчь, свойственную эпопеѣ.

§. 145.

О приличныхъ Эпопеи рече-

Самое счастливое избраніе реченій и выраженій, соотвѣтствующихъ достоин-

ству и изяществу изображаемыхъ вещей, самое отважное и при томъ удачное иногда составленіе на сей конецъ новыхъ выраженій; встрѣчающіяся по мѣстамъ словосочиненія и соединенія цѣлыхъ мыслей такія, которыя нѣсколько отходятъ отъ обыкновенныхъ на сіи случаи правилъ, и кои, такъ сказать, вырываются только во время возторга или страсти, и потому самому бываютъ разительнѣе; непрерывное вниманіе не опуститъ ничего, что можетъ дать рѣчи силу очарованія посредствомъ нѣкотораго мусикійскаго согласованія звуковъ, или иногда посредствомъ звукоподражанія; новыя и только живыя иносказанія (тропы), что одно токмо необыкновенно быстрое вообраˇженіе въ состояніи произвести ихъ, и что они во всякомъ другомъ случаѣ названы были надутымъ слогомъ; наконецъ воодушевленіе, и олицетвореніе всего въ вещественномъ и нравственномъ мірѣ; однимъ словомъ, самое внимательное и тонкимъ вкусомъ управляемое употребленіе всего, что языкъ Эпическаго писателя имѣетъ въ себѣ поразительнаго или для слуха, или для воображенія нашего: вотъ въ чемъ заключается качество эпическаго слога, относящееся единственно до выраженій и украшеній ему свойственныхъ.

ніяхъ и выраженіяхъ;

о составленіи новыхъ,

о свойственныхъ ей сочиненіяхъ,

О сладкозвучіи и украшеніяхъ.

§. 146.

Къ эпической поемѣ относится.

При окончаніи всего, что доселѣ говорено объ эпической поемѣ, нужно еще замѣтить два рода стихотвореній, имѣющихъ нѣкоторое къ ней отношеніе, то есть такъ называемую комическую поему и пародію. Первая дѣйствительно слѣдуетъ основаніямъ показанныхъ правилъ епопеи; она наблюдаетъ единство дѣйствія, качества узловъ, развязокъ, дѣйствующихъ лицъ, отступленій и проч. Но имѣя содержаніемъ какое либо свойственное людямъ низкаго, покрайней мѣрѣ средственнаго состоянія, при всемъ томъ и въ ихъ кругу необыкновенное, а для благовоспитаннаго человѣка забавное дѣяніе, во всемъ сообразается съ состояніемъ своихъ Героевъ, ихъ мыслями и чувствованіями, и даже иногда съ ихъ словомъ. У Французовъ г. Боало поема, Налой, у Агличанъ г. Попе поема, похищенный Локонъ, а у насъ г. Майкова поема, Елисей или раздраженный Вакхъ, могутъ служить образцами.

Комическая поема.

§. 147.

О пародіи вообще.

Чтобы понять пародію, относящуюся къ эпопеѣ, нужно имѣть напередъ понятіе вообще о семъ родѣ стихотворенія. И такъ пародія (простая народная пѣснь, получившая свое начало у Грековъ), вообще есть превращеніе какого либо важнаго

стихотворческаго произведенія въ забавное и смѣшное. Остроумно усмотрѣнное, и весьма легко и естественно изображенное сходство между важными и смѣшными мыслями, чувствованіями, дѣйствіями и проч. какъ вещь новая, составляютъ главное достоинство всякой пародіи. Впрочемъ она бываетъ двухъ родовъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ примѣненіи одного или нѣсколькихъ стиховъ, сказанныхъ о чемъ нибудь важномъ къ вещи низкой и забавной съ весьма малою перемѣною, или и безъ всякой перемѣны оныхъ стиховъ; другой же родъ пародіи состоитъ въ томъ, когда стихотворецъ цѣлое и притомъ весьма извѣстное стихотвореніе важнаго содержанія, или по крайней мѣрѣ значущую онаго часть, съ нѣкоторыми измѣненіями примѣняетъ къ другому забавному и низкому предмету. Къ сему роду относятся передѣлываемыя такимъ образомъ иногда цѣлыя трагедіи, или комедіи. Къ семуже принадлежитъ и эпическая пародія, которая слѣдовательно есть преложеніе или цѣлой епической поемы, или нѣкоторой ея части въ шуточное и забавное повѣствованіе, въ коемъ стихотворецъ важныя эпическія лица, находящіяся въ оной поемѣ, дѣлаетъ смѣшными, приписывая имъ простонародныя мысли, чувствованія, поступки, и застав-

О эпической пародіи.

ляя ихъ производить тѣже самыя дѣйствія, какими они занимаются въ истинной поемѣ, но способомъ свойственнымъ простому народу, и даже изъясняться иногда такого же рода словомъ, только бы не было въ томъ ничего низкаго и неблагопристойнаго. Чѣмъ извѣстнѣе и въ большемъ находится уваженіи передѣлываемая поема, чѣмъ остроумнѣе важное оной содержаніе обращено будетъ въ смѣшное; и чѣмъ болѣе въ ней будетъ изображенъ духъ и мысли народныя, то есть существующія въ отечествѣ читателя, тѣмъ пріятнѣе сіе произведеніе веселаго нрава стихотворца. Виргиліева Энеида вывороченная на изнанку г. Осиповымъ можетъ быть примѣромъ сего.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ.

---

§. 148.

Самое имя стихотвореній, о которыхъ слѣдуетъ говорить, то есть лирическихъ *), даетъ уже намъ нѣкоторое понятіе о многомъ касающемся до нихъ, и особенно объ ихъ произхожденіи, содержаніи и употребленіи. Способность пѣть всякой человѣкъ получилъ отъ природы, но какъ ее, такъ и мусикійскія орудія, изобрѣтенныя его искуствомъ, онъ употребляетъ въ нѣкоторыхъ токмо особливыхъ случаяхъ, а именно, когда чрезмѣрныя какія нибудь чувствованія наполняютъ или возносятъ выше самой себя его душу, напримѣръ, когда она бываетъ,

О произхожденіи и общемъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ лирическихъ стихотвореній отличительномъ качествѣ.

*) Всѣмъ извѣстно, что сіи стихотворенія названы такъ отъ того, что древніе обыкновенно ихъ пѣли, сопровождая голосъ лирою, которую Пиндаръ въ одной изъ одъ называетъ седьмиструнною. Ода, главный лирическихъ сочиненій родъ, значитъ: пѣснь, пѣсня. Подобнаго знаменованія имена и другихъ лирическихъ стихотвореній: Гимнъ (пѣснь похвальная), и проч.

какъ бы упоена или удивленіемъ, или радостію, или любовію, или пріятными какими нибудь мечтаніями, и проч. Предметы и произшествія, кои производятъ сей степени ощущенія, встрѣчаются и съ человѣкомъ, живущимъ въ семейственномъ состояніи, и съ цѣлымъ обществомъ или народомъ. Возхищается человѣкъ въ минуту вниманія и чувствительности величіемъ природы, благодѣяніями къ нему Творца, семейственными или своими личными удовольствіями. Возхищается цѣлое общество великими дѣлами своихъ правителей, военачальниковъ, соградданъ, и важнѣйшими произшествіями, касающимися общественнаго состоянія. Въ такомъ положеніи духа частный человѣкъ изливаетъ избытокъ своихъ чувствованій, когда онѣ, какъ бы обременяютъ уже его душу, а общество дѣлаетъ сіе болѣе въ приличныхъ къ тому обстоятельствахъ, напримѣръ, во время народнаго торжества, и проч. Сіи естественно громкія, страстныя, подобныя внезапнымъ выстрѣламъ изображенія необычайныхъ, иногда порывистыхъ, иногда тихихъ, но всегда наполняющихъ собою сердце движеній, изображенія посредствомъ пѣнія сопровождаемаго лирою, и даже пляскою, были не что иное, какъ первоначальныя лирическія стихотворенія. Съ послѣд-

ствіемъ времени онѣ весьма во многомъ съ одной стороны къ своему совершенству, а съ другой къ нѣкоторому ущербу измѣнилися; но изображать чувствованія, кои стихотворецъ какъ бы не можетъ въ себѣ скрывать по причинѣ ихъ чрезмѣрности, осталося и есть главнымъ отличительнымъ качествомъ лирическаго стихотворства.

§. 149.

Изъ сихъ общихъ о немъ свѣденій видны такъ же и другія онаго свойства, на примѣръ, что оно должно быть самое древнее; что въ немъ стихотворецъ всегда сображался съ музыкою; что оно явственно и открыто стремится къ общей цѣли стихотворства, потому что въ немъ сочинитель говоритъ прямо отъ себя и собственно стихотворческимъ слогомъ. Но гораздо важнѣе и нужнѣе замѣтить, что въ сіе время чувствительное сердце его должно быть въ нѣкоторомъ изступленіи; и что сіе изступленіе есть единственный источникъ всѣхъ правилъ и совершенствъ сего творенія.

О разныхъ лирическаго стихотворенія принадлежностяхъ и особенно о необходимости изступленія.

§. 150.

Изступленіе, о коемъ идетъ рѣчь, по различію предметовъ его производящихъ бываетъ различно; но намъ нужно имѣть

Изступленіе состоитъ или изъ высо-

кихъ, или изъ нѣжныхъ чувствованій.

здѣсь понятіе о двухъ токмо онаго родахъ, изъ коихъ одинъ состоитъ въ высокихъ, а другой въ нѣжныхъ чувствованіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ душа стихотворца бываетъ въ такомъ состояніи, что какъ бы не въ силахъ повелѣвать сама собою, и слѣдуетъ за порывами обладающихъ ею ощущеній; но въ изступленіи нѣжномъ она, такъ сказать, теряется отъ избытка удовольственныхъ чувствованій, а въ высокомъ отъ ощущенія въ себѣ нѣкотораго величія, которое возноситъ ее выше самой себя. Подлинный ли предметъ или живое представленіе онаго въ мысляхъ раждаетъ сей восторгъ, по моему мнѣнію все равно, только бы въ послѣднемъ случаѣ живость изступленія была непритворна, такъ, что представляла бы стихотворца не простымъ токмо зрителемъ, но какъ бы участникомъ въ разсужденіи изображаемаго предмета, безъ чего лирическое сочиненіе не достигнетъ своей цѣли.

§. 151.

Изступленіе высокаго рода состоитъ или въ живости, или въ спокойствіи души.

Объ изступленіи высокаго рода еще нужно замѣтить вмѣстѣ съ Баттіо, что чувствованія, составляющія, оное бываютъ двоякаго рода: однѣ возмущаютъ и воспламеняютъ душу, когда она видитъ или представляетъ себѣ какую либо чрезвы-

чайную вещь, на которую однако человѣкъ обыкновенной чувствительности и воображенія по большой части взираетъ почти равнодушно; другія противнаго свойства; во время ихъ душа человѣка пребываетъ спокойною и хладнокровною въ такихъ обстоятельствахъ, которыми обыкновенные люди поражаются до чрезмѣрности. Первыя сопряжены съ живостію и дѣятельностію, а другія съ нѣкоторымъ бездѣйствіемъ; предметъ, который возбуждаетъ первыя, представляется намъ во многообразныхъ видахъ, изъ коихъ каждый раждаетъ въ насъ нѣкоторое весьма живое ощущеніе; а предметъ, производящій другія, кажется намъ съ одной, но существенной стороны, которая заставляетъ насъ рѣшиться на нѣкоторое величественное спокойствіе *).

---

*) Россія, спасенная отъ близкаго и совершеннаго паденія К. Д. М. Пожарскимъ, хочетъ возвести своего избавителя на Россійскій Престолъ, бывшій тогда празднымъ, но Герой, не соглашаяся на предложеніе, преклоняетъ всѣхъ избрать на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова, ближайшаго тогда сродника пресѣкшемуся царскому роду. Въ Кн Пожарскомъ высокое чувствованіе послѣдняго роду, о коемъ говорено; а въ стихотворцѣ, которой бы предпріялъ изобразить сьое, произведенное въ немъ симъ великодушнымъ дѣяніемъ, чувствованіе, было бы оно высокое перваго рода.

§. 152.

Лирическія стихотворенія требуютъ возторга, состоящаго изъ живыхъ чувствованій.

Различивъ сіи два рода высокихъ чувствованій, составляющихъ стихотворческій возторгъ высокаго рода, замѣтимъ еще съ тѣмъ же Баттіо, что лирическимъ стихотвореніямъ сроденъ тотъ изъ нихъ, который даетъ намъ живость и дѣятельность; потому что другаго рода, о коемъ выше говорено, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Баттіо, всегда бываетъ соединенъ съ какимъ нибудь дѣйствіемъ, которое не должно имѣть мѣста въ одахъ и другихъ сего рода твореніяхъ. Можно присовокупить еще и другую причину, что сего послѣдняго рода высокія чувствованія не могутъ терпѣть ни разпространенія, ни громкихъ выраженій безъ потерянія весьма много своей силы. Напротивъ сего всякое лирическое стихотворство есть не что иное, какъ живое изображеніе многообразныхъ тѣхъ чувствованій, изъ коихъ одно послѣ другаго раждается въ нашей душѣ, и кои впрочемъ всѣ изтекаютъ изъ одного какого нибудь сильно поражающаго насъ предмета, такъ, что источникомъ ихъ изобрѣтенія есть почти единственно сердце стихотворца.

§. 153.

Начало лирическаго стихотво-

Отъ сего произходитъ, что начало лирическаго стихотворенія бываетъ бы-

стро и пылко, подобно стрѣлѣ вылетевшей изъ лука, искусно и сильно натянутаго, даже въ послѣдствіи творенія сочинитель не можетъ уже болѣе вознестися *). Причиною такой живости въ самомъ началѣ то, что оно есть, какъ бы невольное изліяніе жаркихъ чувствованій, кои стихотворецъ не могъ болѣе скрывать въ себѣ отъ избытка. рeнія бываетъ весьма живо.

§. 154.

По той же причинѣ и все слѣдующее за такимъ началомъ лирическое стихотвореніе весьма подобно рѣчи, свойственной человѣку, находящемуся въ необыкновенномъ смятеніи души. Лирикъ, переходя отъ одной части своего сочиненія, отъ одной мысли къ другой, и соединяя ихъ между собою, нимало кажется, не размышлялъ о томъ, какъ онѣ одна отъ другой родилися, а еще менѣе старался изобразить явственно сію связь, но слѣдовалъ единственно нити своихъ ощуще- Все лирическое стихотвореніе бываетъ порывисто.

*) Возлюблю тя, Господи крѣпосте моя: господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него, защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой. Псал. 17. смотр. еще Второзак. гл. 32.

ній и блужденіямъ своего восторга *). Ибо умствованія кажутся ему весьма хладными въ такомъ твореніи, которое посвящено жаркимъ чувствованіямъ. Но кому, скажутъ мнѣ, извѣстны стези, въ кои

*) Весьма явственно видно сіе въ одномъ выше приведеннаго мною 17 Псалма мѣстѣ, гдѣ божественный стихотворецъ изображаетъ то смятеніе почти всей природы, то страхъ и изнеможеніе его враговъ отъ гнѣва божія, то ужасныя явленія и дѣйствія, сопровождавшія сей гнѣвъ, и притомъ изображаетъ такъ, что не окончивъ одного, начинаетъ другое, послѣ чего опять обращается къ первому, и такъ далѣе. Вотъ его слова.

И внегда скорбѣти ми, призвахъ Господа, и къ Богу моему воззвахъ: услыша отъ храма святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ нимъ внидетъ во уши его. И подвижеся, и трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ его, и огнь отъ лица его воспламенися: угліе возгорѣся отъ него. И приклони небеса, и сниде, и мракъ подъ ногама его. И взыде на Херувимы, и летѣ, летѣ на крылу вѣтреню. И положи тьму закровъ свой, окрестъ его селеніе его темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Отъ облистанія предъ нимъ облацы проидоша, градъ и угліе огненное. И возгремѣ съ небесе Господь, и Вышній даде гласъ свой. Низпосла стрѣлы, и разгна я; и молніи умножи и смяте я. И явишася источницы водніи, и открышася основанія вселенныя отъ запрещенія твоего Господи, отъ дохновенія духа гнѣва твоего.

устремляются наши страсти въ своихъ дѣйствіяхъ; кому извѣстны законы, коими управляется наше сердце въ своихъ движеніяхъ? По крайней мѣрѣ возможное приближеніе при помощи опытности къ вѣроятію, а при знаніи стихотворческаго искуства къ цѣли онаго есть предѣлъ и вѣнецъ лирика, какъ и всякаго другаго стихотворца въ подобномъ случаѣ.

§. 155.

Впрочемъ не должно думать, чтобы лирическій стихотворецъ, слѣдуя за порывами своего изступленія, нимало уже не дѣйствовалъ своимъ разсудкомъ. Напротивъ посредствомъ сего онъ усматриваетъ пути человѣческаго сердца, и наблюдаетъ теченіе страстныхъ чувствованій; но сими наблюденіями руководствуется толь искусно, что никто кромѣ его и знающихъ сіе дѣло не примѣчаетъ. По сей причинѣ естьли въ его твореніяхъ съ одной стороны нетерпима такая явная связь мыслей, которая свойственна сочиненіямъ, кои пишутся для разума; то съ другой стороны толь крутой переходъ отъ одной мысли къ другой, что сочинитель слѣдуетъ, кажется, одному случаю, есть не что иное, какъ токмо управляемое размышленіемъ и опытностію подражаніе рѣчи человѣка, обладаемаго воз-

Какъ входятъ разсудокъ въ распоряженіе стихотвореній?

торгомъ. Ибо сія мнимая несвязность происходитъ отъ опущенія нѣкоторыхъ понятій, составляющихъ цѣпь соединяемыхъ мыслей, кои впрочемъ читатель удобно можетъ дополнить собственнымъ вниманіемъ. Опускаетъ же ихъ лирикъ для того, чтобы показать, что по причинѣ разгоряченія его сердца, въ которомъ онъ будучи писалъ, такъ много въ его душѣ было чувствованій и мыслей, и такъ быстро онѣ одна за другою слѣдовали, что онъ былъ не въ состояніи замѣтить и выразить каждую изъ нихъ, но обративъ свое вниманіе на тѣ, кои существенны и ближе къ главному предмету, принужденъ былъ оставить прочія.

§ 156.

Объ отступленіяхъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Тотъ же восторгъ, который управляетъ лирикомъ, бываетъ причиною, что сей часто, оставляя настоящій свой предметъ, занимается вещами сторонними, однако такими, къ коимъ разгоряченное воображеніе удобно могло перейти отъ онаго. Онъ подобенъ съ жадностію и нетерпѣніемъ желающему осмотрѣть какой либо великолѣпный садъ человѣку, который не удовольствуясь тѣмъ, что встрѣчается съ нимъ на главной дорогѣ, бросается съ жаромъ во всѣ другія отъ нея идущія, предполагая найти въ нихъ что

нибудь рѣдкое. Такъ точно дѣлаетъ лирикъ, когда побочный какой либо предметъ сильно поражаетъ его самаго, и такое же по его предусмотрѣнію долженъ произвести дѣйствіе въ читателѣ. Иногда онъ съ восторгомъ занимается какими нибудь общими истиннами, иногда же описаніемъ чего либо *). Сіи отступленія тѣмъ болѣе сродны лирическимъ твореніямъ, что онѣ умножаютъ свойственный онымъ безпорядокъ, доказывающій смятеніе души стихотворца; но благоразуміе требуетъ наблюдать, дабы ча-

*) Такъ Горацій въ 3 одѣ кн. I изобразивъ нѣжность дружбы своей къ Виргилію, ѣхавшему въ Грецію моремъ, предается чувствованію своего огорченія противу того, кто изобрѣлъ мореплаваніе.

Оды Пиндара почти всѣ наполнены отступленіями, взятыми изъ баснословія, исторіи, или общихъ истиннъ. Разсмотримъ съ сей стороны 1-ю Пиѳическую оду, писанную въ честь Гіерона, одержавшаго побѣду на играхъ сего имени бѣганіемъ на колесницѣ. Въ ней Пиндаръ по поводу того, что Гіеронъ основалъ городъ Этну при подошвѣ горы такъ же называемой, вводитъ баснословіе о нѣкоемъ Тифонѣ, который по преданіямъ за дерзость противъ Юпитера заключенъ подъ гору Этну, (при чемъ дѣлаетъ прекрасное описаніе и сей самой горы); но прежде нежели началъ говорить объономъ Тифонѣ, изъяснилъ приятное дѣйствіе стихотворства

стое ихъ употребленіе, чрезъ мѣру длинное распространеніе и слабое къ главному содержанію отношеніе не причинили темноты, и не обременили безполезнымъ излишествомъ стихотворенія.

§ 157.

Лирическое сочиненіе должно быть кратко,

Тотъ же восторгъ лирика есть источникомъ еще слѣдующихъ замѣчаній: 1) что сіе твореніе не можетъ быть продолжительно; ибо неестественно, чтобъ изступленіе, коего изліяніемъ оно служитъ, продолжалося въ нашей душѣ долго.

въ душахъ добродѣтельныхъ, и ужасающее развратныхъ. Далѣе по поводу того, что Гіеронъ одержалъ оную побѣду не самолично, но чрезъ посланнаго отъ него, бывши въ то время боленъ, Пиндаръ приводитъ взятое изъ Гомера баснословное преданіе о нѣкоемъ Филоклетѣ. Потомъ говоря, что Гіеронъ ввелъ въ свое поселеніе законы, которые нѣкогда даны были Илломъ Дорянамъ, описываетъ сихъ Доріянъ. Послѣ сего говоритъ о войнѣ Финикіанъ и Тирянъ противъ Сициліи, такъ же о побѣдахъ надъ Персами Аѳинянъ при Саламинѣ и Лакедемонянъ при Платеѣ, имѣя къ тому поводомъ побѣду, одержанную его Гіерономъ на морѣ. Напослѣдокъ Пиндаръ оканчиваетъ сію оду совѣтомъ, чтобы Гіеронъ продолжалъ быть добродѣтельнымъ и благотворнымъ, приводя въ примѣръ награды за сіе Креза, извѣстнаго Лидійскаго Царя, и поношенія за противныя поступки Филлариса.

2) Что жаръ восторга долженъ быть въ одинаковой степени во всемъ твореніи, такъ, что окончаніе онаго такъ же бываетъ пылко и отрывисто, какъ и начало; или лучше сказать, что стихотворецъ тотчасъ прерываетъ свое сочиненіе, какъ скоро примѣчаетъ, что изступленіе его ослабѣваетъ. 3) Что стихотворецъ, изображая разныя душевныя ощущенія, никакой, кажется, въ семъ случаѣ не имѣетъ главной цѣли, къ которой бы всѣ страстныя его движенія были имъ направляемы: но въ самомъ дѣлѣ оныя по видимому разнообразныя ощущенія суть токмо блужденія одного какого либо главнаго чувствованія, котораго единство въ лирическомъ сочиненіи по замѣчанію Баттіо не менѣе нужно, какъ и единство дѣйствія въ эпопеѣ и драмахъ.

Сохранять вездѣ восторгъ въ одной степени, кончиться отрывисто, и имѣть единство чувствованія.

§. 158.

Изъ предыдущихъ разсужденій явствуетъ, что слогъ лирическихъ стихотвореній, въ коихъ бываютъ изображаемы высокой степени чувствованія, долженъ быть не только высокій, но пылкій, страстный (pathétique), поражающій болѣе всего чувствительность, и не имѣющій, кажется, никакого дѣла до разума читателя. Гдѣ другой писатель употребляетъ размышленіе, тамъ у лирика однѣ

Слогъ лирика долженъ дѣйствовать на чувствительность.

чувствованія сердца; гдѣ у другаго доказательства, тамъ у него рѣзкіе примѣры; гдѣ у другаго описанія, у него картины. Что касается до выраженій и украшеній; то разсмотрите слово человѣка, изъясняющаго свои чувствованія во время сильнаго ихъ дѣйствія въ его душѣ; вотъ подлинникъ, съ котораго лирикъ долженъ снимать вѣрный списокъ. Слѣдовательно его періоды бываютъ кратки, но исполнены великими истиннами и ощущеніями; его изъясненія жарки, выраженія сильны, реченія многозначащи, при всемъ томъ рѣчь его не многословна: а сіе все отъ того, что не естественно, чтобы человѣкъ, такъ сказать объятый страстію, могъ заниматься продолжительными размышленіями, и говорить плодовито и пространно.

Соотвѣтствовать жаркимъ чувствованіямъ, имѣть сильную краткость.

§. 159.

О раздѣленіи лирическихъ сочиненій.

Въ семъ заключаются общія о лирическихъ стихотвореніяхъ замѣчанія. Я называю имъ общими потому, что хотя онѣ болѣе касаются тѣхъ, въ коихъ бываютъ изображаемы высокія чувствованія; но самая часть лирическихъ твореній принадлежитъ къ сему, роду, такъ что подъ общимъ именемъ сего стихотворства почти обыкновенно разумѣютъ высокія, напротивъ сего тѣ, коихъ предме-

томъ бываютъ нѣжныя ощущенія души, не столь обыкновенны. Впрочемъ что нужно въ особенности замѣтить о нихъ, я предложу о томъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь приступлю къ показанію разныхъ родовъ лирическихъ стихотвореній. Въ ихъ раздѣленіи я приму во первыхъ основаніемъ то, что хотя большая оныхъ часть нынѣ пишутся единственно для чтенія; однако есть и такія, которыя бываютъ и въ наши времена сочиняемы съ тѣмъ, чтобъ ихъ пѣть и при томъ съ музыкою, какъ то кантаты и обыкновенныя пѣсни.

Лирическія сочиненія пишутся иныя для чтенія, а иныя для пѣнія.

§. 160.

Первыя однако гораздо многочисленнѣе, и по общему всѣхъ піитовъ заключенію раздѣляются на четыре главные вида, кои различаются между собою содержаніемъ. Однѣ изъ нихъ изображаютъ чувствованія благоговѣнія къ Верховному Существу и предметамъ вѣроисповѣданія, и называются имнами, дифирамбами, пѣснями, (cantiques): другія занимаются отличными дѣяніями великихъ мужей, или важнѣйшими общественными происшествіями, и называются одами героическими: иныя служатъ изліяніемъ пылкихъ ощущеній, произведенныхъ въ душѣ стихотворца какою либо нравствен-

Первыя бываютъ четырехъ родовъ:

Оды духовныя,

Героическія,

Философскія

ною истинною, и извѣстны подъ особеннымъ именемъ философическихъ одъ: Анакреонтическія. иныя наконецъ имѣютъ своимъ предметомъ однѣ тихія и нѣжныя, но наполняющія душу чувствованія, внушаемыя по большой части страстію любви, а иногда и другимъ чѣмъ либо способнымъ привести наше сердце въ разтаяніе отъ удовольствія; сей послѣдній родъ называется большею частію одами Анакреонтическими.

§. 161.

О началѣ и первобытномъ состояніи имновъ. Имны должны быть даже изъ лирическихъ стихотвореній самое древнее. Чувствія благоговѣнія къ божеству составляютъ и у дикихъ народовъ самую первую и священную обязанность; а по сему весьма вѣроятно, что онѣ первыя обратили на себя вниманіе стихотворцевъ: напротивъ сего изумленіе внушенное великими дѣяніями подобныхъ намъ, и сладостный восторгъ, произведенный нѣжными предметами, суть произведенія болѣе устроенной и болѣе роскошной жизни, а потому не иначе, какъ уже съ продолженіемъ времени, могли сдѣлаться содержаніемъ лирическихъ стихотвореній. Впрочемъ естьли бы нужно было, то можно доказать сіе самою исторіею. Въ

ней найдемъ, что не только у Грековъ и Римлянъ, но даже у самыхъ древнихъ восточныхъ и западныхъ народовъ пѣніе имновъ составляло часть обрядовъ ихъ богослуженія *). А изъ сего видно, что они изображали изступленіе и восторгъ цѣлаго общества или народа, произшедшій въ сердцахъ всѣхъ вообще отъ удивленія чудесамъ природы, отъ благоговѣнія, любви и благодарности къ Творцу, или отъ чего другаго, что отъ всѣхъ признаваемо было за священное, такъ, что въ ихъ составъ всегда входитъ искреннее чувствованіе отношеній человѣка къ Верховному Существу.

§. 162.

Изъ сего общаго объ имнахъ понятія слѣдуетъ, 1) Что они должны быть самое высокое стихотвореніе изъ всѣхъ лирическихъ: ибо что можетъ быть выше чувствія истиннаго благоговѣнія къ божеству? 2) Что при всемъ ихъ пареніи должны поражать естественною простотою: Имны суть сочиненія самыя высокія, но соединяющія

*) У древнихъ Грековъ стихотворцы, кои сочиняли имны, назывались Имнографами, то есть Имнописцами; а тѣ, кои во время богослуженія ихъ пѣли, Гимнодами, то есть Имнопѣвцами.

съ тѣмъ естественную простоту. поелику искренность несовмѣстна съ высокопарностію, отзывающеюся искуствомъ. 3) Что они должны состоять

Изъ чего они состоятъ? частію изъ величественныхъ изображеній (images), частію изъ высокихъ чувствованій.

Примѣры оныхъ. У древнихъ первыми сего рода твореніями почитаются Имны Орфеевы и Гомеровы; а для насъ изящнѣйшимъ ихъ образцемъ могутъ быть псалмы Пророка Давида. Есть такъ же превосходные оныхъ примѣры и въ Россійской словесности. Не говоря о другихъ, я упомяну здѣсь только объ извѣстномъ твореніи Г. Р. Державина подъ названіемъ, Богъ.

§. 163.

Послѣдовавшія съ имнами измѣненія, Таковы были въ первоначаліи, и таковы нынѣ настоящіе имны. Но только въ древнія времена Греческіе, потомъ Римскіе, а наконецъ и новѣйшіе стихотворцы отступили отъ существенннаго ихъ предмета; а отъ того и самые имны измѣнилися во многихъ не менѣе важныхъ качествахъ своихъ.

въ ихъ содержаніи, Греки начали сперва въ нихъ воспѣвать своихъ такъ называемыхъ полубоговъ, а послѣ и людей, причисленныхъ ими по причинамъ политическимъ къ лику боговъ. Римляне, ихъ послѣдователи, такъ же прославляли въ имнахъ не только полубоговъ, но и своихъ Цесарей. Новѣйшіе же въ подра-

жаніе тѣмъ и другимъ, дѣянія и происшествія человѣческія, свойственныя токмо необыкновеннымъ людямъ, какъ бы нѣчто священное и приличное божеству, такъ же стали прославлять въ имнахъ. Всякъ признаетъ, что чувствованія внушаемыя сими, такъ сказать, подставными предметами, (даже и тогда, когда они истинны, то есть когда состоятъ не въ побужденіяхъ произтекающихъ изъ самоличности какого нибудь рода, но въ движеніяхъ чувствительности, дѣйствительно нами ощущаемыхъ въ сердцѣ), не могутъ быть толь пылки, высоки и сильны, какъ искреннее благоговѣніе къ истинному божеству. Отъ того въ сихъ имнахъ весьма примѣтное искуство богатства заступаетъ мѣсто не притворной живости чувствованій: отъ того они, какъ говоритъ Мармонтель, въ Енциклопедіи подъ словомъ Имны, бываютъ красноглаголивы до избытка, вездѣ отзываются пылкимъ воображеніемъ, но нигдѣ не найдешь въ нихъ искреннихъ чувствованій сердца, однимъ словомъ, весьма обработаны, но хладны. А сіе отъ того, что ихъ творцы, по замѣчанію того же Мармонтеля, вмѣсто того, чтобы подражать псалмопѣвцу Давиду, а особливо Моисею, брали себѣ за образецъ Горація.

и ихъ слогъ.

§. 164.

Общія имена, и раздѣленіе на разные роды имновъ у Грековъ.

Въ самыя древнія времена имнъ и пеанъ были общія имена стихотвореній, кои у Грековъ были сочиняемы и пѣты, какъ выше объяснено, въ честь боговъ: но онѣ у нихъ раздѣлялися на нѣсколько родовъ, изъ коихъ каждой имѣлъ особенное названіе, заимствованное отъ того божества, въ прославленіе коего онъ составленъ *).

§. 165.

О Диоирамбахъ древнихъ,

Я упоминаю здѣсь о семъ для того, что одинъ изъ сихъ родовъ имновъ употребляется, хотя и съ великимъ про-

---

Другое раздѣленіе имновъ, на таинственные,

*) Находя, что съ одной стороны знать частыя названія сихъ родовъ имновъ нынѣ почти ни къ чему не можетъ служить, а съ другой, что общее о нихъ понятіе можно получить изъ того, что ниже въ семъ примѣчаніи будетъ сказано о стихотворческихъ или народныхъ имнахъ, я считаю, что естьли не полезнѣе, по крайней мѣрѣ любопытнѣе узнать другое сихъ стихотвореній раздѣленіе, по которому онѣ суть трехъ родовъ, коихъ всѣхъ образцы, оставшіеся отъ древнихъ, дошли до нашихъ временъ. Первый родъ составляютъ имны таинственные. (mystiques ou religieux). Ихъ пѣли посвятившіе себя какимъ либо таинствамъ (initiés) при отправленіи своихъ торжественныхъ обрядовъ. Они имѣли особливое то, что въ нихъ взываемо было смѣло и съ нѣкото-

тивъ древняго измѣненіемъ и въ наши времена. Это есть Диѳирамбъ. Въ первоначаліи онъ былъ родъ Имна, посвященнаго Вакху, насадителю винограда. Благотвореніе, оказанное симъ человѣческому роду, веселіе произходящее отъ употребленія вина, и тому подобное въ тѣ времена

рымъ родомъ твердаго упованія къ божеству; что посвятившіе себя таинствамъ изпрашивали въ нихъ отъ боговъ разныхъ благъ всегда токмо себѣ однимъ; и что наконецъ они подъ иносказательными именами, приписуемыми богамъ, разумѣли разныя свойства истиннаго божества: такъ на примѣръ Аполлона называли отцемъ и зиждителемъ временъ года, владыкою міра, утѣшеніемъ человѣческаго рода, источникомъ жизни. Вотъ небольшой примѣръ имновъ сего рода. „Внемли, „низпошли посвятившимъ себя таинствамъ „твоимъ ненарушимое здравіе, счастливую „жизнь, нескорую и долговременную ста„рость, отврати отъ нихъ суетные при„зраки, пустый страхъ, заразительные бо„лѣзни, и проч. Вторый родъ имновъ составляютъ стихотворческіе или народные, коихъ содержаніемъ были предметы народнаго вѣроисповѣданія, воспѣваемые въ нихъ стихотворцами, тогдашними богословами, а именно разныя баснословныя повѣствованія о рожденіи, дѣяніяхъ, превращеніяхъ, и проч. боговъ, коимъ вѣрилъ народъ. Примѣръ сего можно видѣть въ IX. Гораціевой одѣ кн. 1-й. Бывали однако и такіе сего рода имны, кои содержали въ себѣ мысли, внушающія добродѣтель или благоговѣніе къ божеству. Сей

на народные,

было содержаніемъ сего стихотворенія; а пылкая смѣлость въ мысляхъ и выраженіяхъ, свойственная человѣку, разгоряченному вышесказаннымъ веселіемъ, составляла отличительное онаго свойство. Самые Греки, сдѣлавшись просвѣщеннѣе, его оставили, а Римляне, принявъ

вторый родъ имновъ обыкновенно былъ употребляемъ при богослуженіи; ихъ пѣли въ храмахъ или во время жертвоприношенія, или между тѣмъ какъ собирался народъ. Наконецъ такъ названные философскіе имны суть третій родъ. Ихъ назвали такъ новѣйшіе піиты потому, что они сочиняемы были тѣми просвѣщенными изъ язычниковъ мужами, кои явно слѣдуя вѣроисповѣданію народа, въ тайнѣ признавали единаго истиннаго Бога. А по сему въ сихъ имнахъ (подобно таинственнымъ) подъ именами языческихъ боговъ прославляемы были безконечныя свойства и благотворенія верховнаго Существа. Нѣкоторые изъ сихъ философовъ, вѣря бытію безплотныхъ существъ, сотворенныхъ для исполненія велѣній Всевышняго, почерпали изъ сего догмата своей вѣры нѣкоторыя мысли для своихъ имновъ. Вотъ таковый имнъ, приписуемый Клеанѳу. „Отецъ боговъ, ты, который именуешися многими именами; ты, коего существо есть едино и безконечно; ты, творецъ сего міра, управляющій онымъ по изволенію твоей премудрости! Я покланяюся тебѣ, всесильный царю! ибо ты позволяешь намъ къ тебѣ взывать. Твоя хвала, о Юпитеръ, будетъ всегда въ моихъ устахъ, и твое верховное могущество содержаніемъ

и на философскіе.

шіе ихъ богослуженіе, такъ же очень мало упражнялися въ ономъ *); изъ новѣйшихъ же почти одни Италіянцы занималися сочиненіемъ Диѳирамбовъ въ честь Вакха. Но въ прошедшемъ столѣтіи нѣкоторые знаменитые стихотворцы ихъ писали, только съ весьма важнымъ измѣненіемъ. Они не похвалу бога винограда, но какое нибудь благородное и внушаемое добродѣтелію высокой степени пылкое чувствоніе избирали содержаніемъ своихъ Диѳирамбовъ, изображая оное словомъ, въ коемъ стихотворческое пареніе выше и отважнѣе, нежели въ одахъ, и состав-

и нынѣшнихъ времянъ.

моего пѣснопѣнія. Все преклоняется предъ твоимъ владычествомъ, все трепещетъ твоихъ стрѣлъ, коими вооружена непобѣдимая твоя десница; безъ тебя ничего не сотворено, ничто не сотворяется въ естествѣ. Великій Юпитеръ, гремящій съ облаковъ, благоволи вразумлять слабыхъ смертныхъ; избавь ихъ отъ духа суетности, совращающаго ихъ съ пути истинны; удѣли имъ часть той премудрости, коею ты правишь вселенную: тогда они возлюбятъ токмо единое, то есть славити, дондеже суть, сей всеобщій законъ, нарушаемый нынѣ ими.

*) Горацій оставилъ намъ одинъ только Диѳирамбъ, (од. кн. 2. од. 16.): ибо другая его ода Вакху (кн. 3 ода 19). есть болѣе героическая, написанная съ особливымъ искуствомъ.

ляя сіе сочиненіе по образцу древнихЪ изЪ стиховЪ разной мѣры, не раздѣленныхЪ на строфы. Превосходнымъ примѣромЪ диѳирамба сего рода можетЪ быть диѳирамбЪ Г. Делиля на безсмертіе души, извѣстное всей просвѣщенной Европѣ твореніе. Впрочемъ и наша словесность имѣетЪ образцы сего стихотворенія.

§. 166

О священныхЪ пѣсняхЪ.

КЪ духовнымЪ одамЪ относятся еще священныя пѣсни (cantiques), коихЪ имя и первоначальныя образцы находятся вЪ св. писаніи. Извѣстнѣйшія изЪ нихЪ суть двѣ Моисеевы; первая на прехожденіе Израильскаго народа чрезЪ Чермное Море, (ИсходЪ глав: 15), изЪясненная эстетически вЪ 4-й части Ролленева способа учить и обучиться словеснымЪ наукамЪ; а вторая предЪ кончиною сего вождя кЪ своимЪ соотечественникамЪ: (Второзакон. гл. 32). Сіи примѣры, кои во многихЪ мѣстахЪ могутЪ служить образцемЪ высокаго лирическаго творенія, доказываютЪ, что священныя сіи пѣсни имѣютЪ всѣ качества стихотвореній онаго рода, и что содержаніемЪ ихЪ бываетЪ или прославленіе особеннаго покровительства Божіяго, оказаннаго вЪ самыхЪ трудныхЪ обстоятельствахЪ, или изліяніе живыхЪ чувствованій, возбужденныхЪ

какимъ либо чрезвычайнымъ несчастіемъ. Сіи священныя пѣсни, которыя были въ употребленіи у народа единственнаго тѣмъ, что онъ находился подъ особеннымъ Божіимъ управленіемъ, осталися безъ подражаній.

§ 167.

О духовныхъ пѣсняхъ.

Но вмѣсто ихъ въ позднѣйшія времена явилися другія, имѣющія съ ними по своему содержанію и слогу нѣкоторое сходство. Сіи послѣднія суть произведенія Христіанскихъ стихотворцевъ, кои въ нихъ изливаютъ чувствованія, возбужденныя предметами вѣроисповѣданія. Онѣ отличаются отъ имновъ и священныхъ пѣсней тѣмъ, что не имѣютъ такой степени паренія; но изображаемое въ нихъ благоговѣніе есть ощущеніе души, находящейся хотя въ упоеніи, но такомъ, которое не возмущая оной, оставляетъ ей даже способность размышленія. Къ таковымъ пѣснямъ, кои можно назвать духовными, относятся витійственныя творенія, которыя въ нашей православной и другихъ Христіанскихъ, особливо Евангелической, церквахъ обыкновенно поются во время Богослуженія.

§. 168.

Объ одахъ Героическихъ;

Я уже сказалъ, что такія отличныя дѣянія великихъ людей и важнѣйшія съ

человѣческими обществами произшествія, кои возпламеняютъ быстрое воображеніе и раздражаютъ необыкновенной чувствительности душу, бываютъ содержаніемъ героическихъ одъ. Какъ онѣ слѣдуютъ общимъ лирическихъ стихотвореній изъясненнымъ выше правиламъ: то и нѣчего было бы о нихъ предлагать, естьлибъ я не почиталъ нужнымъ войти нѣсколько въ то различіе, которое весьма примѣтно въ одахъ разныхъ временъ и народовъ, дабы извлечь изъ того истинное о сихъ стихотвореніяхъ понятіе. Оно тѣмъ необходимѣе, чѣмъ чаще онѣ употребляются въ наши времена, особливо въ нашемъ отечествѣ. И такъ по мнѣнію лучшихъ піитовъ Пиндаръ въ одахъ своихъ смѣлѣе, живѣе, сильнѣе, нежели Горацій; а большая часть нынѣшнихъ лириковъ уступаютъ въ семъ Горацію. Отъ чего же сіе? Отъ того, что восторгъ Пиндара былъ истиннѣе, нежели у Горація, и такъ далѣе; отъ того, что Пиндаръ и другіе его вѣка и древнѣйшіе его стихотворцы изображали въ своихъ одахъ то, чѣмъ проницаемо было собственное ихъ сердце, присовокупляя къ тому еще прелести пѣнія и лиры. Представимъ себѣ стихотворца, съ таковымъ пламеннымъ ощущеніемъ въ сердцѣ и съ лирою въ рукахъ являющагося по-среди народа, который почи-

О нихъ различіи относительно къ разнымъ временамъ и народамъ.

таетъ его изтолкователемъ воли боговъ, являющагося во время или возмущенія, дабы успокоить духъ буйности, или общественнаго бѣдствія, дабы оживотворить отчаянныхъ и внушить имъ надежду и мужество; или знаменитаго и счастливаго произшествія, дабы сдѣлать безсмертною славу онаго; или какого либо торжества, дабы придать ему болѣе величія; или на играхъ, дабы возпѣть предъ цѣлою Греціею побѣдителя, и чрезъ то возродить въ другихъ соревнованіе къ сему роду славы *). Гласъ его, соединенный со звуками лиры, воодушевляемый пламенными чувствованіями сердца, не покажется ли изумленному народу чемъ либо божественнымъ?

§. 169.

О преимуществѣ древнихъ одъ.

Слѣдовательно тогда кругъ содержанія лирическихъ твореній былъ обширнѣе, цѣль какъ для стихотворца, такъ и для слушающихъ, какъ говорятъ, ближе къ сердцу, а средства, употребляемыя первымъ для достиженія оной, дѣйствительнѣе. По стѣсненіи сихъ преимуществъ, коими пользовались лирическія творенія въ самыя древнія времена, должны были

*) Сюда же принадлежатъ и поемы Оссіановы, ежели онѣ не подложны.

*

онѣ унизиться въ существенныхъ своихъ достоинствахъ, а по отдѣленіи отъ нихъ пѣнія и звуковъ лиры онѣ оставшися съ одною прелестію, то есть размѣромъ слова, сдѣлалися не соотвѣтствующими многимъ случаямъ, въ которыхъ древніе ихъ употребляли, и вообще хладнѣе, такъ, что ихъ содержаніе стало гораздо ограниченнѣе, а восторгъ лирика не столько живѣе отъ того, что онъ видимо раждается на перѣ только, а не въ сердцѣ стихотворца. Вотъ, отъ чего оды Гораціевы въ разсужденіи лирическаго паренія уступаютъ Пиндаровымъ, а Гораціевымъ большая часть нынѣшнихъ, отступившихъ еще далѣе отъ существенныхъ правилъ древнихъ одъ, и усиливающихся дополнить недостатокъ истиннаго восторга души живостію воображенія, или почерпнутыми изъ наукъ свѣдѣніями. По сей причинѣ нѣкоторые изъ соотчичей нашихъ, какъ бы не осмѣливаяся называть одами такія лирическія творенія, коихъ недостаточный по собственному ихъ, кажется, признанію восторгъ не заслуживаетъ онаго имени, называютъ ихъ пѣснями.

Истинныя достоинства нынѣшнихъ одъ.

Слѣдовательно чѣмъ болѣе въ одѣ нынѣшнихъ временъ находимъ качествъ, коими плѣняютъ насъ оды древнихъ; тѣмъ оныя совершеннѣе. Превосходнѣйшіе сихъ одъ образцы наша

словесность имѣетъ въ твореніяхъ, какъ извѣстно всѣмъ, Г. Ломоносова, Петрова, Г. Р. Державина и другихъ нашихъ лириковъ.

§ 170.

Остается еще нѣчто сказать о родѣ стиховъ, и ихъ раздѣленіи въ сихъ одахъ. Въ самыя древнія времена, то есть когда стихотворенія не были еще раздѣлены на разные роды по ихъ содержанію и особеннымъ каждаго качествамъ, всѣ безъ изъятія, въ томъ числѣ и оды, по замѣчанію нѣкоторыхъ піитовъ, были писаны шестистопными стихами. Но когда искуство сію бывшую дотолѣ смѣсь въ стихотвореніяхъ привело въ нѣсколько различныхъ родовъ, и когда оно замѣтило, что важный шестистопный стихъ часто бываетъ обременителенъ для пѣнія и музыки, къ коимъ долженъ быть принаровленъ размѣръ оды; то для сего изобрѣли особливый родъ стиховъ. Первою ихъ изобрѣтательницею почитаютъ стихотворицу Сафу, жившую около 600 лѣтъ до Р. Х. а около 100 лѣтъ до Пиндара. Сіи стихи извѣстны подъ ея именемъ. Потомъ нѣкоторые изъ жившихъ послѣ нея лириковъ, какъ у Грековъ Алкей, Анакреонтъ, а у Римлянъ Горацій изобрѣли еще другаго рода стопосложеніе для

О стопосложеніи, употребляемомъ древними въ героическихъ одахъ.

Сначала оды писаны шестистопными стихами,

потомъ особенно для оды изобрѣтенными Сафою и другими.

Пиндаръ оду раздѣлилъ.

одъ. Но Пиндаръ изъ всѣхъ замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ по мнѣнію нѣкоторыхъ піитовъ первый далъ одѣ такой видъ, что извѣстное число первыхъ стиховъ составляли особое отдѣленіе, которое называлося строфою, которая значитъ оборотъ; по тому что между тѣмъ, какъ пѣли сіе отдѣленіе, пляшущіе оборачивалися въ одну сторону; за симъ слѣдовало опять особое отдѣленіе, состоящее такъ же изъ нѣсколькихъ стиховъ, называвшееся антистрофою, во время пѣнія коей пляшущіе оборачивалися въ противную сторону, наконецъ былъ Эподъ, родъ особливаго отдѣленія, состоящаго такъ же изъ нѣсколькихъ стиховъ, и бывшаго всегда короче строфы и антистрофы. Когда пѣли его, то пляшущіе не оборачивался ни въ которую сторону, дѣлали движенія, оставаяся въ одномъ положеніи. Такимъ образомъ нѣсколько разъ повторенное послѣдованіе за строфою антистрофы, а за сею Эпода составляло всю оду.

на строфы, антистрофы, и Эподы.

Онъ употреблялъ и другіе роды стопосложеія въ одахъ.

Есть у Пиндара оды, имѣющія другой составъ стопосложенія, а именно нѣкоторыя имѣютъ только строфы и антистрофы, но не имѣютъ Эподовъ; нѣкоторыя же состоятъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ стансовъ, изъ коихъ каждый содержитъ въ себѣ одно число стиховъ и одного размѣра.

Что побу-

Весьма вѣроятно, что стараніе древнихъ

о томъ, чтобы ихъ оды приятнѣе было пѣть и соединять съ музыкою, заставляло ихъ изобрѣтать для оныхъ разнообразные роды стопосложенія, и что естьли сіи были наблюдаемы еще и тогда, какъ пѣніе и музыка были уже устранены отъ сихъ стихотвореній, то сіе произошло единственно отъ раболѣпнаго подражанія древности. По сему новѣйшіе гораздо благоразумнѣе дѣлаютъ, раздѣляя свои оды подобно упомянутому мною третьему образцу Пиндаровыхъ одъ, на нѣсколько токмо стансовъ, или, какъ мы называемъ, куплетовъ *).

ждало изобрѣтать сіи роды стопосложенія для одъ?

Стопосложеніе одъ новѣйшихъ.

§. 171.

Третьяго рода оды, то есть философскія, имѣютъ своимъ содержаніемъ, какъ сказано, такую нравственную истинну, которая представляетъ намъ или какую либо добродѣтель съ изящной ея стороны, или, что чаще бываетъ, какой либо порокъ съ отвратительной. Сіе качество матеріи заключаетъ въ себѣ всѣ правила, касающіяся особенно фило-

Объ одахъ философскихъ.

---

*) Изъ какого числа и размѣра стиховъ состояло стопосложеніе въ одахъ Сафиныхъ, Пиндаровыхъ, Гораціевыхъ; тоже разумѣется и о нынѣшнихъ; сіе можно видѣть изъ примѣровъ и изъ нѣкоторыхъ піитикъ.

софской оды. Того или другаго рода будетъ ея содержаніе, надобно, чтобы въ первомъ случаѣ изящество воспѣваемой лирикомъ добродѣтели упоила его сердце живѣйшимъ восторгомъ; а во второмъ, чтобы гнусность порока, составляющаго предметъ оды, произвела въ немъ самой высокой степени чувствованіе негодованія, дабы ода его была изліяніемъ живыхъ, пылкихъ и волнующихъ его душу ощущеній. Слѣдовательно умствованія, доказательства, логическія раздѣленія, свойственныя сочиненіямъ поучительнымъ (didactiques), словомъ, все, что производитъ спокойно размышляющій умъ, не должно имѣть мѣста въ сей одѣ; напротивъ сего вездѣ въ ней говоритъ кипящее отъ удовольствія, или отъ огорченія сердце, прерываемое иногда порывами находящагося въ восторгѣ воображеженія; вездѣ гласъ пламенной страсти, разительные примѣры, картины, кои своею живостію превышаютъ самые изображаемые ими предметы. Образцами сего рода одъ (не говоря о томъ, что въ произведеніямъ нашихъ отечественныхъ лириковъ находятся превосходныя), могутъ быть Гораціева 1-я ода кн. 3, и ода Руссова на счастіе, толь извѣстная.

§. 172.

Другой родъ философской оды.

Есть еще особливый родъ философской оды, коей превосходный образецъ наша словесность имѣетъ въ одѣ къ Фелицѣ знаменитаго нашего лирика Г. Р. Державина. Содержаніемъ сихъ одъ бываютъ такъ же живыя впечатлѣнія, произведенныя въ стихотворцѣ или изяществомъ какой либо добродѣтели, или гнусностію порока; но сіи впечатлѣнія не суть тѣ пылкія изступленія возвышеннаго духа, страстно преданнаго общественному благу, кои въ немъ производитъ какое либо нравственное явленіе, касающееся состоянія цѣлаго общества, или и всего человѣческаго рода. Возторгъ творца сей оды состоитъ въ такихъ сладостныхъ, или оскорбляющихъ душу упоеніяхъ, которыя часто случается намъ имѣть по среди семейственной и частной жизни, и коихъ источникомъ бываютъ добродѣтели или пороки оной свойственные. Въ послѣднемъ случаѣ, то есть когда стихотворецъ изображаетъ въ сей одѣ возбужденныя въ немъ порокомъ чувствованія, онъ иногда вводитъ въ нее нѣчто комическое, представляя свой предметъ (впрочемъ не столь рѣзко, какъ въ комедіи), со стороны достойной осмѣянія. Изъ сихъ понятій о содержаніи такой оды и о возторгѣ ея творца явствуетъ, что пареніе мыслей,

изступленіе воображенія и свойственное одной пламенной страсти слово, не соотвѣтствовали бы сему лирическому стихотворенію; напротивъ сего оно, будучи произведеніемъ тихихъ ощущеній, украшается нѣкоторою простотою, даже небрежностію, какія бываютъ въ частной и семейственной жизни.

§. 173.

Оды Анакреонтическія.

Наконецъ оды Анакреонтическія, называемыя именемъ извѣстнаго въ семъ родѣ Греческаго лирика, суть откровенное изліяніе нѣжныхъ, страстныхъ, тихихъ но наполняющихъ собою сердце чувствованій, коихъ источникомъ бываетъ не одна любовная страсть, но все, что, такъ сказать, разнѣживаетъ и умягчаетъ подобно воску нашу душу; все, чемъ она любитъ быть занята, и на что въ другомъ смотритъ съ нѣкоторымъ приятнымъ ощущеніемъ; все, что дѣлаетъ насъ подобными дѣтямъ, заставляя при совершенной безпечности и забвеніи всѣхъ горестей и безпокойствъ жизни единственно наслаждаться предстоящими намъ удовольствіями все, что имѣетъ плѣнительнаго природа; все, что имѣютъ возхитительнаго мечты воображенія; все, что дѣлаетъ нашъ духъ веселымъ, или погружаетъ его въ приятную задумчивость, даже самая печаль, обра-

шившаяся наконецъ въ тихое и услаждающее уже насъ чувствованіе *). Два особливыхъ качества составляютъ отличительное достоинство сего стихотворенія, а именно, что въ изображаемыхъ въ немъ чувствованіяхъ, свойственныхъ человѣку совершенныхъ лѣтъ, видны вдругъ особливая мягкость и нѣжность души, и приличное дѣтскому возрасту простодушіе, чистосердечіе и безпечность о другихъ дѣлахъ и вещахъ, такъ что мужество съ юностію, естьли можно такъ сказать, сливаются вмѣстѣ. Сія нѣжность сердца, сія дѣтская откровенность, сія плѣнительная простота, не знающая по видимому совсѣмъ искуства, даже иногда небрежная, и особенно чрезмѣрная легкость слога бываютъ явственны и въ самомъ словѣ. Слѣдовательно ничто не можетъ быть столько противно качествамъ Анакреонтическихъ одъ, какъ примѣтное въ нихъ притворство, искуство и вообще всякаго рода насиліе сердцу или дарованіямъ ума. Сверхъ сего какъ весьма естественно нашему сердцу заниматься пріятнымъ предметомъ такъ, что оно

---

*) Te, dulcis conjux, te solo in littore secum,
Te veniente die, te decidente canebam.

Такъ говоритъ Виргилій объ Орфеѣ, когда сей лишился своей супруги. Геор. кн. 4.

не хочетъ ни на минуту съ нимъ разстаться, а когда разстается, то не иначе, какъ съ сожалѣніемъ и огорченіемъ; по сей причинѣ лирическимъ сего рода твореніямъ несвойственны отступленія, и при томъ онѣ бываютъ всегда кратки. Часто приятное нѣкоторое чувствованіе, мгновенно пробѣжавшее подобно электрическому веществу по нашей душѣ, составляетъ все содержаніе такого стихотворенія. Вообще о немъ надобно примѣтить, что превосходному въ немъ лирику надобно родиться съ чувствительностію души и дарованіями ума, отъ природы преклонными ко всему нѣжному. Такова была извѣстная Сафо, которой оду, (приведенную мною въ примѣръ въ опытѣ Риторики, стран 347), нѣкоторые критики почитаютъ неподражаемымъ образцемъ. Таковъ былъ Анакреонтъ, коего нѣкоторыя оды превосходно переведены и помѣщены г. Ломоносовымъ въ разговорѣ его съ Анакреонтомъ. Таковъ и нашъ знаменитый лирикъ Г. Р. Державинъ. Для примѣра возмемъ двѣ слѣдующія Анакреонтовы оды:

Откуда ты летишь, любезная голубка, откуда летишь? Отъ чего ты дышешь такимъ благоуханіемъ и разливаешь его, летя въ воздухъ? Скажи мнѣ, какая твоя должность? Анакреонтъ посылаетъ меня къ молодому сво-

ему Ваѳиллу, плѣнившему сердца всѣхъ своею красотою. Цитера отдала меня ему за одну пѣсенку, и я разношу его письма. Онъ говоритъ, что хочетъ скоро отпустить меня на волю. Но естьли онъ меня и отпуститъ, я хочу остаться въ его услуженіи. Зачѣмъ мнѣ летать по горамъ и долинамъ? Зачѣмъ сидѣть на деревьяхъ и питаться дикими зернами? Теперь я ѣмъ хлѣбъ, который беру у него самаго изъ рукъ; онъ даетъ мнѣ вино, которое пьетъ самъ. Когда я упьюсь, то пляшу, и покрываю крылышками своего господина; а когда устану, то сплю на его лирѣ. Теперь ты все знаешь: прощай; ты заставилъ меня быть болтливѣе вороны.

*

Однажды Музы связали цвѣтами Эрота, и отдали его подъ стражу Красотѣ. Цитера, чтобы освободить его, приходитъ съ выкупомъ. Но цѣпи уже не бременятъ его: онъ не хочетъ разстаться съ неволею.

§. 174.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣчто о тѣхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, кои обыкновенно бываютъ сочиняемы для пѣнія вмѣстѣ съ музыкою. Два качества дѣлаютъ различіе между ими и одами. Вопервыхъ въ нихъ стихотворство и слова (Poësis verborum) и мыслей (Poësis rerum) должны быть принаровлены къ свойствамъ музыки, то есть, чтобы рачительно избраны были не токмо такого

О лирическихъ стихотвореніяхъ, опредѣленныхъ для музыки и пѣнія.

размѣра стихи и строфы, но даже рѣченія и выраженія такой длины или краткости, такой (относительно къ произношенію) медленности или скорости, грубости или нѣжности, чтобы музыка могла удобно выразить все то соотвѣтствующимъ содержанію напѣвомъ (melodia). Что касается до стихотворства мыслей, то поелику достоинство музыки въ семъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы она своими тонами и напѣвами, сколько возможно чувственнѣе выражала каждую оттѣнь главнаго чувствованія, особливо же сіе послѣднее, изъ коего даже музыкантъ почерпаетъ тему для своего сочиненія; по сему долгъ стихотворца каждое блужденіе страсти, и особливо служащее основою всего сочиненія чувствованіе изобразить сколько возможно явственнѣе и естественнѣе. Другое лирическихъ сего рода стихотвореній отъ одъ отличіе состоитъ въ томъ, что изображаемыя въ нихъ чувствованія бываютъ гораздо тише, нежели въ одахъ, и по большой части не столь высоки.

§. 175.

О кантатѣ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ стихотвореній есть кантата, изобрѣтенная въ XV. вѣкѣ въ Италіи, а потомъ введенная въ другія Европейскія, а въ XVIII. столѣтіи во Французскую и нашу сло-

весность. Хотя излiянiе движенiй сердца есть главный ихъ предметъ; но они почти обыкновенно не менѣе занимаются ихъ источниками, сколько и ими самими, то есть въ тоже время, какъ изображаютъ чувствованiя, или повѣствуютъ о какомъ нибудь произшествiи, или описываютъ какой либо предметъ, или представляютъ какое либо дѣйствiе, отъ коихъ родилися оныя; или иногда на мѣсто того, что произвело ихъ, когда то всѣмъ извѣстно, изображаютъ токмо разныя блужденiя главнаго произведеннаго тѣмъ чувствованiя. Отъ сего различiя содержанiя произходитъ раздѣленiе кантатъ на два рода, а именно: на драмматическiя, въ коихъ чувствованiя бываютъ возбуждаемы совершающимся въ тоже время дѣйствiемъ; и на эпическiя, которыхъ содержанiемъ бываетъ или произшествiе, или какой нибудь предметъ, или что нибудь страстное. Первыя обыкновенно употребляются въ операхъ; почему о нихъ и будетъ особенно предложено въ драматической части; а другiя сами по себѣ.

Кантаты бываютъ двухъ родовъ: драматическiя и эпическiя.

§. 176.

Сверхъ сего отъ того же различiя въ разсужденiи содержанiя произходитъ раздѣленiе и драматическихъ и эпическихъ кантатъ на двѣ существенныя ча-

Кантаты имѣютъ двѣ части:

Рецитативъ и арію. сти, то есть на речитативъ, занимающійся изображеніемъ источника чувствованій, и на арію, выражающую самыя чувствованія, такъ, что первый составляетъ эпическую, а вторый лирическую часть кантатъ. Сіи двѣ части такъ бываютъ расположены, что по предложеніи нѣкоторой части рецитатива слѣдуетъ такъ же нѣкоторая часть аріи; потомъ опять часть рецитатива и часть аріи, и такъ далѣе. Рецитативъ, какъ повѣствованіе или описаніе, вообще бываетъ тише и простѣе аріи; но когда требуетъ содержаніе, живъ и даже нѣсколько страстенъ; напротивъ сего арія всегда должна имѣть болѣе пылкости и жара. Между тѣмъ однако каждая оной часть въ разсужденіи степени своей силы соотвѣтствуетъ предыдущей части рецитатива; и поелику разныя приводимыя въ немъ обстоятельства производятъ разныя и различной степени впечатлѣнія въ душѣ; то страстный слогъ аріи отъ сего бываетъ то бо́льшей, то ме́ньшей степени: при чемъ одного токмо должно остерегаться, то есть, чтобъ арія не превратилася въ равнодушное размышленіе.

Свойства рецитатива, аріи.

§. 177.

Ораторія. Пространная кантата, имѣющая содержаніемъ что нибудь священное, или

почерпнутое изъ священной исторіи, называется Ораторіею, которая во всемъ слѣдуетъ общимъ правиламъ кантаты, изключая, что слогъ стихотворства и музыки въ семъ твореніи бываетъ важнѣе и выше, соразмѣрно содержанію оной.

Кантаты на побѣды Россійскаго воинства надъ Турками и на коронованіе Государя Императора АЛЕКСАНДРА I. могутъ служить образцами.

§. 178.

Другое обыкновенно съ пѣніемъ, а часто и съ музыкою притомъ соединяемое лирическое стихотвореніе есть собственно такъ называемая пѣсня (chanson). Она есть также изліяніе чувствованій болѣе наполняющихъ собою и услаждающихъ, нежели высокихъ и возмущающихъ душу, произведенныхъ въ ней какими нибудь обстоятельствами домашней, или общественной жизни. Существенныя качества пѣсни явствуютъ изъ ея произхожденія; а сего произхожденія должно искать въ самомъ первобытномъ состояніи человѣка. Итакъ сама природа научила его употреблять даръ пѣнія для изліянія пріятныхъ и горестныхъ ощущеній; внушивъ ему чувствіе сугубаго удовольствія, когда онъ выражаетъ онымъ пріятныя движенія сердца, и чувствіе нѣкоторой отрады, когда изливаетъ посред-

О пѣсняхъ собственно такъ называемыхъ.

Ихъ произхожденіе.

ствомъ его горестныя. Сколькоже съ человѣкомъ и въ уединенномъ домашнемъ, и въ общежитейскомъ состоянiи встрѣчается предметовъ и случаевъ; сколько бываетъ въ его душѣ размышленiй, которыя столько возпламеняютъ его чувствительность, что въ сiи минуты все бытiе его заключается, кажется, только въ его чувствованiяхъ! Но кто можетъ самнѣваться, что жизнь уединенная и домашняя предшествовала общественной? А изъ сего достовѣрно слѣдуетъ, что первоначальныя пѣсни суть произведенiя оной; напротивъ сего тѣ, кои выражаютъ чувствованiя цѣлыхъ обществъ, суть уже подражанiя первымъ; а составленныя во время болѣе образованнаго общежитiя еще болѣе содержатъ въ себѣ искуства, нежели природы.

§. 179.

О достоинствахъ пѣсенъ.

Слѣдовательно существенныхъ качествъ и правилъ сего стихотворенiя должно искать въ оныхъ первоначальныхъ пѣсняхъ. Впрочемъ онѣ (качества и правила) болѣе всего состоятъ въ нѣкоторомъ невинномъ простодушiи. Ибо замѣтьте, какъ мыслящiй и чувствительный человѣкъ, разтроганный обстоятельствами своей жизни, посредствомъ пѣнiя какъ бы облегчаетъ себя отъ обременяющихъ его ощущенiй: онъ весь занятъ бы-

ваетъ тѣмъ, чтобы сколько возможно живѣе выразить состояніе своей души и словами и тонами; но при всемъ томъ вездѣ простъ и въ мысляхъ и въ выраженіяхъ, вездѣ удаленъ искуства, вездѣ руководствуется одною откровенною природою. Между тѣмъ однако его слово само собою, кажется, вездѣ соображается съ движеніями его сердца: оно то течетъ легко и быстро, то идетъ важно и медленно, а отъ сего стопосложеніе (которому въ семъ случаѣ научила таже природа), бываетъ разномѣрно. Сверхъ сего поелику пѣніе, и музыка также согласуются съ душевными чувствованіями, кои онѣ изображаютъ; то слово пѣснопѣвца какъ бы способствуетъ ихъ успѣхамъ съ своей стороны выборомъ такихъ вараженій, коихъ или значенія весьма живо дѣйствуютъ на воображеніе, или составляющіе ихъ звуки на слухъ. Отъ сего въ пѣсняхъ много бываетъ прекрасныхъ звукоподражаній и такихъ рѣченій, кои ничего не означая, въ звукахъ своихъ содержатъ нѣкоторый какъ бы отголосокъ выражаемыхъ пѣніемъ чувствованій; отъ сего также иногда повторяется стихъ или нѣсколько словъ. Все сіе мы находимъ и въ тѣхъ пѣсняхъ, коихъ содержаніемъ бываютъ ощущенія цѣлаго общества, од-

нако такого, которое мало еще удалилось отъ естественнаго состоянія человѣка 1).

§. 180.

Достоинства нынѣшнихъ пѣсенъ.

А по сему составленныя уже въ просвѣщеннѣйшемъ общежитіи пѣсни тѣмъ болѣе имѣютъ истинныхъ достоинствъ, чѣмъ болѣе подходятъ къ изъясненнымъ мною первоначальнымъ пѣснямъ такъ, что все, что объ оныхъ можетъ сказать искуство, состоитъ токмо въ показаніи свойствъ, принадлежащихъ симъ послѣднимъ. Ибо едва стоитъ, по моему мнѣнію, вниманія то, что по причинѣ различнаго ихъ содержанія и разныхъ случаевъ, въ коихъ онѣ бываютъ употребляемы, раздѣляютъ ихъ на разные роды, и что онѣ имѣютъ видъ иногда эпиграммы, иногда мадригала, иногда чувствительнаго, иногда ироическаго повѣствованія, иногда эклоги, иногда даже оды.

Раздѣленіе пѣсенъ на разные роды.

§. 181.

О романсѣ,

Изъ разныхъ родовъ пѣсенъ есть два, кои имѣютъ особливыя названія, а именно романсъ и балладъ. Они оба изобрѣтены въ тѣ времена, когда просвѣщеніе въ

(*) Сіи пѣсни могутъ служить иногда источникомъ исторіи народа и зерцаломъ нравовъ и обычаевъ тѣхъ временъ.

Европѣ начинало возстановляться, и нынѣ весьма рѣдко, особливо послѣдній, употребляются. Романсъ отличенъ отъ прочихъ пѣсенъ своимъ содержаніемъ, а балладъ своимъ составомъ. Первый по словамъ Руссо и Мармонтеля, (въ энциклопедіи подъ словамъ Романсъ) есть не что иное, какъ жалостное повѣствованіе о какомъ нибудь любовномъ несчастно окончившемся приключеніи. Разтроганное жалостію сердце и невинное простодушіе стихотворца составляютъ собственное достоинство, а возбужденіе тѣхъ же чувствованій въ душѣ другихъ, есть цѣль сей пѣсни. Балладъ составляемъ былъ изъ трехъ куплетовъ и полукуплета (un envoi). Куплетъ состоялъ изъ 8 или 10 или 12 стиховъ, а стихи были всѣ одного размѣра, и по большой части четырестопные: однѣ риѳмы были во всѣхъ куплетахъ, и даже однимъ образомъ во всѣхъ разположены. Полукуплетомъ оканчивался балладъ, и состоялъ изъ половиннаго числа, нежели куплетъ, стиховъ, которые тойже были мѣры, и въ разсужденіи риѳмы и разположенія оной сходствовали съ послѣднею половиною куплета. Но особенная красота сей пѣсни состояла въ томъ, что каждый куплетъ и полукуплетъ оканчивалися однимъ и тѣмъ же стихомъ, который впрочемъ во всякомъ изъ нихъ соединенно съ предшествующи-

и Балладѣ.

ми стихами долженЪ былЪ составлять особливую всегда мысль. Главное достоинство баллада заключается вЪ томЪ, когда показаннымЪ образомЪ повторяемЪ былЪ такой стихЪ, кЪ которому не весьма легко прибрать другой, сЪ коимЪ онЪ вмѣстѣ долженЪ составить одну мысль; и когда не взирая на то, какЪ вЪ семЪ повторенiи, такЪ и вЪ соблюденiи изЪясненнаго состава видна легкость и непринужденность.

§. 182.

ОбЪ Элегiи вообще.

Многiе кЪ лирическимЪ сочиненiямЪ, судя по содержанiю, причисляютЪ еще справедливо Элегiю. Самое ея названiе, (слово увы) показываетЪ намЪ содержанiе и цѣль оной. Чувствительное сердце, огорченное несчастiями собственными или другихЪ, находя нѣкоторое какЪ бы облегченiе вЪ томЪ, чтобЪ излить изЪ себя угнѣтающiя чувствованiя горести, изобрѣло для того сей особливый родЪ стихотворенiя; но со временемЪ нѣжныя и даже веселыя ощущенiя сдѣлались содержанiемЪ Элегiи *).

---

*) Versibus impariter junctis querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia conpos.
Horat. ad Pisones.

§. 183.

Она различается отъ прочихъ лирическихъ стихотворенiй двумя особенными качествами. Вопервыхъ ея содержанiе ограничивается двумя токмо родами чувствованiй, то есть печали и радости, *) а во вторыхъ сiи самыя чувствованiя бываютъ опредѣленной нѣкоторой степени. Все, что приводитъ сердце въ необыкновенное волненiе; все, что его изумляетъ или терзаетъ, отнюдь несвойственно Элегiи; самыя ощущенiя любви, составляющiя болѣе всего оной занятiе **), когда онѣ насильственны и жестоки, бываютъ содержанiемъ болѣе трагедiи. Напротивъ

О различiи Элегiи отъ другихъ лирическихъ сочиненiй.

*) Elle peint des amans la joie et la tristesse.
Boileau l'art Poëtique.

**) Всего болѣе въ Элегiяхъ, говоритъ Мармонтель (въ Энциклопедiи подъ словомъ Элегiи) любовь, какъ дитя, отъ незначущей ничего причины приходитъ въ сердце и успокоевается, плачетъ и смѣется въ одно время. Но какъ и другаго рода горести и удовольствiя бываютъ содержанiемъ Элегiи; то нѣкоторые пiиты раздѣляютъ ихъ на Эротическiя и Треническiя, разумѣя подъ первыми тѣ, кои занимаются любовными произшествiями, а подъ другими, въ коихъ бываютъ оплакиваемы прочiя несчастiя. Впрочемъ сiе раздѣленiе, кромѣ показаннаго различенiя элегiи, никакихъ не имѣетъ послѣдствiй.

сего печаль и радость тогда токмо бывают предметом Элегіи, когда уже пройдет первый их, так сказать, пыл, то есть когда онѣ сдѣлаются тише и спокойнѣе, или когда онѣ совсѣм как бы погаснут, а только при их воспоминаніи рождаются в душѣ однѣ болѣ услаждающія, нежели волнующія ее ощущенія. Посему привести другаго в подобное состояніе, то есть изображая печаль заставить его предаться приятной нѣкоторой задумчивости, какая свойственна чувствительной душѣ; а изливая радость упоить его нѣжностію, есть цѣль и главное достоинство Элегіи. Итак, скажут мнѣ, нѣкоторыя оды не будут имѣть различія от Элегіи. Баттіо говорит о сем еще болѣе, и впрочем основательно, то есть, что не только нѣкоторыя оды, но даже нѣкоторыя идилліи, как Біонову на смерть Адониса, Виргиліеву на смерть Дафниса (Eclog. V.) можно назвать элегіями, а Мармонтель как бы дополняя говорит, что нынѣ выдают Элегіи под именами других стихотвореній, и приводит в примѣр Дезуліеровы идилліи под названіем: овечки, и цвѣты.

О сходствѣ элегіи съ нѣкоторыми одами и идилліями.

§. 184.

О слогѣ элегіи.

Из всего доселѣ сказаннаго явствуют и качества слога Элегіи. Отзываю-

щіяся или нѣкоторымъ возвышеніемъ духа, или сильною страстію, или игривою живостію воображенія мысли, описанія, и проч. совсѣмъ несвойственны оной *). Но хотя въ ней должно говорить единственно сердце стихотворца **), хотя воображеніе должно украшать ее своими прелестями, и даже разсудокъ управлять ея ходомъ; но все сіе имѣетъ, какъ сказано выше, свой предѣлъ. Въ ней говоритъ

---

*) Мармонтель (въ Энциклопедіи подъ словомъ Элегія) раздѣливъ Элегію на страстную passionnée, нѣжную tendre, и пріятную gracieuse, говоритъ, что въ первой стихотворецъ руководствуется чувствованіемъ, а въ послѣдней воображеніемъ такъ, что въ оной скромное воображеніе, украшая своимъ богатствомъ изліянія сердца, старается быть непримѣтно; а въ сей искреннее чувствованіе какъ бы даетъ душу красотамъ, кои произвело воображеніе; но какъ чрезмѣрно блестящія украшенія сдѣлаютъ послѣднюю хладною, такъ и сильная страсть затьмитъ первую: ибо какъ страсть не терпитъ нѣжныхъ красотъ, такъ и сіи боятся страсти. По семъ тотъ же Мармонтель, показывая особенныя достоинства Латинскихъ Элегическихъ стихотворцевъ, говоритъ объ Овидіи, что его ироиды были бы равны самымъ лучшимъ Проперціевымъ и Тибулловымъ Элегіямъ, естьлибъ въ оныхъ чрезмѣрное богатство воображенія не охлаждало почти совсѣмъ чувствованія.

**) Il faut que le coeur seul parle dans l'Elegie.
Boileau l'art poëtique.

сердце чувствительное, исполненное иногда томныхъ, но приятныхъ ему, иногда веселыхъ, но не обременяющихъ его ощущений: въ ней воображенiе разсыпаетъ столько своихъ красотъ, что при всемъ томъ чувствованiе имѣетъ перевѣсъ, и бываетъ господствующимъ качествомъ; въ противномъ случаѣ Элегiя потеряетъ безцѣнное свое свойство, искренность, и отъ примѣтнаго въ ней притворства не достигнетъ своей цѣли. Что касается до разсудка, то онъ такъ же, или еще и скрытнѣе, дѣйствуетъ въ семъ случаѣ, нежели, какъ выше сказано, въ прочихъ лирическихъ стихотворенiяхъ. Слѣдовательно и ходъ ея долженъ быть такъ же прерывистъ и по видимому несвязенъ. А въ разсужденiи выраженiй, словотеченiя и украшенiй болѣе всего приличны ей легкость, простота и простирающаяся до нѣкоторой степени небрежность, то есть каковая только можетъ быть свойственна слову человѣка, ничѣмъ не занимающагося столько, какъ тихими чувствованiями своего сердца. Римляне въ Элегiяхъ употребляли особливаго рода стихосложенiе, мѣшая шестистопный стихъ съ пятистопнымъ; а наши стихотворцы пишутъ ее одними шестистопными, и при томъ ямбическими стихами. Г. Сумароковъ ввелъ въ нашу словесность сiе

стихотвореніе, въ которомъ при немъ и послѣ его нѣкоторые наши сооттичи упражнялися съ успѣхомъ. Но лучшими образцами онаго суть Элегіи Пропорціевы, Тибулловы, нѣкоторыя *) Овидіевы, и ироиды сего же писателя.

§. 185.

Объ ироидахъ.

Упомянувъ объ Овидіевыхъ ироидахъ, я почитаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя замѣчанія о семъ родѣ стихотворенія. Всѣмъ, упражняющимся въ словесности, извѣстно, что изъ древнихъ одинъ Овидій оставилъ намъ 21 ироиду, хотя еще не рѣшено, былъ ли онъ ихъ изобрѣтателемъ, или и прежде его были писа-

---

*) Я выше показалъ уже причину, по чему всѣхъ Овидіевыхъ элегій не признаютъ за лучшія; а здѣсь покажу весьма полезное для стихотворцевъ замѣчаніе Мармонтеля объ ироидахъ и элегіяхъ сего Римскаго стихотворца, составляющихъ пять пѣсней, такъ названныхъ отъ него печалей (tristia). Чувствованіе, говоритъ Мармонтель, есть самая слабая сторона Овидіевыхъ элегій, между тѣмъ какъ оно составляетъ господствующее качество ироидъ; а сіе отъ того, что пылкость его стихотворческаго дара заключалася болѣе всего въ его воображеніи такъ, что онъ могъ гораздо живѣе представить себѣ и сильнѣе изобразить несчастія другихъ, нежели чувствовать свои собственныя (безъ сомнѣнія отъ недостатка чувствительности).

ны онѣ, но только не дошли до насъ. Извѣстно такъ же, что нѣкоторыя жены, будучи оставлены ироями, ихъ любовниками, въ сихъ ироидахъ изливаютъ чувствованія несчастной, безнадежной презрѣнной своей любви и вмѣстѣ скуки, причиняемой разлукою съ любимымъ предметомъ. Таковыя чувствованія должны быть весьма живы и сильны; но Овидій предположивъ, что продолженіе времени смягчило уже оныя въ сердцахъ его ироинь, даетъ имъ одни тихія и нѣжныя чувствованія. На семъ основаніи Эшенбургъ, причисляя ироиды къ стихотворческимъ поемамъ, (называя ихъ при томъ поемами драматическими), и къ элегіямъ, говоритъ, что онѣ должны имѣть качество и тѣхъ и другихъ. По его мнѣнію содержаніемъ ироидъ могутъ быть чувствованія, внушаемыя и другою какою либо кромѣ любви страстію; но сіе значитъ произвести совсѣмъ новый, неизвѣстный ихъ изобрѣтателю родъ стихотворенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ПОУЧИТЕЛЬНЫХЪ.

---

§ 186.

Разныя мнѣнія о поучительныхъ стихотвореніяхъ.

Стихотворенія поучительныя (la poësie didactique) занимаясь дѣйствительною, а не подражательною, какъ прочія стихотворенія, истинною, то есть почерпая свое содержаніе и изобиліе не изъ вымышленной, составляющей область стихотворцевъ, но изъ истинной принадлежащей витіямъ природы, столь близки къ прозѣ, что многіе сомнѣвалися почитать ихъ твореніями стихотворческими. Однако почти всѣ лучшіе писатели правилъ сего искуства, почитая ихъ стихотвореніями, показываютъ и правила ихъ. А Расинъ и Эшенбургъ признаютъ ихъ за дѣйствительныя стихотворенія. Первый утверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ оныхъ для украшенія истинны употребляется много стихотворческаго искуства (смотри въ энцикл. слово didactique), а вторый, что онѣ туже, какую и прочія, имѣютъ цѣль, то есть плѣняя красотами служитъ наставленіемъ; раличіе же только въ томъ, что въ другихъ преимущественно видно ста-

раніе о томъ, чтобы плѣнить, а въ семъ, чтобы научить. Впрочемъ слѣдующія замѣчанія о произхожденіи и качествахъ сихъ стихотвореній могутъ достовѣрнѣе рѣшить вопросъ.

§. 187.

О произхожденіи поучительныхъ стихотвореній.

Онѣ родились, кажется, въ тѣ времена, когда стихотворство почитало все принадлежащимъ ему, то есть когда исторія, философія, нравоученіе, даже законовѣденіе служили содержаніемъ и источниками его. Но когда прозѣ и стихамъ уже назначены были точные предѣлы; то весьма вѣроятно, что первый изъ поучительныхъ сего времени стихотворцевъ имѣлъ толь отличный даръ стихотворства, что когда онъ хотѣлъ сообщить другимъ какія либо полезныя знанія, коими самъ былъ обогащенъ; то какъ бы противъ воли своей предавался живости онаго, и какъ бы одушевлялъ предлагаемыя имъ истинны тѣми красотами, какія представляло ему при томъ его живое воображеніе; тѣми чувствованіями, какія тогда родилися въ его сердцѣ; тѣмъ великолѣпіемъ слова, къ коему влекла его врожденная склонность. Примѣры лучшихъ поучительныхъ стихотворцевъ, блистающихъ вездѣ въ сихъ твореніяхъ

стихотворческими дарованіями служатъ лучшимъ того доказатеcтвомъ *).

§. 188.

Главныя правила поучительныхъ стихотвореній: о содержаніи оныхъ.

Сіи о произхожденіи поучительнаго стихотворства замѣчанія ведутъ насъ къ познанію и главныхъ качествъ онаго, зависящихъ частію отъ изобрѣтенія, частію отъ разположенія, частію отъ рода слова. Я уже сказалъ, что содержаніемъ его бываютъ истинны занимающія разумъ. Слѣдовательно чтобы стихотворецъ съ сей стороны могъ удовлетворить читателя, сіе зависитъ отъ того, сколько онъ свѣдущъ о тѣхъ вещахъ, о коихъ предпринимаетъ писать, и сколько искусенъ въ

*) Я могъ бы, (говоритъ Попе въ предисловіи къ поучительному своему стихотворенію, извѣстному подъ именемъ Опыта о человѣкѣ, написать его прозою; но предпочелъ стихи, и стихи съ риѳмами, по двумъ причинамъ: первая, кажется, должна быть очевидна, то есть поелику начала, правила и наставленія, въ такомъ видѣ предложенныя, сильнѣе поражаютъ читателя при первомъ взглядѣ, и онъ тверже удерживаетъ ихъ въ своей памяти. Другая покажется странною, но она справедлива. Я примѣтилъ, что мнѣ удавалось изображать ихъ короче въ стихахъ, нежели въ прозѣ; а всякой въ томъ увѣренъ, что сила и красота доказательствъ и наставленій весьма много зависитъ отъ краткости выраженія.

способѣ предлагать другимъ наставленія. Между тѣмъ онъ въ выборѣ своего предмета не долженъ забывать того, что онъ стихотворецъ. Впрочемъ онъ ничѣмъ не можетъ толь вѣрно руководствоваться въ семъ случаѣ, какъ собственнымъ творческимъ даромъ, замѣчая внимательно, сильно ли и скоро, или слабо и медленно разгорячаются его мысли, и приходитъ въ восторгъ его духъ при представленіи избираемой для содержанія сочиненія истинны; чувствуетъ ли онъ себя въ состояніи содержащіяся въ ней общія понятія представить въ видѣ чего либо чувственнаго, находитъ ли въ ней что нибудь его воображеніе, изъ чего оно можетъ сдѣлать поразительныя картины; ощущаетъ ли притомъ его сердце живое нѣкоторое раздраженіе. Причина сего весьма явственна: поелику писатель сего рода предлагая о томъ, что принадлежитъ собственно витіи, обязанъ удовлетворить разумъ читателя; но предлагая способомъ свойственнымъ стихотворцу, долженъ еще въ тоже время плѣнить его воображеніе и привести въ движеніе сердце. Для сего онъ, говоря о существахъ умственныхъ дѣлаетъ ихъ посредствомъ подобій, иносказаній, описаній, и проч. чувственными а говоря о вещахъ, дѣйствующихъ на

чувства, изображаетъ ихъ такъ, какъ будто бы онѣ въ то самое время насъ поражали *).

§. 189.

Объ источникахъ размноженiя сихъ стихотворенiй.

Для сего онъ подобно рѣкѣ, текущей излучинами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ входящей далеко въ берега, обтекаетъ всѣ, такъ сказать, окрестности своей матерiи, и пользуется, естьли въ нихъ найдетъ что нибудь истинное или баснословное, что будучи обработано стихотворческимъ искуствомъ, можетъ приятнымъ образомъ занять воображенiе читателя. По той же причинѣ онъ иногда, оставляя не всякому приятный голосъ наставника, предается нѣкоторой услаждающей душу задумчивости, или изливаетъ ощущенiя своего сердца, къ коимъ служило поводомъ его размышленiе о предлагаемыхъ истиннахъ.

Объ отступленiяхъ.

Отступленiя сего рода подобны, говоритъ Баттiо, изваяннымъ или изсѣченнымъ лицеподобiямъ, кои будучи поставлены въ пристойныхъ мѣстахъ великолѣпныхъ чертоговъ, украшаютъ оные, и когда онѣ (отступленiя) бываютъ рѣдки, что впрочемъ и должно быть, то читатель ожидаетъ

*) Vere novo, gelidus cum canis montibus humor
Liquitur, et Zephyro putris se gleba resolvit,
Depresso incipiam tum mihi taurus aratro
Ingemere, et sulco attritus splendescere vomer.

Virg Georg. lib. 1.

ихъ съ нѣкоторымъ, какъ говоритъ Мармонтель, нетерпѣніемъ; потому что онѣ во время утомленія, которое онъ чувствуетъ отъ безпрестанно предлагаемыхъ его разуму истиннъ, служатъ какъ бы отдохновеніемъ *). Однако всѣ употребленныя въ такомъ сочиненіи стихотворческія красоты должны быть толь близки къ содержащимся въ ней истиннамъ, что казалисябы родившимися сами собою въ пылкомъ воображеніи писателя; и вводить ихъ надобно съ такою умѣренностію и благоразуміемъ, дабы предлагаемыя наставленія ничего не потеряли отъ нихъ въ разсужденіи основательности и ясности **).

*) Таковы у Виргилія прекрасныя басни объ Аристеѣ и Орфеѣ. (О землед: пѣснь IV.)

**) Хотя изъ всѣхъ искуствъ, говоритъ Мармонтель, (въ Энциклопедіи подъ словомъ didactique), коихъ правила могутъ быть предложены стихотворческимъ слогомъ, болѣе способно къ тому искуство самаго стихотворенія; но Горацій ничего столько не имѣлъ въ виду въ своемъ наставленіи о стихотворствѣ, какъ здравый и основательный смыслъ; начертывая правила, онъ писалъ слогомъ законодателя, то есть просто, ясно и кратко, и гремѣвъ въ одахъ высокимъ краснорѣчіемъ, въ семъ поучительномъ стихотвореніи помышлялъ болѣе всего о томъ, чтобъ оно сіяло чистымъ свѣтомъ; служащія началами истинны, всегда новыя, составляютъ новое богатство сего творенія; касательно же краткости, никогда стихотворецъ не выражалъ толь многихъ мыслей толь немногими словами.

§. 190.

Что говорили мы доселѣ о изобрѣтеніи въ поучительныхъ стихотвореніяхъ, то же почти самое должно разумѣть и о разположеніи оныхъ, особливо, когда онѣ бываютъ пространны. Стихотворецъ объявъ своею мыслію все, что ему надобно сказать о матеріи, раздѣляетъ все то мысленно или въ самомъ сочиненіи на особыя отдѣленія, помѣщая одно за другимъ въ порядкѣ, сообразномъ естественной ихъ между собою связи *). Но въ разположеніи и соединеніи подробностей, заключающихся въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій, онъ предается совершенно, кажется, руководству своего воображенія, и по видимому случайно переходитъ отъ одной мысли къ другой, будучи между тѣмъ превосходнѣйшимъ, но скрытнымъ Логикомъ. О разположеніи поучительныхъ стихотвореній.

§. 191.

Родъ слога, приличный симъ стихотвореніямъ, безъ сомнѣнія долженъ соот- О родѣ слога при-

*) Quid faciat laetas segetes, quo sidere terram
Vertere, Moecenus, ulmisque adjungere vites
Conveniat: quae cura boum, qui cultus habendo
Sit pecori; apibus quanta experientia parcis,
Hinc canere incipiam.

Такъ начинаетъ Виргилій свое поучительное стихотвореніе о земледѣліи.

личномъ поучительнымъ стихотвореніямъ.

вѣтствовать роду мыслей и главной цѣли сочиненія. Впрочемъ къ качествамъ поучительнаго въ прозѣ слова прибавьте, чѣмъ стихотворство, почти не выходя изъ предѣловъ онаго, можетъ сдѣлать его красивѣе и приятнѣе; вотъ понятіе, какое должно имѣть о слогѣ поучительныхъ стихотвореній, такъ, что онъ почти никогда не можетъ быть выше средственнаго, а тѣмъ менѣе той степени, какой бываетъ въ эпическихъ поемахъ, ироическихъ одахъ или трагедіяхъ. Я заключу словами Мармонтеля, который (въ Енциклопедіи подъ словомъ didactique), говоритъ о семъ слѣдующее: Буало, говоритъ онъ, не одною краткостію, точностію и рачительнымъ составомъ стиховъ заставилъ насъ читать съ удовольствіемъ правила уже давно извѣстныя. Онъ употребилъ все, что мѣлкія стихотворенія имѣютъ приятнаго и красиваго. Вотъ по моему мнѣнію, продолжаетъ Мармонтель, тотъ путь, которымъ должны итти всѣ нами поучительные стихотворцы; и чѣмъ предметъ ихъ будетъ менѣе важенъ и любопытенъ, тѣмъ болѣе нужны имъ красоты воображенія и стороннія убранства.

§. 192.

О разныхъ родахъ

Сказанное мною доселѣ о поучительныхъ стихотвореніяхъ заключаетъ въ

себѣ общія ихъ качества; но онѣ по причинѣ различнаго ихъ содержанія бываютъ разныхъ родовъ. Однѣ изъ нихъ называются историческими, (рѣдко циклическими), другія философскими, а третьи собственно поучительными или наставительными (didactiques). Первыя повѣствуютъ о явленіяхъ и произшествіяхъ, случившихся въ человѣческомъ обществѣ или въ природѣ; вторыя избравъ себѣ предметомъ какую либо истинну изъ числа тѣхъ, кои бываютъ изобрѣтаемы разумомъ, входятъ въ основаніе и подробности оной, изъясняютъ причины вещей, выводятъ изъ того умозаключенія, и проч. а послѣднія предлагаютъ правила и наставленія какой либо науки, художества, или ремесла. Какъ сіи три рода познаній имѣютъ весьма тѣсную одна съ другою связь, напримѣръ познаніе причинъ, то есть философское, обыкновенно бываетъ предшествуемо познаніемъ настоящаго состоянія вещей, то есть историческимъ, а сіе послѣднее нерѣдко бываетъ недостаточно безъ присовокупленія къ нему онаго, правила же наукъ, художествъ и рукодѣлій суть не что иное, какъ умозаключенія, извлеченныя даровитыми умами на основаніи вкуса изъ познаній историческаго и философскаго: по сей причинѣ не возможно, чтобы сіи три рода поучительныхъ стихотво-

учительныхъ стихотвореній.

реній не заимствовали одинъ отъ другаго взаимной помощи, то есть или силы для убѣжденія, или разнообразія для развлеченія разума, или красотъ для возхищенія воображенія. Впрочемъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенно ему свойственное.

§. 193.

О поучительныхъ историческихъ стихотвореніяхъ.

Историческій поучительный стихотворецъ, принявъ на себя предложить достаточное повѣствованіе о какомъ нибудь знаменитомъ бытіи, заключающемъ въ себѣ многія, разнообразныя, имѣющія одно съ другимъ связь произшествія, бываетъ съ одной стороны историкомъ, а съ другой стихотворцемъ. Историкомъ, поелику онъ въ своемъ повѣствованіи предлагаетъ произшествія въ томъ видѣ, какъ онѣ случились, не измѣняя ихъ вымысломъ, и въ томъ порядкѣ, какъ онѣ одно за другимъ слѣдовали, не взирая въ семъ случаѣ на правила вкуса, коими онъ въ сочиненіяхъ совершенно стихотворческихъ руководствуется, даже въ изслѣдованіи причинъ онъ показываетъ изъ нихъ большею частію истинныя и естественныя: но въ тоже время онъ бываетъ и стихотворецъ: у него есть главное и частныя дѣйствія; есть главное и второстатейныя дѣйствующія лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои качества, свои страсти,

изображаемыя стихотворцемъ сообразно или познаніямъ исторіи, или общему о нихъ мнѣнію: однимъ словомъ его стихотвореніе съ сей стороны имѣетъ нѣчто общее съ эпическою поемою. Сверхъ сего онъ въ самомъ началѣ своего стихотворенія призвавъ въ помощь себѣ какое нибудь божество, предполагаетъ, что говоритъ уже не онъ, а сіе божество, которому все достовѣрно извѣстно, и которое представляетъ себѣ все весьма ясно: поелику онъ въ изображеніи всякой вещи бываетъ болѣе живописцемъ, нежели повѣствователемъ, то есть такъ живо и такъ чувственно предлагаетъ обо всемъ, что болѣе хочетъ, кажется, намъ показать, нежели описать предметъ; иногда же, впрочемъ рѣдко, въ изъясненіи причинъ повѣствуемыхъ имъ произшествій вводитъ участниками вышшія существа. Образцами сего стихотворенія почитаются Луканова Фарсальская битва, Сильвія Италика Пуническая война, а отъ нѣкоторыхъ и Вольтерова Генріада.

§. 194.

О поучительныхъ философскихъ стихотвореніяхъ.

Въ стихотвореніяхъ философскихъ, въ коихъ бываетъ предлагаемо о какой либо нравственной, метафизической, или физической истиннѣ, соединяется точность и строгость философскаго слога

съ красотами стихотворческаго, какія токмо могутъ быть совмѣстны съ онымъ, такъ, что качества перваго преимущественно бываютъ видны. Къ замѣчаніямъ, показаннымъ мною выше о избраніи содержанія вообще для поучительныхъ сочиненій, и особенно о содержаніи философскихъ, я присовокуплю здѣсь еще одно, то есть поелику сего рода стихотворенія болѣе всѣхъ другихъ поучительныхъ должны занимать разумъ новыми питающими его познаніями, то всевозможная внятность составляетъ главное оныхъ достоинство, и служитъ основаніемъ всѣхъ особенныхъ въ семъ случаѣ правилъ. Въ семъ намѣреніи сочинитель давъ ему разположеніе, которое гораздо явственнѣе, нежели въ прочихъ поучительныхъ и другаго рода стихотвореніяхъ, строго наблюдаетъ оное; а входя въ основанія и подробности предлагаемыхъ имъ истиннъ, сколько возможно удаляется того, что свойственно самой высокой философіи, то есть что весьма отвлеченно. Что касается до искусства стихотворства, то оно должно здѣсь нѣкоторымъ образомъ забыть главную свою цѣль, то есть обольщать воображеніе, но всего болѣе способствовать ясности и облегчать разумъ, дѣлая понятія отвлеченныя посредствомъ весьма

живыхъ свойственныхъ ему выраженій, троповъ, фигуръ, сколько возможно, чувственными; естьли же оно употребляетъ введенія (episodes), то съ такою умѣренностію, (разумѣя сіе какъ о числѣ, такъ и пространствѣ ихъ), чтобъ онѣ, служа разуму нѣкоторымъ, какъ уже сказано, отдохновеніемъ, не дѣлали притомъ большаго ему затрудненія въ соединеніи между собою въ мысляхъ тѣхъ истиннъ, кои оными были прерваны. Лукреціево стихотвореніе о естествѣ вещей и опытъ человѣкѣ Попе (дважды переведенный на нашъ языкъ), могутъ быть лучшими образцами стихотвореній сего рода.

§. 195.

О стихотвореніяхъ собственно поучительныхъ.

Что касается до стихотвореній собственно поучительныхъ, то тѣмъ тонѣе должно быть въ нихъ стихотворческое искуство, чѣмъ менѣе свойственно писать симъ слогомъ о такихъ вещахъ, какія бываютъ ихъ содержаніемъ. Ибо кто не признаетъ, что правила, которыя предлагаются для исполненія, и кои по сему требуютъ объясненія иногда мѣлкихъ подробностей, гораздо удобнѣе и естественнѣе могутъ быть изложены прозаическимъ, нежели стихотворческимъ словомъ; и что мысль и надежда удачно изобразить ихъ посредствомъ послѣдняго могла

родиться только въ такомъ стихотворцѣ, который весьма былъ увѣренъ въ той опытности и въ томъ досужествѣ, съ какими онъ долженъ употребить въ семъ случаѣ свой даръ стихотворства, не отъемля чрезъ то ничего существенно свойственнаго таковымъ наставленіямъ. Впрочемъ все, что на сей конецъ замѣтить слѣдуетъ, можно заключить въ трехъ главныхъ правилахъ, то есть, что такое стихотвореніе должно быть: 1-е просто или естественно, 2-е ясно, и 3-е кратко. Естественность требуетъ, дабы здравый смыслъ, основанія правилъ и взаимное оныхъ одного отъ другаго произхожденіе болѣе всего замѣтно было читателю, такъ, чтобы употребленное къ украшенію сочиненія стихотворческое искуство казалось такимъ даровитаго ума произведеніемъ, которое не только родилося безъ всякаго намѣренія сочинителя, но коему онъ, будучи увлеченъ пылкимъ своимъ воображеніемъ, противиться не могъ 1). Употребляются правда въ семъ стихо-

*) Изъ сего видно, всякой ли стихотворецъ способенъ къ сему сочиненію, и какое потребно усиліе, чтобы произвести оное удачно при посредственномъ стихотворческомъ дарованіи. Буало употребилъ нѣсколько лѣтъ на сочиненіе своей науки о стихотворствѣ.

твореніи нѣкоторыя описанія; бываютъ даже иногда введенія (episodes), но всегда съ такою осторожностію и умѣренностію, какъ сказано о семъ выше. Ясность, для соблюденія коей нужно все то, что сказано мною въ опытѣ Риторики о семъ качествѣ поучительныхъ въ прозѣ сочиненій, налагаетъ на стихотворца обязанность употребить все свое искуство на то, чтобы предлагаемыя имъ вещи и понятія вѣрно и легко начертывалися въ воображеніи читателя. Наконецъ краткость, которую можно почесть отличительнымъ качествомъ сихъ стихотвореній, исключаетъ всякое плодовитое, но безполезное разпространеніе мысли, и требуетъ, чтобы самое существо правила заключалося сколько возможно въ немногихъ выраженіяхъ *). Поелику въ такомъ словѣ подъ немногими рѣченіями содержится много, и притомъ самыхъ существенныхъ мыслей; слѣдственно сія краткость соединяя съ собою и свойство сильнаго слога, способствуетъ къ тому, чтобы изображенныя такимъ образомъ вещи глубоко впечатлѣвалися въ нашемъ

---

*) На примѣръ: qu'en un lieu, en un four, un seul fait accompli,
Tienne jusqu' à la fin le theatre rempli.

Boileau.

умѣ и долго оставалися въ нашей памяти *). Виргиліево стихотвореніе о земледѣліи можетъ быть лучшимъ примѣромъ, Гораціева наука о стихотворствѣ и образцемъ и изъясненіемъ сихъ правилъ.

§. 196.

О стихотворческихъ письмахъ.

Къ поучительнымъ стихотвореніямъ справедливо можно съ Ешенбургомъ отнести еще стихотворческое, то есть стихотворческимъ слогомъ написанное, письмо, тѣмъ болѣе, что оно въ разсужденіи содержанія, разположенія и степени слова и украшеній почти во всемъ руководствуется правилами писемъ прозаическихъ **). Все, чѣмъ оно различается отъ сихъ, состоитъ въ томъ, что въ немъ сочинитель, какъ стихотворецъ, болѣе предается пылкому своему воображенію и живымъ чувствованіямъ своего сердца, нежели прозаикъ. По сей причинѣ стихотворческое письмо начинается и оканчивается безъ искуственнаго приготовленія; въ размѣщеніи прочихъ своихъ частей

---

*) . . . . Ut cito dicta
Percipiant animi dociles, teneantque fideles.
Horat.

**) Смотри въ опытѣ Риторики §. §. 122. — 134. и 186.

послѣдуетъ болѣе ходу воображенія или сердца сочинителя, нежели правиламъ; а въ изображеніи мыслей хотя употребляетъ такія выраженія и украшенія, которыя толь живо представляютъ вещи, что въ прозаическихъ письмахъ были бы чрезмѣрны, но съ сей стороны наблюдается, чтобы слогъ сего письма при всей живости своей походилъ на рѣчь, какую мы употребляемъ въ личномъ между собою обращеніи, то есть, чтобъ былъ воленъ и естественъ, такъ что нигдѣ не показывалъ бы напряженія и усилія способностей сочинителя. Образцемъ стихотворческаго писма можетъ быть письмо Г. Лом. о пользѣ стекла, и Кострова къ творцу оды, сочиненной въ похвалу Фелицы.

§. 197.

О сатирѣ.

Къ поучительнымъ стихотвореніямъ еще и при томъ съ большимъ основаніемъ можно причислить сатиру, которая, какъ ниже объяснится, въ разсужденіи мыслей болѣе допускаетъ вымысла, а въ ихъ расположеніи и выраженіяхъ имѣетъ болѣе стихотворческаго жара и восторга, нежели всѣ прочія онаго рода сочиненія въ стихахъ. Ниодинъ родъ стихотворенія, кромѣ сатиры, не отошелъ толь далеко отъ того состоянія, въ какомъ онъ былъ

О ея произхожденіи.

въ своемъ началѣ, и не имѣлъ столько съ собою перемѣнъ, пока получилъ свойственный ему нынѣ видъ. Сатира родилась у Грековъ въ самомъ первоначаліи, которое очень древне, была же она нѣкоторый родъ весьма несовершенной драмы, изобрѣтенной для простаго народа, которая представлялась во время его собраній. Изображеніе, какъ говорятъ, въ лицахъ сельскихъ игръ грубыхъ, свойственныхъ черни шутокъ, соединенныхъ съ таковыми же тѣлодвиженіями, или лучше сказать кривляніями, произношеніе съ пляскою стиховъ, составленныхъ вдругъ на такіе предметы стихотворцами, принадлежащими къ кругу самаго народа и подобныя сему вещи составляли сей родъ представленія (d'un spectacle), служившаго тогда единственною забавою народа. По сей причинѣ оно по обыкновенію древнихъ было посвящено Бахусу, какъ божеству веселія; а по поводу сего въ ономъ имѣли и роли всегда смѣшныя прислужники Бахуса, то есть Фавны или Сатиры, коихъ по причинѣ сего Горацій называетъ смѣхотворами (Satiri risores). Аристотель говоритъ, что коль ни несовершенна была сего рода драма, но она произвела трагедію, которая сначала долгое время была стихотвореніемъ забавнымъ.

§. 198.

Когда же сатира получила важный видъ, то оставшись всегда родомъ драмы и имѣя всегда забавное содержаніе, сдѣлалась уже театральнымъ представленіемъ, которое играно было сперва между дѣйствіями трагедіи, дабы нѣсколько разсѣять важныя мысли, кои зрителямъ внушала оная, а потомъ служила и особеннымъ зрѣлищемъ. Въ семъ періодѣ содержаніе сатиры измѣнилося, и сдѣлалось похожимъ на то, которое она нынѣ имѣетъ. Славнѣйшій изъ древнихъ Греческихъ комиковъ Аристофанъ сдѣлалъ ее комедіею, осмѣивающею пороки, злоупотребленія и глупости народоправителей. Сіе было во время народодержавія въ Аѳинахъ, но когда правленіе гражданскихъ дѣлъ перешло въ руки Вельможъ, то стихотворцы, не смѣя подражать Аристофану въ сатирѣ, которая все еще оставалась комедіею, осмѣивали пороки и глупости частныхъ людей, но не называя ихъ истинными ихъ именами. Такимъ образомъ сіе стихотвореніе въ Греціи все было драматическимъ, и въ семъ видѣ оно перешло въ Римъ, и даже нѣсколько времени такимъ оставалось въ немъ, пока наконецъ Луцилій и послѣдователи его Горацій, Персей и Ювеналъ сдѣлали ее стихотвореніемъ эпическимъ, то есть

О перемѣнахъ бывшихъ съ сатирою въ Греціи.

О состояніи сатиры у Римлянъ.

предлагаемымЪ отЪ самаго стихотворца, а не отЪ другихЪ лицЪ, удержавЪ для нея тоже содержаніе, какое она имѣла вЪ послѣднія свои времена вЪ Греціи.

§. 199.

О нынѣшней сатирѣ.

Что касается до того состоянія, вЪ какомЪ она находится нынѣ, то она весьма мало имѣетЪ различія отЪ упомянутыхЪ мною РимскихЪ послѣдняго времени, и сіе различіе единственно до содержанія относится; вЪ разсужденіи же прочихЪ частей стихотворческаго искуства она совершенно сходна сЪ ними, то есть такого же качества разумноженіе, то же размѣщеніе и таже связь мыслей, того же рода выраженія и украшенія. Относительно же содержанія, я сказалЪ уже, что личные пороки частныхЪ людей составляли вЪ позднія времена Греціи и Рима ея предметЪ. ВЪ семЪ смыслѣ говоритЪ ЮвеналЪ:

Quicquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.

Juvenal. Satir. 1.

То есть: что только занимаетЪ людей, желанія, страхЪ, гнѣвЪ, роскошь, радость, бѣганья, есть смѣсь, наполняющая мое сочиненіе.

Хотя все сіе и нынѣ бываетъ такъ же предметомъ сатиры; но стихотворцы позднѣйшихъ временъ, побуждаясь благороднѣйшими и обширнѣйшими видами, то есть желаніемъ общественнаго блага, признаютъ за правило осмѣивать въ сатирѣ пороки, заразившіе цѣлое общество, по крайней мѣрѣ большее число членовъ онаго, и управляясь избраннѣйшимъ вкусомъ, избираютъ содержаніемъ оной такія достойные охужденія поступки, кои подъ хитро составленною мазкою невинныхъ нравовъ, такъ сказать, прокрадываются мимо правосудія законовъ, или защищаются тою мнимою благовидностію, что весьма многіе ихъ имѣютъ, и тѣмъ самимъ они одобряются; но между тѣмъ благо нравовъ или гражданскаго состоянія терпитъ отъ того весьма много вреда.

§ 200.

Просвѣщенный, опытный и добродѣтельный стихотворецъ, ясно видя сіи злоупотребленія, не можетъ смотрѣть на нихъ равнодушно; сердце его наполняется противу ихъ негодованіемъ, и рѣзкое онаго изображеніе составляетъ тотъ родъ сатиры, который нѣкоторые піиты называютъ важною сатирою. Напротивъ сего когда онъ осмѣиваетъ въ ней такіе на подобіе язвы заразившіе об-

О сатирѣ важной.

О сатирѣ забавной.

щество обичаи, которые въ глазахъ всякаго благомыслящаго человѣка суть однѣ безразсудства, унижающія умъ, или вкусъ; то сей забавный, но ѣдкій его смѣхъ, состоящій въ живомъ изображеніи того, что въ оныхъ поступкахъ есть нелѣпаго и противнаго общему смыслу, составляетъ такъ называемую забавную сатиру.

§. 201.

Сличеніе сатиры важной и забавной между собою.

Главное различіе сихъ двухъ родовъ сатиры состоитъ въ томъ, что въ первомъ стихотворецъ явно пылаетъ отъ негодованія, а въ другомъ по видимому везде поражаетъ благомысліемъ и осыпаетъ отличнымъ остроуміемъ. Впрочемъ сіи два рода сатиры не столько удалены одинъ отъ другаго, чтобъ качества одного изъ нихъ не были иногда и въ другомъ. Но цѣль, искуство размноженія и отличительныя свойства слога, изключая нѣкоторое небольшое различіе, которое весьма удобно усмотрѣть изъ слѣдующихъ разсужденій, имъ обоимъ общи. Начнемъ цѣлію.

§. 202.

Общая цѣль сатиры.

Естьли бы стихотворецъ, изображая яркими красками пороки и злоупотребленія, имѣлъ въ виду только удовлетворить своему строптивому нраву, или смѣяся надъ

глупостями другихъ, хотѣлъ повеселить себя и своихъ читателей; то бы онъ безъ сомнѣнія совсѣмъ удалился отъ истинной цѣли сатиры, которая остроумнымъ осмѣяніемъ глупости, приведши въ стыдъ глупца, а живымъ изображеніемъ ненавистныхъ свойствъ порока въ разкаяніе порочнаго, производитъ въ нихъ такую счастливую перемѣну нравовъ, какой не всегда можетъ надѣяться самая строгая взыскательность правосудія: поелику человѣкъ привыкъ охотнѣе повиноваться чувствованіямъ своего сердца, нежели другаго рода нравственнымъ побужденіямъ, кои кажутся ему нѣкоторымъ насиліемъ. Равнымъ образомъ живыя изображенія заблужденій сердца ума и вкуса составляютъ главное общее обоимъ родамъ Сатиры искуство разумноженія и исторгающіяся иногда приличныя онымъ размышленія и краткія прявила нравственности суть ея какъ бы отступленія (episodes).

Общее искуство разумноженія.

§. 203.

Въ изображеніи нравовъ сатирикъ имѣетъ двѣ главныя обязанности: первая, чтобы вооружаться не противу порочнаго или глупца, но противу порока или глупости, то есть противу цѣлаго общества порочныхъ или глупцевъ; и по тому

О источникахъ изобрѣтенія къ изображенію нравовъ.

онъ соединивъ ихъ всѣхъ какъ бы въ одно лице, и давъ ему по большой части вымышленное имя, приписываетъ ему одному то, что каждый порочный имѣетъ ненавистнаго, или каждый глупецъ смѣшнаго. Одно опытное знаніе свѣта есть источникъ сего изобрѣтенія. Другой долгъ сатирика состоитъ въ искуствѣ такъ изобразить порокъ или глупость, чтобы всякой зараженный ими не могъ читать сихъ описаній безъ внутренняго нѣкотораго потрясенія, видя въ нихъ, какъ въ зеркалѣ самаго себя. Само собою явствуетъ, что сего рода искуство сатирика имѣетъ свое основаніе на глубокомъ познаніи самой сокровенной части человѣческаго сердца *). Ибо хотя блужденіе воли и ума бываютъ по видимому различны, естьли судить по дѣяніямъ каждаго человѣка; но онѣ у всѣхъ произтекаютъ изъ одного источника, то есть изъ общихъ всѣмъ людямъ, весьма часто рачительно укрываемыхъ, склонностей нашей души. Замѣ-

Знаніе свѣта.

и сердца человѣческаго.

*) Буало, говоритъ Мармонтель (въ Енцикл. подъ словомъ Сатира), не видалъ свѣта, онъ зналъ только словесность и то, что есть смѣшное въ худыхъ писателяхъ; отъ того онъ съ удовольствіемъ описываетъ (въ сатирахъ) Парижскія улицы, вмѣсто того, чтобы показать намъ внутренность нравственнаго человѣка.

шимъ при семъ мимоходомъ, что съ сей стороны драма отъ сатиры различается только тѣмъ, что въ первой изображаемые нравы видимъ въ поступкахъ и рѣчахъ дѣйствующаго лица, а во второй слышимъ о нихъ отъ самаго стихотворца.

сходство сатиры съ драмою.

§. 204.

Слогъ приличный вообще сатирѣ имѣетъ также два отличительныхъ качества, живость и колкость. Живость состоитъ въ томъ, что сатирикъ всегда изъясняется съ бо́льшимъ, или меньшимъ жаромъ, соразмѣрно своимъ чувствованiямъ, и какъ въ теченiи, такъ и въ выраженiи своихъ мыслей слѣдуетъ, кажется, не правиламъ, но движенiямъ своего сердца, отъ чего мысли у него по видимому не имѣютъ обдуманной связи, а рѣчь его весьма часто измѣняется изъ забавной въ важную, изъ острой въ сильную, изъ эпической въ разглагольственную или драматическую. Источникомъ сего качества сатирическаго слога есть восторгъ, свойственный сочинителю какъ важной, такъ и забавной сатиры. Въ первомъ случаѣ онъ состоитъ въ сильномъ негодованiи, которымъ душа стихотворца бываетъ исполнена къ пороку, а въ послѣднемъ составляетъ его живое чувствованiе презрѣнiя

О слогѣ сатиры.

О живости сатирическаго слога.

къ глупости, возбужденнаго и питаемаго весьма яснымъ представленіемъ того, что она имѣетъ въ себѣ нелѣпаго. Другое сатирическаго слога качество, то есть колкость, состоитъ въ томъ, что стихотворецъ и шутя надъ глупостію и вооружаяся противу порока всею силою негодованія, впрочемъ не выходя изъ предѣловъ благопристойности, всегда язвитъ свой предметъ, употребляя выраженія и украшенія болѣе такія, которыя дѣлаютъ мысли его рѣзкими.

О колкости сатирическаго слога.

§. 205.

Образцы сатиры важной, забавной.

Наконецъ нужно еще сказать нѣчто и о наружномъ видѣ сатиры, то есть, что она бываетъ иногда не что иное, какъ поучительное философское или историческое стихотвореніе, иногда письмо, иногда комедія, (напримѣръ, комедія: *Ябеда*). Образцемъ важной сатиры можетъ быть сокращенно переведенная г. Дмитріевымъ VIII. Ювеналова сатира (смотри сочинен: и перевод. третьяго изданія часть I. стран. 59.); а забавной, сочиненіе егоже г. Дмитріева подъ названіемъ: Чужой толкъ. (Тамъ же стран. 53.)

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ

О

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

---

§. 206.

О сущности драмы.

Драма, которая впрочемъ значитъ дѣйствіе, въ обширномъ смыслѣ есть не что иное, какъ подражательное какого либо дѣйствія изображеніе, коимъ стихотворецъ хочетъ дать намъ обстоятельное объ ономъ свѣденіе не посредствомъ повѣствованія всѣхъ его частей въ связномъ и естественномъ порядкѣ, но заставляя нѣсколько искуственныхъ лицъ производить оное предъ нами въ томъ видѣ, какъ оно могло, или должно было случиться или и дѣйствительно случилось.

§. 207.

О произхожденіи драмы.

Сама, кажется, природа научила человѣка сему роду занятія, составивъ его такъ, что все дѣйствующее на его взоръ гораздо сильнѣе впечатлѣвается въ душѣ, нежели поражающее слухъ его *). Иначе

---

*) Segnius irritant animos demiſsa per aures,
Quam quae sunt ſubjecta oculis fidelibus.

То есть: слабѣе дѣйствуетъ на душу, что входитъ въ нее посредствомъ слуха, нежели

чему должно приписать то, что самыя невѣжественныя едва вышедшія изъ первобытнаго состоянія, общества людей не только имѣютъ соразмѣрныя почти ничтожному ихъ вкусу, то есть весьма грубыя зрѣлища, но даже страстно любятъ ими увеселяться? Естьли къ сему разсужденію присоединимъ еще тѣ историческія о началѣ сатиры свѣденія, кои показаны выше, то не останется сомнѣнія, что драматическія стихотворенія суть того рода произведенія человѣческаго ума, которыя изобрѣтены въ самомъ началѣ общежитія.

§. 208.

О усовершенствованіи драмы.

Въ то время онѣ служили къ одной токмо забавѣ; но когда общества сдѣлались устроеннѣе, умъ просвѣщеннѣе, свойства человѣческаго сердца извѣстнѣе, а вкусъ чище и нѣжнѣе; то лучшіе стихотворцы нашли средство оное преимущество драматическихъ стихотвореній, то есть великое ихъ дѣйствіе на нашу душу обратить къ нравственной пользѣ своихъ современниковъ, и обольщеніе чувствъ сдѣлали сильнымъ орудіемъ къ нечувст-

---

то, что бываетъ представлено вѣрному глазу.

Горацій въ наукѣ о стихотвор.

вительному внушенію благонравія. Чтобы сей родъ стихотвореній могъ удовлетворить толь важному предназначенію надобно было изъ многократныхъ сличеній главнаго ихъ качества, то есть приносимаго ими удовольствія съ качествами сердца, то есть раздражимостію онаго, на основаніи здраваго смысла и правильнаго вкуса извлечь такія общія истинны, которыя бы служили твердыми въ такомъ случаѣ постановленіями. Онѣ будучи дѣйствительно извлечены, и потомъ разновременно изправлены и дополнены, составляютъ теперь правила драматическихъ стихотвореній, и будутъ по крайней мѣрѣ главныя изъ нихъ содержаніемъ слѣдующихъ замѣчаній. О произхожденіи правилъ драматическихъ стихотвореній.

§. 209.

Сіи правила, относящіяся до всѣхъ вообще драматическихъ стихотвореній, можно раздѣлить подобно правиламъ всѣхъ другихъ сочиненій на правила изобрѣтенія, разположенія и выраженія. Предметы изобрѣтенія драматическаго стихотворца суть тѣже, какіе и эпическаго, то есть содержаніе, подробности и дѣйствующія лица. Содержаніемъ всякой драмы бываетъ, какъ уже сказано, какое нибудь дѣйствіе; а что у стихотворцевъ называется дѣйствіемъ, уже объяснено мною выше. Оно О правилахъ драматическихъ сочиненій. О содержаніи драмы.

въ драмѣ бываетъ или истинное, дѣйствительно гдѣ нибудь случившееся, или вымыщленное.

§. 210.

О дѣйствіи истинномъ.

Первое сильнѣе поражаетъ зрителя, потому что другія занимаютъ наиболѣе воображеніе его, а сіе дѣйствуя не менѣе на воображеніе своимъ изяществомъ, въ то же время удовлетворяетъ его разуму; при томъ истинна всегда болѣе имѣетъ силы къ убѣжденію, нежели самый превосходный вымыслъ. Однако истинное дѣйствіе очень рѣдко бываетъ способно для драмы, отъ того, что принадлежащія къ оному обстоятельства или недостаточны для произведенія въ насъ надлежащаго соучастія, или слѣдуютъ одно за другимъ не въ такомъ порядкѣ, какого требуетъ драматическое дѣйствіе; нѣкоторыя же изъ нихъ будучи представлены на зрѣлищѣ, то есть нашему взору, покажутся невѣроятными, потому что искуство не можетъ точно ихъ изобразить, или оскорбятъ нѣжность вкуса *).

*) Но вещи въ свѣтѣ есть, что долженъ
скрыть Парнассъ,
Для слуха объяснить и удалить отъ глазъ.

Буало въ наукѣ о стихот. пѣснь 3.

§. 211.

Посему стихотворецъ для приспособленія онаго къ театру, оставивъ одну только, такъ сказать основу всего того, что повѣствуетъ исторія или что разгласила молва, и сохранивъ истинныя имена дѣйствующихъ лицъ, по большой части измѣняетъ многія составляющія оное обстоятельства, многія размѣщаетъ сообразно не теченію времени, но своей цѣли, иныя прибавляетъ, иныя опускаетъ. Сіе, то есть такимъ образомъ переиначенное истинное дѣлается смѣшеннымъ дѣйствіемъ. Нерѣдко такъ же стихотворецъ изобрѣтаетъ всѣ составляющія драматическое дѣйствіе обстоятельства, и слѣдственно самое дѣйствіе, составляя по большой части самъ, иногда же заимствуя изъ исторіи или преданій дѣйствующихъ лицъ. Такое дѣйствіе есть вымышленное.

О дѣйствіи смѣшанномъ.

О дѣйствіи вымышленномъ.

§. 212.

Между тѣмъ, какого бы рода ни было оно, вотъ главныя его качества: 1) вѣроятность, 2) поучительность, 3) сообразность съ истиннымъ вкусомъ, и 4) единство какъ его самаго, такъ и времени, въ продолженіе котораго оно должно совершиться, и мѣста, гдѣ происходитъ. Вѣроятность драматическаго дѣйствія, особливо вымышленнаго, которое есть

О достоинствахъ драматическаго дѣйствія.

О вѣроятности дра-

матиче- скаго дѣйствія.

не что иное, какъ искуственное подражаніе случающимся въ общежитіи произшествіямъ, состоитъ въ такомъ онаго съ сими сходствѣ, которое заставляетъ зрителя по крайней мѣрѣ на время представленія почитать вымыслъ за истинну: потому что хотя ему не случилось видѣть всего дѣйствія, но нерѣдко съ нимъ встрѣчались примѣры каждой въ особенности онаго части. Вѣроятность вымышленнаго дѣйствія еще болѣе бываетъ, когда самое теченіе одного за другимъ составляющихъ оное обстоятельствъ такъ составлено стихотворцемъ, что последующее всегда кажется слѣдствіемъ предъидущаго естьли не необходимымъ, по крайней мѣрѣ возможнымъ и въ общежитіи имѣющимъ образцы *). Не мало также придаетъ вѣроятности драматическому дѣйствію самая игра лицедѣевъ (актеровъ), и другія употребляемыя на сей конецъ искуственныя средства, на примѣръ ихъ одежда, убранства зрѣлища (декораціи), представляющія мѣсто, гдѣ предполагается произходившимъ дѣйствіе, или изображающія какое нибудь явле-

*) Пространнѣе о семъ можно видѣть въ переведенныхъ на Россійскій языкъ начальныхъ правилахъ словесности Баттіо, томъ 3. стран. 10. 25.

ніе природы, вводимое стихотворцемъ въ драму, такъ что лицедѣй и художникъ суть его совмѣстники въ успѣхѣ оной. Ибо хотя мысли, чувствованія, расположеніе, слогъ, и вообще все, что она ни имѣетъ превосходнаго, есть произведеніе стихотворца; хотя онъ предназначаетъ приличныя дѣйствію декораціи: но все останется мертвымъ, даже иногда будетъ смѣшнымъ, естьли лицедѣй своимъ дѣйствованіемъ всего того не оживотворитъ, естьли художникъ своимъ искуствомъ не заставитъ зрителя почитать подражаніе природѣ за самую природу *).

§. 213.

О поучительности драматическаго дѣйствія.

Вѣроятность драматическаго дѣйствія есть такое онаго достоинство, которое свойственно ему какъ подражанію, оно заставитъ зрителя удивляться искуству стихотворца, даже возхищаться иногда онымъ. Но главная и существенная цѣль драмы есть нравственная польза, которую должны получить отъ ней зрители; и сіе важнѣйшее совершенство драматическаго сочиненія требуетъ, чтобы служащее содержаніемъ онаго дѣйствіе

*) Пространнѣе о семъ можно читать такъ же у Баттіо, тамъ же стран. 47 — 65. —

было поучительно. Изъяснивъ довольно пространно сей предметъ выше, гдѣ говорено о качествахъ и нравахъ дѣйствующихъ въ Эпической поемѣ лицъ, я сдѣлаю здѣсь только два краткія на сіе замѣчанія. Вопервыхъ, что поучительность драматическаго дѣйствія, о которой идетъ рѣчь, заключается не въ томъ краткомъ наставленіи, которымъ драмы по большой части оканчиваются, но въ томъ, что почти въ каждомъ составляющемъ дѣйствіе обстоятельствѣ, почти въ каждомъ поступкѣ, въ каждой рѣчи дѣйствующаго лица мы видимъ самихъ себя, то есть, чемъ обыкновенно бываютъ заняты нашъ умъ, наше сердце, нашъ вкусъ; видимъ свои добродѣтели, пороки, глупости, предразсудки, пристрастія, дѣйствія страстей, и проч. Во вторыхъ, что польза, которую драмы посредствомъ сего намъ приносятъ, толь важна, что Эпопея не могла обойтись безъ того, чтобы сего качества оныхъ, такъ сказать, не занять для себя, и не сдѣлать его основаніемъ правилъ, коими Эпическій творецъ долженъ руководствоваться въ разсужденіи дѣйствующихъ своихъ лицъ.

§. 214.

О сообразности дра- Но чтобы драма была еще болѣе поучительна, стихотворецъ долженъ быть

превосходнымъ живописцемъ изобража-емыхъ имъ дѣяній, мыслей, чувствованій, предприятій человѣческихъ. Все, что выходитъ изъ подъ его кисти, должно быть совершенно, и сильно поражать воображеніе другаго. Добродѣтель представленная имъ въ самомъ плѣнительномъ видѣ, какъ бы противъ воли должна заставить зрителя любить ее: невинность угнѣтенная, беззащитная слабость, уступающая несправедливой силѣ, страсти торжествующія надъ разумомъ, должны растрогать его душу, извлечь у него нѣсколько слезъ, и побудить его невольно помыслить о самомъ себѣ. Порокъ, изображенный съ самой отвратительной стороны, долженъ наполнять его самымъ живымъ негодованіемъ; а глупость, представленная съ самой смѣшной стороны, презрѣніемъ къ ней. Для сего-то сочинителю драмы нуженъ правильный и нѣжный вкусъ, то есть при истинномъ понятіи о нравственномъ изяществѣ, при отличной способности души воспламеняться онымъ, пылкій и быстрый умъ, не только чувствующій, что въ каждомъ дѣяніи есть изящнаго, но при томъ весьма явственно отличающій мнимое или посредственной степени изящное отъ истиннаго и превосходнаго, разумѣя изящное нравственное.

матическаго дѣйствія съ истиннымъ вкусомъ.

§. 215.

О неправильномъ вкусѣ нѣкоторыхъ драматическихъ стихотворцевъ.

Есть нѣкоторые, особливо новѣйшихъ временъ, сочинители драмъ, кои для приобрѣтенія своимъ твореніямъ блистательнѣйшаго успѣха, а себѣ большей благосклонности, оставляя правильный вкусъ, слѣдуютъ иногда вкусу своихъ соотечественниковъ и своего времени. Они разсуждаютъ, что естьли будутъ руководствоваться вездѣ первыми; то зритель весьма темно видя въ драматическомъ сочиненіи самаго себя, останется хладнымъ, а иногда и непреклоннымъ, отъ того, что вкусъ его отечества или вѣка совершенно противенъ бываетъ правильному; что для сего надобно представлять ему вездѣ то, что ему нравится, что онъ одобряетъ; и что такое искуство болѣе тронетъ его, болѣе родитъ въ немъ соучастія, болѣе подѣйствуетъ на его умъ и сердце. Но всѣ драматическія творенія, кои въ изображеніи нравовъ, свойственныхъ вѣку и странѣ зрителей согласовалися съ заблуждающимъ ихъ вкусомъ, имѣли всегда одну судьбу, то есть послѣ великаго успѣха у своихъ современниковъ, умирали для потомства. Напротивъ такіе творцы драмъ, которые въ разсужденіи нравственнаго изящества управлялися правильнымъ, и слѣдственно всеобщимъ вкусомъ, суть безсмертны, и

заслужили одобреніе отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ.

§. 216.

Единство предмета необходимо во всѣхъ искуствахъ.

Ниодна способность наша не можетъ вдругъ двумя предметами заниматься съ равнымъ успѣхомъ. Они раздѣляя между собою ея силы, раздѣляютъ также, и по сему ослабляютъ ея успѣхи. Слабѣе возхищается зрѣніе, когда въ одно время представляются ему двѣ равной степени красоты; слабѣе поражается слухъ, когда въ одно время слышитъ два равно превосходныя произведенія музыки; слабѣе представляетъ себѣ умъ, когда двумя вдругъ развлекается познаніями; но несравненно слабѣе чувствуетъ сердце, когда въ одно время дѣйствуютъ на него двѣ равныя нравственныя силы. Слѣдственно для произведенія сильнаго дѣйствія надъ чувствами или надъ душею, непремѣнно нужно, чтобы занималъ ихъ одинъ токмо предметъ. Отъ того сіе единство предмета, основанное на естественномъ, всеобщемъ, неизмѣняемомъ качествѣ человѣка, составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ правилъ во всѣхъ подражающихъ природѣ искуствахъ; отъ того, напримѣръ, живописецъ никогда не представитъ на одной картинѣ двухъ лицъ

или двухъ произшествій, кои равно насъ занимаютъ.

§. 217.

Возраженіе противъ сего.

Но часто, скажутъ мнѣ, художникъ въ одномъ произведеніи своемъ помѣщаетъ много предметовъ; весьма часто сочинитель драмы, вводя разныя лица, изображаетъ разныя душевныя свойства (характеры). Справедливо; но въ семъ случаѣ обыкновенно изъ числа сихъ многихъ предметовъ есть одинъ главный, а прочіе помѣщены съ нимъ для того только, что они дѣйствуютъ къ большему изяществу онаго. Равнымъ образомъ въ драмѣ изъ числа разныхъ лицъ всегда есть одно главное, болѣе всѣхъ прочихъ привлекающее къ себѣ нашу душу; а другія, какъ бы помогающія ему въ семъ. Есть еще сильнѣе возраженіе противъ единства предмета. Оно состоитъ въ томъ, что есть драмы, въ коихъ или два лица съ разными душевными качествами, или двѣ разныя страсти въ одномъ лицѣ, такъ сильно и живо бываютъ изображены, что въ первомъ случаѣ каждое лице, а въ другомъ каждая страсть равномѣрное рождаютъ въ насъ соучастіе. Но сіи случаи въ самомъ дѣлѣ суть не отступленія отъ единства предмета, но только вышшей степени искуство въ избраніи онаго; такія въ одной

Отвѣтъ на оное.

Другое возраженіе противъ единства предмета.

Отвѣтъ на сіе возраженіе.

драмѣ два лица по большой части бывають противуположнаго свойства, а двѣ въ одномъ лицѣ страсти всегда противодѣйствующи; и сія противоположность, сіе противодѣйствіе составляетъ тогда главный предметъ драматическаго сочиненія.

§. 218.

О единствѣ драматическаго дѣйствія.

Отъ сего произходитъ, что всѣ лучшіе древніе и новѣйшіе какъ наставники въ семъ родѣ стихотвореній, такъ и упражнявшіеся въ немъ съ безсмертными успѣхами, признаютъ необходимымъ драматическимъ правиломъ единство дѣйствія. Оно состоитъ въ томъ, что всѣ составляющія дѣйствіе произшествія и обстоятельства, какъ части одного цѣлаго непосредственно или посредственно содѣйствуютъ къ главной онаго цѣли, то есть къ тому, чѣмъ оно совсѣмъ кончится. Единство дѣйствія еще явственнѣе есть отъ того, что во все продолженіе онаго мы видимъ одно главное лице, стремящееся къ одному предположенному имъ намѣренію, и преодолѣвающее для сего всѣ препятствія такъ, что все внушаетъ зрителю особливую нѣкоторую привязанность къ сему лицу и весьма нетерпѣливое желаніе знать, чѣмъ кончится его судьба въ разсужденіи его намѣренія. Къ

сему можно присовокупить то, что было говорено о семъ въ правилахъ о эпопеѣ.

§. 219.

О единствѣ времени.

Итакъ единство драматическаго дѣйствія какъ бы прилѣпляетъ душу зрителя къ одному предмету; но сіе прилѣпленіе тотчасъ ослабѣетъ, даже пропадетъ, когда чувства или воображеніе ясно увидятъ, что все то, къ чему хотятъ ихъ прилѣпить, есть не истинное, но подѣланное. Для обольщенія въ семъ случаѣ воображенія зрителя драматическое дѣйствіе должно имѣть единство времени, а для обольщенія чувствъ единство мѣста. Единство времени заключается въ томъ, когда зрителю кажется, что представляемое ему дѣйствіе могло исполниться во столько времени, сколько онъ бываетъ въ театрѣ. Впрочемъ единство сіе въ драмахъ бываетъ двоякаго рода, истинное и мнимое. Первое состоитъ въ томъ, когда дѣйствіе въ самой природѣ вещей не требуетъ болѣе времени, какъ сколько нужно онаго для его представленія. При небольшомъ размышленіи видно, сколь вѣроятнымъ покажется такое представленіе воображенію зрителя. Но какъ весьма трудно найти истинное или составить вымышленное дѣйствіе, которое бы столь мало предполагало времени; то

предѣлы единства сего рода распространены до такой степени, при которой воображеніе еще можетъ вѣрить, что дѣйствіе могло совершиться въ продолженіе времени, употребленнаго на его представленіе. Сіе единство времени есть уже мнимое; но и оно ограничено, и не можетъ заключать въ себѣ болѣе сутокъ, не лишась довѣрія зрителя. Иначе онъ скажетъ, возможно ли, чтобы прошло двѣ или нѣсколько ночей и столькоже дней между тѣмъ, какъ я два или три только часа нахожусь въ театрѣ? То же самое возразятъ мнѣ, скажетъ зритель, когда въ тѣже два или три часа представляютъ ему столько произшествій, что все то требуетъ продолженія времени не менѣе сутокъ. Дѣйствительно; но всѣ лучшіе стихотворцы отвращаютъ сіе затрудненіе тѣмъ, что они представляютъ на зрѣлищѣ такія обстоятельства драматическаго дѣйствія, которыя въ самой вещи требуютъ времени столько, сколько предполагаетъ ихъ представленіе; напротивъ то, что должно продолжаться долѣе, помѣщаютъ въ междудѣйствіяхъ, то есть когда занавѣсъ бываетъ опущенъ и играетъ музыка. О сихъ произходящихъ позади зрѣлища произшествіяхъ зритель только слышитъ въ слѣдующемъ дѣйствіи; и строго судя о томъ, могутъ ли

представляемыя на зрѣлищѣ произшествія совершиться во столько времени, сколько продолжается ихъ представленіе, почти совсѣмъ не занимается тѣмъ, достаточно ли время междудѣйствія для тѣхъ произшествій, которыя производятъ въ теченіе онаго.

§. 220.

О единствѣ мѣста.

Такимъ образомъ соблюденное единство времени естественно требуетъ и единства мѣста. Ибо въ толь краткое время можетъ ли дѣйствующее лице быть и въ Петербургѣ и въ Москвѣ? Такая скоропостижная, и слѣдственно неестественная перемѣна мѣста тѣмъ скорѣе разстроитъ очарованіе зрителя, перемѣняющаго вмѣстѣ съ дѣйствующимъ лицемъ мѣсто, что въ семъ случаѣ бываетъ судіею не воображеніе, но глазъ его, который труднѣе обольстить, нежели оное, и который тотчасъ видитъ сію несовмѣстность по перемѣнѣ декорацій. Естьлижъ ихъ не перемѣнять, то часто содержаніе дѣйствія не будетъ соотвѣтствовать мѣсту, и опять пропадетъ очарованіе зрителя. Впрочемъ частая перемѣна декорацій, хотя бы представляла она и правдоподобную перемѣну мѣста, затмеваетъ воображеніе зрителя и отнимаетъ у него часть обольщенія. Къ

поддержанію сего обольщенія способствуетъ мѣсто еще тогда, когда оно соотвѣтствуетъ состоянію дѣйствующихъ лицъ. Не грубая ли, на примѣръ, будетъ погрѣшность въ драмѣ, когда самъ Государь идетъ со всемъ своимъ совѣтомъ въ темницу допрашивать обыкновеннаго преступника? Всѣ сіи относящіяся къ единству мѣста обстоятельства тѣмъ болѣе затрудняютъ стихотворца, что по большой части весьма трудно бываетъ избрать истинное или составить вымышленное дѣйствіе такого свойства, чтобы всѣ принадлежащія къ нему произшествія могли случиться съ довольною вѣроятностію на таковомъ искуственномъ мѣстѣ. Древніе въ семъ случаѣ имѣли великое предъ нами преимущество: площади, на которыхъ у нихъ произходили всѣ общественныя дѣла, были обыкновеннымъ мѣстомъ предполагаемымъ въ ихъ представленіяхъ, а общенародныя зданія, коими были окружены ихъ площади, еще болѣе умножали удобство перемѣнять мѣста. Впрочемъ и нашихъ временъ драматическіе стихотворцы нѣсколько распространили предѣлы единства мѣста. Они предполагаютъ въ немъ столько пространства, чтобы переходъ изъ одной его части въ другую казался возможнымъ вообраоженію зрителя, сличающаго сіе съ

продолженіемъ времени, и глазу примѣняющему сію перемѣну мѣста къ дѣйствительной природѣ. Такимъ образомъ дворецъ и площадь, городская улица и лагерь за городомъ, оба берега рѣки, и проч. еще не разрушатъ единства драматическаго мѣста.

§ 221.

О распространеніи драматическаго дѣйствія.

Драматическое дѣйствіе сверхъ показанныхъ совершенствъ должно еще съ особливымъ искуствомъ быть обработано и сіе искуство заключается всего болѣе въ изобрѣтеніи и размѣщеніи обстоятельствъ или частныхъ дѣйствій, изъ коихъ должно состоять главное; и въ совершенномъ изображеніи нравовъ (характеровъ) дѣйствующихъ лицъ. Стихотворецъ, умѣвъ съ начала драмы произвести въ зрителѣ привязанность къ ея Герою, то есть заставить желать оному отъ всего сердца успѣха, или неудачи, смотря по качеству его предприятія; потомъ все дѣйствіе составляетъ изъ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ главное дѣйствующее лице безпрестанно борется съ возстающими противъ его намѣренія препятствіями, употребляя всѣ способы къ ихъ преодолѣнію, напрягая всѣ возможныя силы, пользуясь иногда хитростію, часто подвергая себя опасно-

стямъ, и проч. Сіи препятствія называются узломъ, а мѣры принятыя къ ихъ уничтоженію, и всѣ вмѣстѣ полагающія конецъ дѣйствію, развязкою. Какъ объ узлѣ и развязкѣ въ драмахъ нужно знать почти все то же, что о семъ было говорено выше въ правилахъ эпическаго стихотворенія; то здѣсь я только напомню о томъ кратко, присовокупивъ, что драма съ сей стороны имѣетъ ей особенно свойственное.

О нихъ узлѣ и развязкѣ.

§. 222.

Во первыхъ достоинства узла въ семъ случаѣ суть слѣдующія: первое, что составляющихъ его обстоятельствъ или частныхъ дѣйствій должно быть столько, сколько качество главнаго дѣйствія какъ бы само предназначаетъ, и сколько сообразно сему признаетъ ихъ нужными благоразумный сочинитель, наблюдая строго, чтобъ ихъ не было менѣе того, сколько необходимо для приведенія къ совершенному окончанію дѣйствія, и не болѣе сей надобности, изключающей такія изъ нихъ, безъ коихъ дѣйствіе можетъ достигнуть тогоже окончанія. Впрочемъ вообще когда сихъ обстоятельствъ бываетъ очень много, хотя бы онѣ и всѣ были нужны, зритель недоволенъ тѣмъ, что онъ съ трудомъ можетъ вообразить

О достоинствахъ драматическаго узла вообще, и особенно о надлежащемъ числѣ обстоятельствъ, оный составляющихъ.

и соединить ихъ въ своихъ мысляхъ; а сіе весьма много ослабляетъ его соучастіе. Напротивъ сего когда ихъ будетъ очень мало, хотя бы ихъ и достаточно было для окончанія дѣйствія; то драма не имѣетъ того разнообразія произшествій, которое душу зрителя поминутно приводитъ въ новое положеніе, возбуждая въ ней разнаго рода чувствованія.

§. 223.

Объ отношеніи узла къ главному дѣйствію.

Сверхъ того составляющія узелъ произшествія должны произходить отъ главнаго дѣйствія подобно тому, какъ вѣтви отъ корня, такъ, что хотя съ начала дѣйствія мы не можемъ ихъ предвидѣть, но когда онѣ объяснятся; то явственно откроется, что онѣ суть не что иное, какъ существенныя онаго части. Но еще болѣе ихъ отношеніе къ главному дѣйствію заключается въ томъ, что каждое изъ нихъ, даже тѣ, кои съ начала кажутся побочными или вставочными (episodes) приготовляютъ то окончаніе драмы, какое видитъ зритель, то есть, что такое окончаніе есть естественное слѣдствіе оныхъ.

О взаимной связи обстоятельствъ, составляющихъ узелъ.

Между тѣмъ какъ всякая драма гораздо меньшее имѣетъ пространство, нежели эпопея, и при томъ занимаетъ вдругъ и воображеніе и взоръ зрителя; то составляющія узелъ обстоя-

тельства для облегченія его вниманія должны имѣть ходъ, то есть произхожденіе одного изъ нихъ отъ другаго самое явственное и каждое менѣе, нежели въ эпопеѣ, должно быть разпространено. Наконецъ поелику соучастіе зрителя дѣлается слабѣе, когда возбуждаемыя въ немъ чувствованія будутъ хотя различнаго свойства, но одной степени въ разсужденіи дѣйствія ихъ надъ душею; то для сего дѣлающія узелъ обстоятельства отчасу должны возрастать и дѣлаться важнѣе, то есть подвергать главное дѣйствующее лице большимъ затрудненіямъ, и большихъ требовать отъ него для ихъ преодолѣнія усилій, а чрезъ то тѣмъ болѣе раздражать привязанность зрителя къ оному.

§. 224.

О искусствѣ стихотворца въ разсужденіи развязки.

Что касается до развязки, поелику всѣ составляющія узелъ обстоятельства всегда предполагаютъ одинъ источникъ, изъ коего онѣ произтекаютъ; то посему развязка такъ же состоять должна изъ разныхъ способовъ и усилій, употребленныхъ главнымъ и другими дѣйствующими лицами для преодолѣнія тѣхъ препятствій, такъ, что каждая часть узла имѣетъ свою развязку, а всѣ вообще составляютъ главную, то есть каждая изъ оныхъ болѣе или менѣе, непосредственно или по-

средственно, но всегда способствуетъ къ тому, чѣмъ кончится все драматическое дѣйствіе. Частныя развязки должны слѣдовать каждая за своимъ узломъ, дабы зритель безпрестанно переходилъ то отъ страха къ надеждѣ, то обратно. Сверхъ того весьма приятна бываетъ развязка, особливо главная, когда зритель никакъ ее не могъ предвидѣть. До сего стихотворецъ достигаетъ тѣмъ, что ходъ узла разполагаетъ такъ, чтобы дѣйствіе могло кончиться иначе, нежели какъ оно кончилось. Не взирая однако на сіе, развязка всегда должна быть естественна, то есть правдоподобнымъ слѣдствіемъ узла. Наконецъ и частная и главная развязка должна быть удовлетворительна для своего узла, такъ чтобы по окончаніи драмы зритель не остался въ неизвѣстности, чѣмъ каждый кончился узелъ, и какая послѣдовала съ каждымъ дѣйствующимъ, особливо главнымъ лицемъ судьба.

§. 225.

О источникахъ изобрѣтенія узловъ и развязокъ.

Нѣкоторые піиты полагаютъ два источника, изъ коихъ изобрѣтаются драматическіе узлы, то есть невѣденіе и слабость дѣйствующаго лица, а узнаніе того, что ему дотолѣ было неизвѣстно, и перемѣну какимъ нибудь случаемъ его слабости въ могущество, признаютъ ве-

сьма естественными способами къ составленію развязки. Надобно сказать, что затруднительное и даже тяжкое иногда положеніе дѣйствующаго лица, происходящее отъ незнанія имъ того, что извѣстно зрителю, весьма трогаетъ сего послѣдняго; и что слѣдующее потомъ успокоеніе дѣйствующаго онаго лица, когда узнаетъ то, чего прежде не знало, составляетъ дѣйствительно весьма естественную развязку. Но есть примѣры, что искуство употребляетъ иногда и другіе способы къ составленію узла и развязки въ драмахъ, и болѣе всего правдоподобные случаи, произходящіе отъ любовной страсти. Нѣкоторые Пііты возстаютъ противъ сего сдѣлавшагося почти общимъ источникомъ узла въ драмахъ; но нѣтъ страсти, которая была бы свойственнѣе человѣку, и притомъ толь изобильна и разнообразна въ своихъ послѣдствіяхъ, слѣдовательно способнѣе къ раздраженію почти во всякомъ зрителѣ соучастія, и плодовитѣе для стихотворческаго изобрѣтенія.

Объ узлѣ основанномъ на любви.

§. 226.

Послѣдній и самый важный предметъ изобрѣтенія драматическаго Стихотворца есть дѣйствующія лица. Отъ искуснаго ихъ изобрѣтенія и изображенія зави-

О дѣйствующихъ лицахъ.

сятЪ два главныя несовершенства драмы: сіе какЪ бы довершаетЪ обольщеніе зрителя, и вЪ тоже время служитЪ самымЪ лучшимЪ способомЪ сдѣлать сіе сочиненіе поучительнымЪ, сЪ одной стороны столь живо представляя дѣйствующія лица, что онѣ зрителю кажутся дѣйствительными, а сЪ другой дѣлая нравы ихЪ столь явственными и разительными образцами или добродѣтели, или порока, что чрезЪ сіе нечувствительно можетЪ внушить ему страстное желаніе вЪ первомЪ случаѣ подражать, а вЪ другомЪ удаляться сихЪ примѣровЪ. Я имѣлЪ уже случай показать все, чего требуетЪ стихотворческое искуство, дабы созидать и изображать дѣйствующія лица такЪ, чтобЪ онѣ могли удовлетворить двумЪ показаннымЪ предположеніямЪ ихЪ. Драма при весьма небольшомЪ соображеніи сЪ качествами театра можетЪ вЪ семЪ случаѣ руководствоваться тѣми же самыми правилами.

§. 227.

О частяхЪ и разположеніи драмы.

Драматическое стихотвореніе имѣетЪ свои части и свои правила рвзположенія. КакЪ главное, служащее содержаніемЪ онаго дѣйствіе состоитЪ изЪ нѣсколькихЪ частныхЪ, то стихотворецЪ изЪ одного или нѣсколькихЪ сего послѣдняго рода дѣйствій, которыя составляютЪ явственно от-

дѣльную часть главнаго, дѣлаетъ особливую часть драмы, оканчивая оную по большой части на томъ, что должно происходить позади зрѣлища, и чего не зная зритель, не можетъ понимать продолженія драмы. Сіи ея части обыкновенно называются дѣйствіями. Онѣ должны слѣдовать одно за другимъ, какъ само собою явствуетъ, сообразно ходу и теченію главнаго дѣйствія, и послѣдующее служить продолженіемъ онаго, но такъ, что каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ исполненіе какого нибудь предпріятія, которое въ прочемъ есть не что иное, какъ часть главнаго дѣйствія, и слѣдственно имѣетъ свое начало, средину и конецъ. А изъ сего слѣдуетъ, что въ каждомъ дѣйствіи бываютъ на зрѣлищѣ тѣ токмо дѣйствующія лица, безъ участія коихъ оно не можетъ совершиться, и столько разъ на немъ являются, сколько разъ онѣ для сего бываютъ нужны. Отъ чего происходитъ, что въ иномъ дѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ совсѣмъ не бываетъ на зрѣлищѣ. Горацій въ наукѣ о стихотворствѣ полагаетъ, что драма непремѣнно должна содержать въ себѣ пять такихъ дѣйствій *), и большая часть лучшихъ драматиче-

*) Neve minor, neve sit quinto productior actu.

Fabula.

скихъ стихотворцевъ слѣдуютъ сему правилу, особливо въ трагедіяхъ. Но нѣкоторые наставники сего искуства думаютъ, что число дѣйствій въ драмѣ есть также произвольно, какъ и число явленій въ каждомъ дѣйствіи. Есть даже прекрасныя драмы, состоящія изъ трехъ или одного дѣйствія; но нѣтъ такихъ, въ которыхъ было бы ихъ болѣе пяти. По моему мнѣнію отъ богатства или скудости вопервыхъ содержанія драмы, а вовторыхъ сочинителева воображенія зависитъ, чтобъ она состояла или изъ пяти дѣйствій, не имѣя при томъ нигдѣ пустыхъ и надутыхъ разпространеній, или изъ трехъ, даже изъ одного, (разумѣя послѣдній случай о комедіяхъ и операхъ), не опустивъ ничего, что можетъ сообщить дѣйствію особливое изящество и силу.

§. 228.

О первомъ дѣйствіи.

Каждое дѣйствіе драмы имѣетъ содержаніемъ всегда опредѣленную часть содержанія всей драмы, и слѣдственно свои достоинства и правила. Первое служитъ какъ бы вступленіемъ или введеніемъ зрителя въ драму, отъ чего оно у древнихъ и называлось protasis. Въ немъ стихотворецъ, такъ сказать, знакомитъ его съ содержаніемъ представленія и съ имѣющими

дѣйствовать лицами такъ, что по окончаніи онаго зритель уже знаетъ предпріятіе, которое будетъ занимать всѣ дѣйствующія лица; знаетъ обстоятельства, изъ коихъ оно родилося; знаетъ, кто и какъ будетъ дѣйствовать, и даже можетъ впрочемъ весьма темно и недостаточно, предвидѣть послѣдствія. Изложеніе предпріятія бываетъ совсѣмъ, иначе нежели въ эпопеи. Драма начинается не тотчасъ самымъ предпріятіемъ, но такимъ относящимся къ нему обстоятельствомъ, которое уже есть послѣдствіе сдѣланнаго предпріятія, и потому предполагаетъ, что зрителю оно уже извѣстно, хотя сей тогда еще не знаетъ объ ономъ. Онъ узнаетъ его уже послѣ, и притомъ заключая о немъ изъ рѣчей и повѣствованій дѣйствующихъ лицъ въ первыхъ явленіяхъ. Въ сихъ также явленіяхъ оныя лица между разговоромъ открываютъ ему всѣ предшествовавшія предпріятію обстоятельства, служившія источникомъ онаго, а изъ всего вообще сего дѣйствія онъ заключаетъ о разныхъ способахъ, какими можетъ итти все дѣло, но такъ, что не можетъ ниодинъ изъ нихъ почесться за достовѣрный. Что касается до свѣденія о дѣйствующихъ лицахъ; то тѣ изъ нихъ, которыя въ первомъ дѣйствіи являются на зрѣлищѣ, самымъ дѣйствованіемъ сво-

Въ немъ объясняется содержаніе драмы.

Дается понятіе о дѣйствующихъ лицахъ.

имъ даютъ зрителю понятіе не только о себѣ, то есть о своемъ состояніи, нравѣ и о томъ родѣ участія, какой каждое изъ нихъ будетъ имѣть въ драмѣ, но и о тѣхъ, кои явятся на зрѣлищѣ не прежде, какъ во второмъ или третьемъ дѣйствіи, дабы зритель, когда они покажутся, зналъ уже, кто они, и какое берутъ участіе въ дѣлѣ.

§. 229.

О второмъ, третьемъ и четвертомъ дѣйствіи.

Но какъ при всемъ томъ первое дѣйствіе мало откроетъ зрителю подробностей предприятія, а еще менѣе ходъ и способъ продолженія главнаго дѣла; то во второмъ уже болѣе все то объясняется, однако такъ, что зритель, будучи удовлетворенъ въ разсужденіи прошедшихъ, остается въ сомнѣніи въ разсужденіи будущихъ произшествій, предугадывая только содержаніе третьяго, и далѣе дѣйствія. Сія неизвѣстность необходима для поддержанія его любопытства. Само собою явствуетъ, что содержаніемъ втораго, третьяго и четвертаго дѣйствій бываютъ обстоятельства, составляющія узелъ и частныя ихъ развязки. Узелъ начавшійся, впрочемъ весьма непримѣтно, еще въ первомъ дѣйствіи, отчасу возрастаетъ, какъ сказано выше, въ трехъ

среднихъ дѣйствіяхъ, а въ четвертомъ доводитъ соучастіе зрителя до толь чрезмѣрнаго раздраженія, что онъ горитъ отъ нетерпѣнія узнать разрѣшеніе всего дѣла. На семъ основано весьма благоразумное замѣчаніе нѣкоторыхъ наставниковъ драматическаго искуства, что такія части главнаго содержанія, которыя по правиламъ вкуса должны произходить позади зрѣлища, могутъ быть вмѣщаемы въ первыхъ трехъ междодѣйствіяхъ, но не между четвертымъ и пятымъ дѣйствіями, естьли стихотворецъ не хочетъ огорчить зрителя, нетерпѣливо желающаго скорѣе узнать главную всего развязку.

§. 230.

О пятомъ дѣйствіи.

Чѣмъ болѣе онъ ожидаетъ ее, чѣмъ болѣе онъ бываетъ приготовленъ къ какому нибудь важному произшествію, которымъ должна кончиться драма, тѣмъ съ большимъ искуствомъ, силою и жаромъ должно быть составлено пятое дѣйствіе, тѣмъ болѣе должно оно успокоить душу зрителя, и успокоить при томъ вдругъ и непредвидѣннымъ отъ него образомъ: на семъ то основывается отличное достоинство драмы, когда развязка находится въ самомъ послѣднемъ явленіи.

§. 231.

О раздѣленіи дѣйствій на явленія.

Какъ всякое дѣйствіе драмы состоитъ изъ разныхъ произшествій и обстоятельствъ, кои большею частію требуютъ того, чтобъ ихъ производили, или по крайней мѣрѣ принимали въ нихъ нѣкоторое участіе, и были при томъ одни дѣйствующія лица; другія же совсѣмъ бы о томъ не знали, и по тому бы не находились при томъ; то неестественно въ продолженіе цѣлаго дѣйствія быть безпрестанно на зрѣлищѣ однимъ, кольми паче всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ; но во время всякаго дѣйствія одни изъ нихъ приходятъ, а другія уходятъ со зрѣлища. Всякая часть дѣйствія представляемая одними дѣйствующими лицами, то есть начинающаяся приходомъ или уходомъ одного или нѣсколькихъ изъ нихъ, и продолжающаяся до такого же случая, называется явленіемъ.

§. 232.

О числѣ явленій и дѣйствующихъ лицъ

Число явленій въ каждомъ дѣйствіи, какъ уже сказано, а равно и число дѣйствующихъ лицъ въ каждомъ явленіи не опредѣляется, а именно явленій бываетъ столько, сколько содержаніе дѣйствія заключаетъ разныхъ выше изъясненныхъ обстоятельствъ, а дѣйствующихъ лицъ столько, сколько каждое изъ сихъ обстоятельствъ

будетъ требовать производителей его. Отъ сего произходитъ, что иногда на зрѣлищѣ остается только одно дѣйствующее лице (разумѣя, когда того требуетъ существо представленія); напротивъ сего въ послѣднемъ явленіи драмы являются почти всѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшія дѣйствующія лица, и сіе для того, дабы зритель тѣмъ явственнѣе видѣлъ жребій каждаго.

§. 233.

О взаимной связи явленій.

Но самая важная будетъ сдѣлана противу драматическихъ правилъ погрѣшность, естьли въ продолженіе дѣйствія зрѣлище остается нѣсколько времени безъ дѣйствующихъ лицъ. Неприятно также видѣть, когда всѣ дѣйствовавшія въ одномъ явленіи лица уходятъ со зрѣлища въ одну сторону, а съ другой приходятъ другія, которымъ надобно представлять слѣдующее явленіе; или когда дѣйствующее лице уходитъ потому, что ему не осталось ничего дѣлать на зрѣлищѣ, или чтобы не встрѣтиться съ другимъ, съ которымъ ему по теченію обстоятельствъ тогда видѣться не должно. И такъ главное съ сей стороны достоинство явленій состоитъ въ томъ, когда зритель при всякомъ приходѣ и уходѣ дѣйствующихъ лицъ видитъ удовлетворительную того причину, и находитъ ее не

столько въ правилахъ драматическаго искуства, сколько въ существѣ, то есть въ послѣдованіи обстоятельствъ представляемаго дѣла. При томъ достойно замѣчанія, что въ продолженіе всей драмы каждое дѣйствующее лице, особливо важнѣйшія изъ нихъ, въ лучшихъ драматическихъ твореніяхъ, ежели не много разъ, то хотя однажды имѣетъ дѣло на зрѣлищѣ съ каждымъ другимъ дѣйствующимъ лицемъ.

§ 234.

О драматическомъ слогѣ.

Остается нѣчто сказать о родѣ слова симъ стихотвореніямъ свойственнаго. Явствуетъ, что по причинѣ разнаго содержанія и разныхъ родовъ драмы оно должно быть весьма различно такъ, что отъ рѣчи простолюдина самаго низкаго состоянія возходитъ до рѣчи вѣнценосцевъ. Не взирая на сіе разнообразіе, есть нѣкоторыя общія онаго качества, которыя заключаются подъ названіемъ разглагольственнаго слога. Въ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ мысляхъ и чувствованіяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ плавномъ или порывистомъ ихъ послѣдованіи одной за другою, видѣть образцы того, что ежедневно встрѣчается съ нами въ общежитіи, а въ рѣчахъ ихъ естественныя и непритворно ихъ занимающія отношенія другъ ко другу, сверхъ сего въ каждомъ движе-

ніи души, въ каждомъ выраженіи того словами усматривать состояніе, возрастъ полъ, и проч. дѣйствующаго лица, такъже обычаи времени и страны его мѣстопребыванія, вотъ главныя и истинныя достоинства драматическаго слога.

§. 235.

Но монологъ (единоразглагольствіе), то есть рѣчь произносимая дѣйствующимъ лицемъ, которое остается на зрѣлищѣ одно, имѣетъ еще нѣчто особливое. Какъ человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою тогда только, когда онъ бываетъ или столько исполненъ живыми чувствованіями, что говоритъ какъ бы противъ воли, дабы облегчить себя отъ нихъ, или погруженъ въ такое важное о какомъ либо трудномъ обстоятельствѣ своей жизни размышленіе, что съ намѣреніемъ изображаетъ оное словами, дабы внимательнѣе вести цѣпь составляющихъ оное мыслей; то въ такихъ только случаяхъ употребляются и въ драмахъ монологи. Слѣдственно они должны имѣть возможное сходство съ изъясненными выше единоразглагольствіями. Въ нихъ дѣйствующее лице иногда предается восторгамъ тайной своей радости или печали, тайной надежды, или такого же отчаянія; иногда колеблется нерѣшимостію между двумя проти- О монологѣ.

ными между собою страстями; иногда изобрѣтаетъ, иногда изъ нѣсколькихъ изобрѣтенныхъ средствъ избираетъ одно для успѣшнѣйшаго произведенія какого либо дѣла и проч. А посему монологи весьма рѣдко могутъ быть длинны, и слогъ имѣть плавный и періодическій. Сверхъ сего сочинитель драмы посредствомъ ихъ не только даетъ ей болѣе сходства съ природою, но еще извѣщаетъ зрителей о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ долженъ знать, и кои должны оставаться до времени еще неизвѣстными другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

§. 236.

О рѣчахъ, произносимыхъ въ сторону.

Случается иногда, что во время самаго разговора между собою нѣсколькихъ лицъ бываетъ нѣкоторый родъ монолога, то есть когда одному изъ разглагольствующихъ лицъ надобно сказать что нибудь такое, чтобъ другіе не слыхали; тогда онъ говоритъ сіе въ сторону. Безъ сомнѣнія необходимость заставляетъ драматическихъ стихотворцевъ прибѣгать къ сему роду весьма краткихъ монологовъ; но естественно ли, чтобы человѣкъ во время разговора съ другими говорилъ нѣчто про себя, а сіи того не слыхали, притворяясь на то время или разсѣянными,

или занятыми чѣмъ нибудь другимъ, я отдаю сіе на судъ правильнаго вкуса.

§. 237.

Заключая симъ общія и главныя правила драматическихъ стихотвореній, я намѣренъ теперь показать главные оныхъ роды и каждаго изъ нихъ существенныя (отличительныя) качества. Какъ всякая драма есть правдоподобное подражаніе человѣческой жизни, и какъ судя по воспитанію, познаніямъ, вкусу, занятіямъ и проч. примѣтны два рода жизни, очень во многомъ не только различные между собою, но даже одинъ другому противоположные, а именно жизнь людей высокаго и обыкновеннаго состояній, такъ что, и та и другая имѣетъ какъ бы собственно каждой изъ нихъ принадлежащія добродѣтели и пороки, слабости, предразсудки, страсти, несчастія и проч. а посему и въ той и въ другой есть вещи, которыя живо поражая, могутъ весьма сильно содѣйствовать къ счастливой перемѣнѣ въ насъ порочныхъ склонностей, пристрастій, страстей, предубѣжденій и проч. по сей причинѣ драматическіе стихотворцы, присовокупивъ къ сему замѣчанію еще другое, то есть, что слабости, чрезмѣрныя страсти и несчастія великихъ людей болѣе, нежели обык-

О естественныхъ источникахъ разныхъ родовъ драматическихъ сочиненій.

ложенныя, насъ трогаютъ; и что заблужденія и безразсудства часто пріятнымъ образомъ насъ забавляютъ; избираютъ предметомъ искуственнаго подражанія своего такія высокаго состоянія обстоятельства, кои исторгаютъ изъ насъ слезы, или такія, кои заставляютъ насъ смѣяться. На семъ основаніи драма раздѣляется на два главныхъ рода: когда она представляетъ намъ несчастные случаи, бывающіе съ людьми высокаго званія, называется Трагедія; когда же изображаетъ смѣшныя произшествія, свойственныя людямъ обыкновеннаго состоянія, называется Комедія.

Драматическихъ сочиненій два главныя рода: трагедія и комедія.

§. 238.

О произхожденіи и усовершенствованіи трагедіи.

Начнемъ произхожденіемъ трагедіи, потому что симъ болѣе изъясняются нѣкоторыя оной качества. Я уже сказалъ выше, что началомъ сатиры и трагедіи были имны въ честь Вакха, кои во время приношенія въ жертву сему божеству козла (Trágos) были пѣты присутствовавшимъ при томъ народомъ. Сперва весь имнъ пѣли всѣ вмѣстѣ, и при томъ безъ всякихъ остановокъ отъ начала до конца а потомъ такъ, что одну его часть пѣла одна часть народа, а другую другая, и при томъ нѣсколько разъ перемѣняя одна другую. Но какъ при

семъ разнообразіи, которое безъ сомнѣнія было изобрѣтено для большаго удовольствія, сей обрядъ состоялъ единственно въ пѣніи, и потому въ существѣ своемъ весьма мало измѣнялся; то Тесписъ ввелъ въ него одно дѣйствующее лице, которое между пѣніемъ сперва повѣствовало о дѣяніяхъ Вакха, а послѣ предлагало и о другихъ вещахъ. Сіи монологи нѣсколько разъ прерывали пѣніе имна. Поющія лица названы тогда хоромъ, составлявшимъ послѣ у Грековъ нѣкоторую принадлежность трагедіи, и вотъ какъ сіе сдѣлалось: изобрѣтеніе Тесписа подало мысль Есхилу не только вмѣсто одного дѣйствующаго лица ввести два, но и заставить ихъ представлять какое нибудь ироическое дѣяніе, обработанное такъ, какъ сіе дѣлается въ эпопеѣ такъ, что по сему его расположенію уже хоръ сталъ служить къ раздѣленію на части дѣйствія, то есть стали пѣть во время междудѣйствій вмѣсто того, что прежде рѣчь дѣйствующаго лица раздѣлялась на части пѣніемъ. Отъ сего слабаго начала, сдѣланнаго Есхиломъ, послѣдовавшими за нимъ стихотворцами, особливо Софокломъ и Еврипидомъ, трагедія доведена до того совершенства, которому удивляемся въ трагедіяхъ древнихъ, и ея содержаніе ограничено такъ, что не всякаго рода страсти, какія при-

личны эпопеи, признаны свойственными ей.

§. 239.

О трагическомъ дѣйствіи.

Впрочемъ то, что болѣе всего отличаетъ ее какъ отъ эпопеи, такъ и отъ другихъ родовъ драмы, состоитъ въ особенныхъ качествахъ дѣйствія, служащаго ей содержаніемъ, и въ таковыхъ же обстоятельствахъ главнаго дѣйствующаго лица. Трагическое дѣйствіе, какъ я уже сказалъ, есть дѣйствіе ироическое, то есть свойственное только душѣ чрезмѣрно возвышенной, и для предпріятія и исполненія коего обыкновенныя добродѣтели недостаточны; даже когда трагедія изображаетъ дѣйствіе порочное, то и порокъ сей бываетъ такъже порокъ необыкновенной степени, означающій такую безбоязненность, такую непоколебимость души, какой самые порочнѣйшіе, коихъ мы знаемъ, не имѣютъ. Въ трагедіяхъ почитается еще ироическимъ такое дѣйствіе, которое касается цѣлаго народа, по крайней мѣрѣ цѣлаго общества, или хотя и одного лица, но со благомъ коего соединено общественное благо. Даже предпріятіе государственнаго человѣка, относящееся собственно къ его лицу, но напоминающее намъ о его высокомъ званіи, уже есть ироическое

Оно должно быть ироическое.

дѣйствіе въ семъ родѣ драматическаго сочиненія. На семъ основаніи такъ называемыя мѣщанскія трагедіи, въ коихъ дѣйствующія лица бываютъ обыкновеннаго состоянія, справедливо не одобряются нѣкоторыми критиками.

О трагедіяхъ такъ называемыхъ мѣщанскихъ.

§. 240.

Другое и важнѣйшее качество трагическаго дѣйствія есть то, чтобъ оно способно было произвести въ зрителѣ до чрезвычайной степени страхъ или соболѣзнованіе: въ первомъ случаѣ представляя героя драмы въ великихъ опасностяхъ, навлеченныхъ имъ на себя по большой части небольшими его погрѣшностями и слабостями, а въ другомъ случаѣ изображая его подверженнымъ чрезвычайному несчастію отъ подобныхъ причинъ. Сіи страсти чрезмѣрно раздражаютъ самолюбіе наше, (ибо мы тогда судимъ, что все то можетъ случиться съ нами, что случается съ другими *), и внушая намъ ужасъ къ пороку, даютъ совсѣмъ другое, нежели какое мы имѣемъ, понятіе о самыхъ человѣческихъ слабостяхъ, то есть, что они бываютъ иногда источникомъ великихъ не-

Трагическое дѣйствіе должно наводить страхъ или соболѣзнованіе.

---

*) Homo sum, nihil humani alienum a me esse puto.

Terentius.

счастій, а тѣмъ самимъ предостерегаютъ насъ отъ подобныхъ поступковъ и случаевъ. Вотъ, съ какой стороны заслуживаютъ одобреніе и тѣ трагедіи, въ коихъ добродѣтель или невинность, впрочемъ и та и другая не безъ погрѣшностей и слабости, бываютъ жертвою наглости порока.

§. 241.

О качествахъ главнаго дѣйствующаго лица.

И такъ Герой трагедіи долженъ бороться съ необыкновенными опасностями или несчастіями, но такими, которыхъ бы онъ не заслуживалъ, то есть коихъ причиною были бы небольшія его слабости, проникнувшія въ самое добродѣтельное сердце; или и важные пороки, но въ кои онъ вовлеченъ не навыкомъ къ нимъ, не склонностію душевною, а стеченіемъ обстоятельствъ, чрезмѣрною силою страсти, и какимъ нибудь непредвидѣннымъ случаемъ. Иначе онъ или какъ существо безпорочное, будучи такого естества, которое не дано человѣку; или какъ существо дѣйствительно порочное, и по тому не заслуживающее сострадания, не можетъ насъ тронуть. Древніе въ семъ случаѣ дѣлали источникомъ несчастій главнаго дѣйствующаго лица власть и судьбы боговъ; но сей оборотъ трагическаго искуства кромѣ того, что нынѣ

не можетъ быть вѣроятнымъ, дѣлаетъ драму гораздо менѣе поучительною, представляя случаи, отъ коихъ по большой части никакая человѣческая сила остеречься не можетъ. Когда же героемъ драмы бываетъ необыкновенно порочный человѣкъ, тогда показанныя качества предполагаются въ другомъ дѣйствующемъ лицѣ, и трагедія тѣмъ поразительнѣе бываетъ, что зритель какъ бы однимъ взглядомъ видитъ въ ней и бѣдствія, преслѣдующія слабость свойственную человѣку, и неистовство порока.

§. 242.

О искусствѣ изображать опасности и несчастія главнаго дѣйствующаго лица.

Изъ сихъ замѣчаній слѣдуютъ другія, относящіяся до искуства трагика. Чтобъ исполнить душу зрителя страхомъ и соболѣзнованіемъ, онъ изображаетъ съ возможною живостію опасности и несчастія героя драмы, показавъ предварительно всѣ его достоинства, и чрезъ то родивъ искреннюю и великую къ нему привязанность въ зрителѣ. Сверхъ сего возбуждаемыя страсти должны съ ходомъ трагедіи возрастать, то есть опасности быть отчасу болѣе угрожающими, а несчастія отчасу бóльшими, однако такъ, что бы между тѣмъ просіявалъ иногда нѣкоторый лучъ надежды, дабы чувствованіе зрителя сдѣлать нѣсколько разнообразнѣе. Наконецъ

главную развязку составляетъ всегда какое нибудь самое поразительное произшествіе, по большой части несчастное, а иногда состоящее и въ такой перемѣнѣ обстоятельствъ, которая вдругъ спасаетъ страждущее лице отъ всѣхъ несчастій, и которой притомъ всегда виновникомъ бываетъ самой высокой степени возвышенный духъ.

§. 243.

О трагедіяхъ съ хорами.

Остается еще нѣчто сказать о трагедіяхъ, кои бываютъ съ хорами. У древнихъ они были обыкновеннѣе, нежели у нынѣшнихъ стихотворцевъ. Мы видѣли уже, что пѣніе имновъ въ честь *Вакха* было началомъ трагедіи. Сіи и другія показанныя выше обстоятельства заставили, кажется, изобрѣтателей ея почитать пѣніе существенною ей принадлежностію. Но со временемъ тѣже Греки почувствовавъ неосновательность сего правила, дали тому другой видъ. Поелику мѣстомъ ихъ драмъ предполагаемы были площади, гдѣ всегда находилось множество народа; то они сдѣлали необходимостію трагедіи, чтобы представляемаго въ ней дѣйствія были другіе свидѣтели, кои не какъ дѣйствующія лица, но какъ сторонніе зрители, принимали иногда участіе, особливо въ важныхъ обстоятельствахъ, и

оное изъявляли или рѣчью одного изъ нихъ, или общимъ ихъ пѣніемъ, прерывая даже тѣмъ представленіе дѣйствователей. Такимъ образомъ вводимое въ трагедію древними пѣніе свидѣтелей дѣйствія называлося хоромъ. Посему когда и нынѣшніе трагики вводятъ въ сіе стихотвореніе хоры; то поющія у нихъ лица предполагаются также по большой части свидѣтелями происходящаго дѣйствія, приемлющими по временамъ нѣкоторое въ томъ участіе, изображаемое ими посредствомъ пѣнія. Сіи хоры придаютъ представленію нѣкоторое величество; но великаго требуется искуства сдѣлать ихъ толь правдоподобными, чтобъ они не могли разрушить обольщенія зрителя.

§. 244.

Комедія, о коей слѣдуетъ говорить, основана на другомъ, нежели трагедія, качествѣ человѣческаго сердца. Сію произвела чувствительность нашей души; страхъ и соболѣзнованіе суть ея орудіе, а любовь къ добродѣтели и ужасъ къ пороку составляютъ ея цѣль. Напротивъ сего комедія есть произведеніе нашей склонности смѣяться надъ глупостями другихъ. Слѣдовательно представивъ естественно, остроумно и живо достойные осмѣянія поступки людей, забавить насъ

О комедіи.

О существенномъ ея источникѣ: о ея предметѣ:

на щетъ ихъ нравственности, есть ея орудіе. Не лучше ли, скажутъ мнѣ, было бы въ такихъ случаяхъ возбуждать въ насъ сожалѣніе о человѣческихъ слабостяхъ, нежели угождать сей легкомысленной и неблагонамѣренной склонности? Но стихотворцы, зная изъ опытовъ, коль счастливый имѣетъ у насъ успѣхъ все то, что льститъ нашимъ склонностямъ, стараются сіе самое по видимому неизвинительное угожденіе онымъ направить

ея цѣли. къ истинной пользѣ нашей. Осмѣивая предъ нами нелѣпые поступки другаго, нечувствительно въ тоже время обращаютъ наше размышленіе на себя самихъ; и внутренній стыдъ, который мы чувствуемъ, естьли что нибудь подобное находимъ въ себѣ, бываетъ сильнымъ побужденіемъ къ нашему изправленію. Вотъ цѣль, которую предполагаетъ себѣ комедія.

§. 245.

Комическое дѣйствіе бываетъ порочное и смѣшное.

Итакъ содержаніемъ ея бываетъ дѣйствіе порочное, забавляющее насъ своею нелѣпостію. Искусный комикъ, какъ бы не видя въ немъ того, что заслуживаетъ наше или сожалѣніе, или отвращеніе, и наводитъ намъ страхъ, выискиваетъ и, сколько возможно, живѣе изображаетъ только то, что въ немъ есть

смѣшное, такъ что смѣшное всегда служитъ существенною основою комедiи. Напримѣръ лицемѣрiе есть ненавистный и гнусный порокъ; но лицемѣръ въ комедiи долженъ заставить насъ не ненавидѣть его, а смѣяться его безразсудству. При семъ достойно замѣчанiя, что драматическiе стихотворцы изображаютъ въ ней смѣшное и пороки разнымъ образомъ. Иногда вводятъ два лица, которыя имѣютъ противные одинъ другому пороки, напримѣръ скупаго отца и мота сына; иногда одному лицу приписываютъ слабость противоположную слабости, которую имѣетъ другое, напримѣръ представляютъ самовластную жену и слабодушнаго мужа; иногда пороку одного лица противополагаютъ добродѣтель другаго, напримѣръ заставляя чувствительнаго человѣка дѣйствовать вмѣстѣ съ жестокосердымъ.

О разныхъ способахъ изображать смѣшное въ комедiи.

§. 246.

Впрочемъ какъ во всѣхъ состоянiяхъ человѣка, то есть высокомъ, среднемъ и низкомъ бываютъ достойныя осмѣянiя поступки; то на семъ основанiи и комедiя раздѣляется на три рода, на высокiй, среднiй и низкiй. Но поелику люди высокаго званiя такiе поступки, естьли они дѣлаютъ ихъ иногда, умѣютъ прикрывать разными видами мнимой

Содержанiе комедiи берется изъ всѣхъ состоянiй,

благопристойности; при томъ и въ семъ случаѣ возбуждаютъ въ насъ болѣе нѣкоторый родъ сожалѣнія о нихъ, нежели разположеніе къ насмѣшкамъ; нелѣпыяже людей низкаго состоянія дѣянія по большей части бываютъ смѣшаны съ такою грубостію нравовъ, или невѣжествомъ, что производятъ болѣе отвращенія, нежели смѣхъ: то самое обыкновенное содержаніе комедіи почерпается изъ нравственности людей средственнаго состоянія, тѣмъ болѣе, что произтекающее изъ того наставленіе бываетъ полезно гораздо большему числу зрителей.

болѣе однако изъ средняго.

§. 247.

Комикъ долженъ знать нравы людей всякаго состоянія.

А посему какъ для изобрѣтенія, такъ, и еще болѣе, для живѣйшаго изображенія составляющихъ оное обстоятельствъ комикъ долженъ весьма хорошо знать, что люди каждаго состоянія имѣютъ особливое и поразительное въ своей нравственности, знать ихъ мысли, желанія, виды и проч. Слѣдственно чѣмъ скрытнѣе бываетъ то, особливо у людей высокаго званія, тѣмъ менѣе приличествуетъ комическому высокому роду, естьли не было вникаемо весьма рачительно во нравы такъ называемаго большаго свѣта.

§. 248.

Предположивъ смѣшное главнымъ и существеннымъ комическаго дѣйствія качествомъ, должно согласиться съ тѣми критиками, кои не одобряютъ комедій, заключающихъ въ себѣ нѣсколько цѣлыхъ дѣйствій, или явленій жалостныхъ, и отъ того бывающихъ уродливымъ смѣшеніемъ комическаго рода съ трагическимъ. Ихъ называютъ иногда драмами, иногда трагикокомедіями, иногда комедіями жалостными, соотвѣтственно Французскому названію Comedie larmoyante *).

Драмы или комедіи жалостныя суть произведенія испорченнаго вкуса.

§. 249.

Другое для комика весьма важное замѣчаніе есть то, чтобы смѣшное въ комическомъ дѣйствіи было основано на томъ, что противно общему и правильному, а не частному и временному вкусу. Комики, кои осмѣиваютъ глупости своихъ соотчичей и современниковъ, приносятъ истинную пользу своему отечеству и вѣку, даже имѣютъ великіе успѣхи въ приобрѣтеніи похвалъ, но съ другой стороны жертвуютъ славѣ, которую должны

Комическое смѣшное должно быть противно общему вкусу.

*) Такую комедію весьма легко можно сдѣлать изъ всякой повѣсти, изъ всякаго романа, въ которыхъ узелъ и развязка уже готовы.

искать у потомства. И такъ комедія, въ которой сочинитель умѣлъ остро и естественно осмѣять порокъ, извѣстный всѣмъ вѣкамъ и живущимъ въ тѣ времена переводится на разные языки, и представляется на зрѣлищѣ у всѣхъ имѣющихъ вкусъ народовъ.

§. 250.

Въ комедіи требуется великая вѣроятность во всемъ.

По изобрѣтеніи содержанія комедіи, стихотворецъ долженъ сверхъ того искусно все обработать. Первое на сей конецъ его стараніе должно быть о возможной вѣроятности всего, что входитъ въ ея составъ. Изображая въ ней то, что всякой ежедневно видитъ, онъ не долженъ забывать, что во всякомъ случаѣ зритель весьма удобно и скоро можетъ, такъ сказать, справиться съ природою.

Достоинства комедіи, поддерживающія вѣроятность.

И потому истинныя и существенныя достоинства комическихъ стихотвореній суть простота узла, естественность развязки, непритворность мыслей и чувствованій, наблюденіе мѣстныхъ обычаевъ, непринужденное теченіе разговора, легкость изъясненій, словомъ, искуство очаровать зрителя такъ, чтобъ ему казалося все то произходящимъ въ кругу общества людей, а не на зрѣлищѣ.

§. 251.

Впрочемъ комикъ, стараясь о вѣроятности, въ то же время долженъ помнить и о наставленіи зрителя. Для сего избравъ предметомъ осмѣять какой либо порокъ, и предназначивъ дѣйствующимъ лицамъ нравственныя качества, заставляетъ каждое, особливо главное изъ нихъ мыслить, чувствовать, желать, предпринимать, говорить, поступать такъ, что во всемъ томъ нравы и свойства каждаго видны весьма явственно и во всемъ ихъ совершенствѣ. Однако неблагоразумно сдѣлалъ бы онъ, естьлибы въ первомъ, или второмъ дѣйствіи изобразивъ въ полной мѣрѣ нравъ дѣйствующаго, особливо перваго лица, далѣе не могъ уже ничего прибавить къ его совершенству. Тогда слѣдующія за первымъ и вторымъ дѣйствія были бы излишни и напрасны. Для сего въ лучшихъ комедіяхъ чѣмъ далѣе продолжается дѣйствіе, тѣмъ яснѣе дѣлается и возвышается наше понятіе о нравственныхъ качествахъ каждаго дѣйствующаго лица, и зритель не прежде получаетъ полное о нихъ свѣденіе, какъ уже по окончаніи всей драмы.

О изображеніи нравственныхъ качествъ.

§. 252.

По сей причинѣ справедливо не одобряются комедіи, коихъ главное достоин-

О комедіяхъ, имѣю-

щихъ множество состоитъ во множествѣ и запутанности обстоятельствъ, составляющихъ узелъ (Les comedies d'intrigues.) Онѣ требуютъ сильнаго воображенія, и тѣмъ приносятъ честь стихотворцу; но отъемлютъ у него средство изобразить нравы большей части дѣйствующихъ лицъ, и отъ того бываютъ менѣе поучительны.

щихъ множества узловъ.

§. 253.

О оперѣ вообще.

Есть еще драмы, которыя какъ ни кажутся неестественны, но чрезмѣрно намъ нравятся, служа нѣкоторымъ доказательствомъ того, коль сильно должны были дѣйствовать надъ человѣкомъ стихотворенія, когда ихъ соединяли съ музыкою. Сія изобрѣтенная Италіянскими стихотворцами позднѣйшихъ вѣковъ и весьма обыкновенная въ наши времена драма, извѣстная всѣмъ подъ именемъ оперы, есть въ составѣ своемъ смѣшеніе стихотворства драматическаго съ лирическимъ, а главное оной отличительное качество состоитъ въ томъ, что лирическая ея часть всегда бываетъ соединена съ вокальною и инструментальною музыкою.

§. 254.

Правила оперы трояки.

Посему правила сего стихотворенія суть трояки: одни касаются драматической,

другія лирической ея части, а третьи суть приспособленія къ музыкѣ. Опера есть ли отдѣлить отъ нея все, что она имѣетъ лирическое, будетъ не что иное, какъ дѣйствительная драма. Ея содержаніемъ бываетъ дѣйствіе, состоящее изъ предпріятія, узла и развязки; а достоинства онаго суть также вѣроятность, поучительность, сообразность съ истиннымъ вкусомъ и всѣ три единства. Опера имѣетъ также главное и другія дѣйствующія съ нимъ лица, изображаетъ ихъ нравы и душевныя качества.

Правила драматической части оперы.

§. 255.

Даже судя по содержанію и состоянію дѣйствующихъ лицъ она бываетъ нѣкоторый родъ иногда трагедіи, и называется тогда ироическою, иногда родъ комедіи и называется низкою, а иногда родъ жалостной драмы, о коей сказано выше. Но поелику зритель занятъ бываетъ лирическою ея частію, особливо музыкою, гораздо болѣе, нежели драматическою; то стихотворецъ такъ обработываетъ сію часть, чтобъ она не требовала отъ зрителя большаго напряженія вниманія. Изложеніе предпріятія и предшествующихъ оному обстоятельствъ бываетъ сколько возможно внятнѣе, узелъ легкій и явственный, развязка простая и самая естественная, со-

Опера бываетъ или ироическая, или низкая.

Продолженіе правилъ драматической части оперы.

ставляющія же дѣйствіе обстоятельства раждаются одно отъ другаго какъ бы сами собою. а для изображенія нравовъ дѣйствующихъ лицъ ненужно великое искуство.

§. 256.

Поучительность оперы бываетъ болѣе въ лирической ея части.

Чѣмъ же опера, скажутъ мнѣ, будетъ поучительна? Гдѣ тѣ наставленія нравовъ, которыя составляютъ главную пользу отъ драматическихъ стихотвореній? Замѣчательный зритель всегда ихъ найдетъ въ лирической части; въ ней увидитъ онъ живое изображеніе нравовъ, страстей, пороковъ, слабостей и проч. и тѣмъ болѣе будетъ пораженъ сими картинами что онѣ писаны съ жаромъ, свойственнымъ лирику, а особливо ежели присовокупится къ сему еще музыка, сей по словамъ Вольтера волшебный языкъ, который проницаетъ въ сердце гораздо глубже, нежели рѣчь самаго краснорѣчиваго человѣка.

§. 357.

Драматическая часть должна быть приспособлена къ лирической.

Слѣдовательно сочинитель оперы съ такимъ искуствомъ долженъ составить драматическую оной часть, чтобъ она была изобильнымъ и естественнымъ источникомъ лирической части, чтобы почти каждое обстоятельство дѣйствія, почти

каждое положенiе дѣйствующаго лица возбуждали въ немъ страсти, по крайней мѣрѣ живыя чувствованiя, и при томъ то тихiя и нѣжныя, то кипящiя и возмущающiя душу. Естественно ли, опять скажутъ мнѣ, чтобы человѣкъ высокаго званiя или обыкновенный, но находящiйся въ несчастномъ, или угнѣтающемъ его положенiи, изображалъ состоянiе своей души пѣнiемъ. Три вещи дѣлаютъ въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ сiе искуство, дѣйствительно вышедшее уже за границы подражанiя природѣ: во первыхъ наша къ сему привычка; во вторыхъ, что стихотворецъ нечувствительно приготовляетъ къ тому насъ въ драматической части; а въ третьихъ, что въ семъ случаѣ недостатокъ естественности замѣняется прiятностiю обольщенiя; ибо музыка въ оперѣ есть почти тоже, что чудесное въ эпической поемѣ.

Возраженiе противъ естественности оперы.

Отвѣтъ на оное.

§. 258.

Изъ показанныхъ о драматической части оперы замѣчанiй явствуютъ нѣкоторыя качества и лирической части. Дѣйствующее лице, будучи необыкновенно поражено обстоятельствами, въ какихъ оно находится въ драматическомъ дѣйствiи, кратко и сильно изображаетъ какъ сiи

О лирической оперѣ.

Ея мѣсто въ оперѣ, ея содержанiе и разные виды.

обстоятельства, такъ и произведенныя оными въ его сердцѣ чувствованія; отъ чего его рѣчь состоитъ изъ такихъ выраженій, что почти въ каждомъ изъ нихъ говоритъ сердце. Впрочемъ когда въ ней только одно дѣйствующее лице изображаетъ посредствомъ пѣнія страстное состояніе своей души, то она называется аріею; когда сіе дѣлаютъ два вдругъ лица, дуетомъ; когда три, терсетомъ; когда четыре, квартетомъ; а когда число ихъ бываетъ больше сего, то хоромъ.

§. 259.

Объ аріяхъ.

Арія весьма много имѣетъ сходства съ изъясненнымъ выше драматическимъ монологомъ. Въ трагедіи или комедіи дѣйствующее лице въ монологѣ изображаетъ словомъ тайныя, но живыя свои чувствованія, коихъ оно скрывать въ себѣ болѣе не можетъ; въ оперѣ оно дѣлаетъ тоже, употребляя только для сего пѣніе. Дуетъ, терсетъ и квартетъ суть такъже подражанія природѣ. Когда два, три, или четыре человѣка разговариваютъ о такомъ дѣлѣ, которое для нихъ всѣхъ важно, случается, что во время ихъ занятія симъ раждаются вдругъ въ нихъ сильныя движенія души, то есть или во всѣхъ одно, когда они всѣ одну имѣютъ цѣль, или

О дуетѣ, терцетѣ и квартетѣ.

разныя и нерѣдко противуположныя, когда ихъ цѣли и намѣренія бываютъ различны. Въ первомъ случаѣ ихъ рѣчи сливаются въ одну, а въ другомъ они говорятъ всякой свое, или всѣ вдругъ, не слушая одинъ другаго, или подобно бѣглому огню, одинъ тотчасъ послѣ другаго. Разность употребляемыхъ въ оперѣ дуетовъ, терцетовъ и квартетовъ отъ показанныхъ случаевъ состоитъ только въ томъ, что въ ней сіе дѣлается посредствомъ пѣнія. Впрочемъ они также имѣютъ свое мѣсто тамъ, гдѣ дѣйствіе возпламеняется, и дѣйствующія лица приходятъ въ страстное состояніе. Они такъ же бываютъ краткі, но рѣдки, и большею частію состоятъ изъ жаркихъ вопросовъ, такихъ же отвѣтовъ, восклицаній, и проч. Хоры въ оперѣ употребляются въ такихъ мѣстахъ, въ какихъ аріи, дуеты, и проч. Они отличаются отъ сихъ только тѣмъ, что поющія въ нихъ лица представляютъ обыкновенно какое нибудь сообщество, пораженное однимъ какимъ либо чувствованіемъ, которое заставляетъ ихъ всѣхъ пѣть одно. Сіе послѣднее обстоятельство также основано на томъ, что случается въ самомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе дѣлаетъ ихъ вѣроятными, что множество голосовъ поющихъ одно, какъ бы соединяяся въ одинъ, производятъ рѣчь внят-

О хорахъ.

ную, напротивъ сего вдругъ говорящихъ людей весьма шумную, но невразумительную.

§. 260.

О приспособленіи лирической части оперы къ музыкѣ вообще.

Показанныя доселѣ правила сочинитель оперы наблюдаетъ какъ стихотворецъ, подражающій изящной природѣ; но онъ долженъ еще такъ сказать согласоваться съ другимъ родомъ подражанія той же природѣ, то есть съ музыкою, для того, что въ семъ случаѣ отъ соотвѣтствія между выраженіями его и выраженіями оной зависитъ большая часть успѣха. Сіе согласованіе требуетъ отъ музыканта, чтобъ избранный имъ напѣвъ съ возможною внятностію изоражалъ родъ и степень чувствованія дѣйствующаго лица, такъ, что музыка, которая совершенно выражаетъ содержаніе одной аріи, не можетъ по признанію самыхъ искусныхъ музыкантовъ быть употреблена для другой, развѣ сія будетъ заключать въ себѣ тоже самое.

§. 261.

Въ чемъ именно состоитъ сіе приспособленіе.

Но чтобы сочинитель музыки могъ въ семъ случаѣ употребить все свое искусство, стихотворецъ обязанъ способ-

ствовать ему въ томъ съ своей стороны, тѣмъ болѣе, что первый въ великомъ будетъ затрудненіи, когда въ мысляхъ другаго или нѣтъ ничего, или весьма мало такого, что заслуживаетъ быть хорошо выражено. Впрочемъ когда единозвучіе (monotonie) непріятно въ нашемъ словѣ, то тѣмъ болѣе въ музыкѣ. Для сего сочинитель оперы долженъ, сколько возможно чаще перемѣнять содержаніе аріи, дуэтовъ, и проч. Послѣ аріи изображающей тихое и нѣжное ощущеніе души должна слѣдовать другая, выражающая пылкое чувствованіе, и проч. Части аріи, содержащія въ себѣ что нибудь томное и унылое, должны состоять изъ рѣчи длинной и протяжной; напротивъ сего изображающія быстрое и живое движеніе сердца, изъ короткой и отрывистой. Мѣра самыхъ стиховъ въ разсужденіи стопъ должна соотвѣтствовать качеству выражаемыхъ ими чувствованій, (и отъ сего-то стихи въ семъ случаѣ бываютъ по большей части неравны). Наконецъ искусное смѣшеніе между собою разнаго количества звуковъ и употребляемыя иногда звукоподражанія должны не только соотвѣтствовать содержанію, но при томъ быть удобны для выраженія ихъ тонами музыки. Слѣдовательно сочинителю оперы весьма трудно успѣть

во всемъ, что сказано, безъ нѣжнаго и разборчиваго слуха, безъ сильнаго воображенія, безъ великаго навыка пользоваться мягкостію и грубостію языка, и безъ знанія по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній музыки.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	стр.	*напечатано:*	*читай:*
28	13.	тогдажніе	тогдашніе
36	25.	стихотвора	стихотворца
44	22.	принадлежитЪ	принадлежатЪ
50	15.	предріятіи	предпріятіи
70	18.	слулилось	случилось
73	25.	вЬ бездну	вЪ бездну
84	24.	на быстринус бѣжала	на быстрину сбѣжала
92	17.	непринужденнность	непринужденность
109	14.	рзазинулЪ	раззинулЪ
113	11.	зліѣчанія	замѣчанія
142	28.	извѣстыхЪ	извѣстныхЪ
170	25.	увичтожить	уничтожить
198	11.	за ниим	за ними
209	8.	во сѣхЪ	во всѣхЪ
212	15.	бываетЪ	бываютЪ
230	23.	сочиневій.	сочиненій.
—	—	имЪ	ихЪ
243	28.	принладежатЪ	принадлежатЪ
254	27.	каптата	кантата
269	26.	раличіе	различіе
291	21.	прявила	правила
304	2.	новѣйшпхЪ	новѣйшихЪ
347	1.	вобуждали	возбуждали
350	16.	изоражалЪ	изображалЪ.